

«Кавказ»: отзывы центральных газет

Кабардинец по происхождению, ныне живущий в Иордании, писатель, в отличие от многих наших российских литераторов, стремящихся обнародовать свои произведения где угодно, только не в своем Отечестве, считает своим долгом опубликовать книгу на русском и английском языках прежде всего в России. Много лет он вел архивные разыскания истоков сегодняшних раздоров, и результаты этих исследований легли в основу его трилогии «Кавказ»...

Книга - сага о жизни трех поколений одной кавказской семьи оставляет впечатление грандиозного кинематографического полотна, яркого, в лучших традициях Голливуда, действия не только благодаря даровитости Мухадина Кандура, но и его личной как бы причастности к изображаемому им. Дело в том, что предки писателя, как и сотни тысяч кавказцев, были вынуждены в прошлом столетии покинуть землю отцов...

«Литературная газета», 23 июня 1993 г.

Его роман-трилогия «Кавказ» необычайно ярко, сочно и красочно повествует о судьбе трех поколений одной горской семьи, испытавшей трагедию беженцев, переселенцев, изгнанников. Его страницы дышат любовью к Отчизне, уважением к предкам, верой в народную мудрость и доброту... Герои его замечательной исторической хроники - горячие и страстные, неподкупные и отважные., живут полнокровной жизнью. Радуюсь, мучаясь, страдая, веря и любя, они как бы призывают нас сегодняшних жить в доброте и любви к ближнему...

«Двадцать четыре» - международная газета,
25 июня 1993 г.

Сын кабардинских иммигрантов в поисках своих корней рассказывает историю своего народа в романе, написанном в ярком стиле, великолепно сочетая исторические события с семейными преданиями. Скрупулезно исследована роль России и ее влияние на судьбы северо-кавказских народов.

«Правда», 4 августа 1993г.

...Эта книга, трагическая история, рассказанная ярко и занимательно, объективно и с любовью к родине и предкам. Ни разу М.Кандур не задел национальных чувств ни одного кавказского народа, не выдвинул за какие-то заслуги одних перед другими.

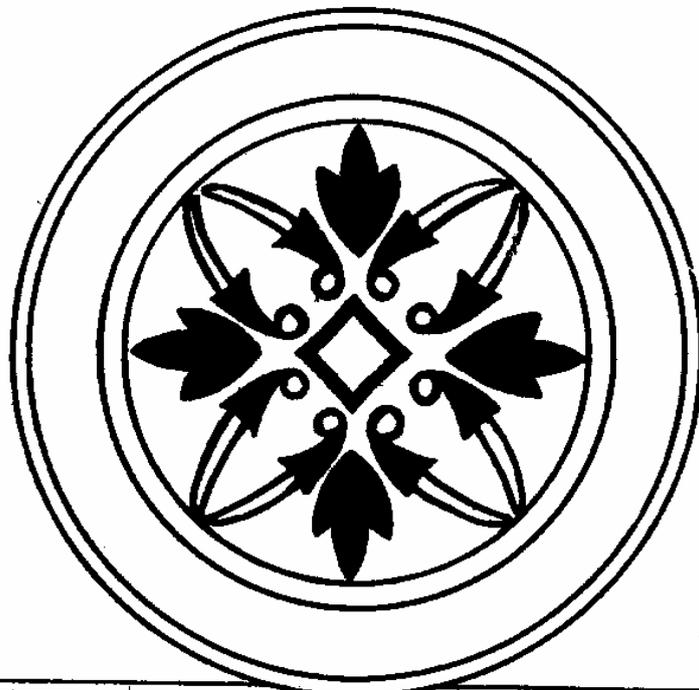
«Труд», 23 июня 1993 г.

Мудрому мусульманину
Иорданскому королю Его
Величеству Шарифу
Хусейну – ибн – Талалу.
Пусть Аллах даст ему
здоровье на долгие годы и силу
духа в служении своему народу.
А также памяти
кабардинского война, отдавшего
всю свою жизнь Его Величеству
и благородному Дому
Хашимов, моему дорогому
усопшему родителю генералу
Иzzату Хасану. Да покоится
он с миром, зная, что воля его
выполнена: Книга написана.

М.И.КАНДУР

КАВКАЗ

Историческая трилогия



КАНДИНАЛЬ

От автора

В основу этого произведения легла серия сценариев, написанных мною для телевидения. Трудно даже перечислить имена тех, чьи наблюдения, замечания и советы помогли мне в создании этой книги. Друзья в Турции предоставили в мое распоряжение секретные архивы и помогли с переводом, мои знакомые в России и Кабарде также снабдили меня ценнейшими материалами (это сегодня их можно свободно получить в архивном Отделе Государственной исторической библиотеки): например, воспоминаниями и письмами русских офицеров, служивших на Кавказе. Всем этим людям я выражаю свою искреннюю благодарность.

Автор книги также весьма признателен своей коллеге Френсис Кеннет за серьезную редакторскую работу и помощь в исследовательской деятельности Дэвида Эркорта, посвященной истории черкесского народа.

Первое издание в переплете осуществлено в 1994 году компанией «Кью Фор Холдинга Лтд.», Бат Стрит, Сент Хелмер, Джерси Ченнел Айленда. На русском языке выпущено московским издательством «Кандиналь в соответствии с соглашением с компанией «Кью Фор Холдингз Лтд.»

Кавдур М.И. Кавказ. Историческая трилогия: В 3 т. / Перевод В.А.Ченышенко. - М.: Кандиналь. 1994. - 336 с.

ISBN 5-88195-094-1 ISBN 5-88195-096-8 (т. 1)

Художник М. М. Горлов

Право М.И.Кандура быть идентифицированным в качестве автора данного произведения было доказано М.И.Кандуром в соответствии с Законом об авторские правах, разработках и патентах, 1988

К^0^0^29безобъявл. Т 43(03)-94

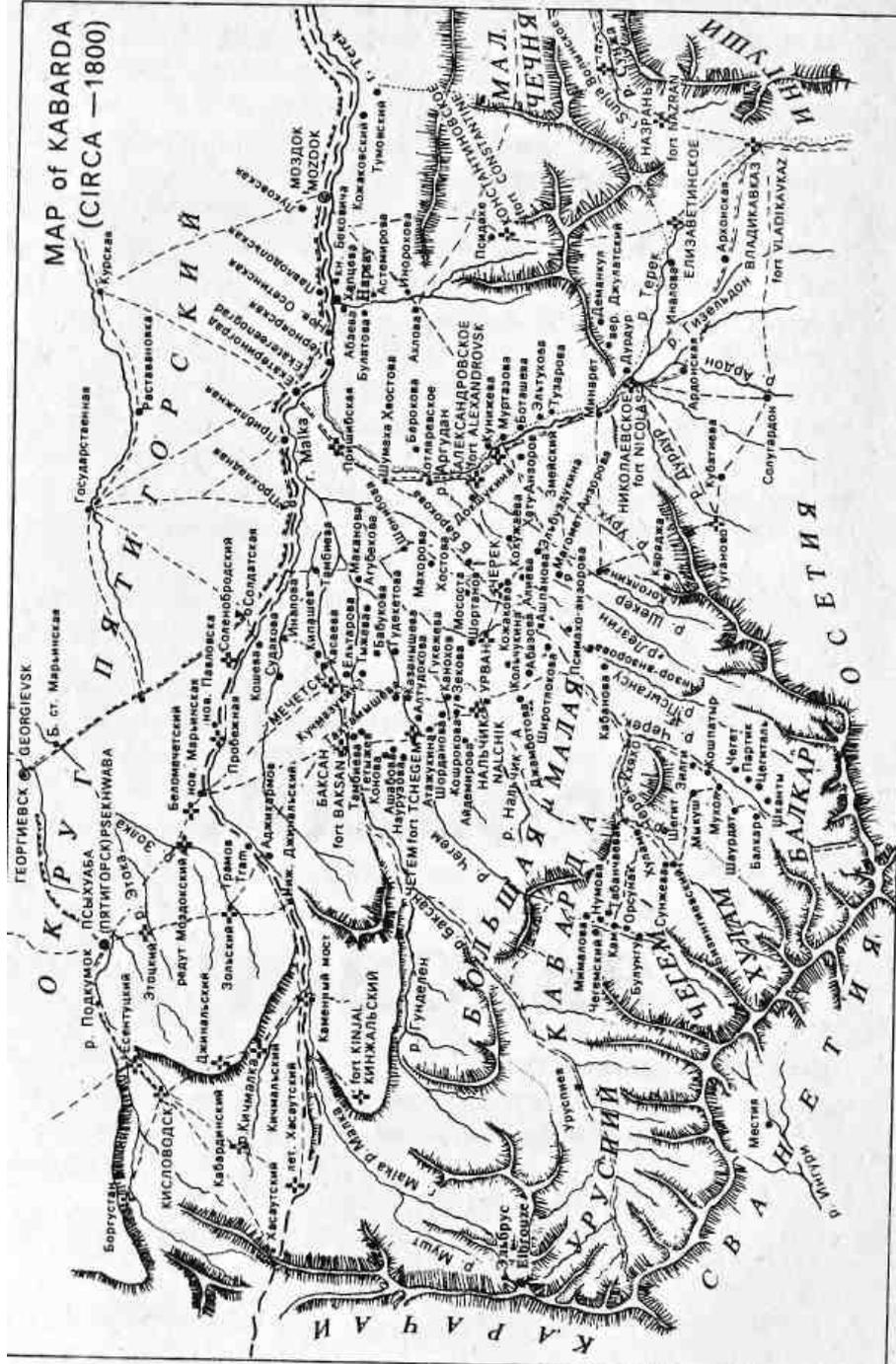
ISBN 5-88195-094-1

ISBN 5-88195-096-8 (т.1)

© М. И. Кандур, 1994

КНИГА ТРЕТЬЯ

ТРОЙНОЙ ЗАГОВОР



MAP information is courtesy of Military Archives Library, Moscow. All distances and locations are not to scale. --- Russian line

ГЛАВА ПЕРВАЯ

1833 год

Друзья Дэвида Эр карта, живущие в Англии, находили его положение весьма неопределенным, хотя сам он не испытывал никаких неудобств. В Константинополь его направили по личной рекомендации Его Величества Уильяма IV с заданием собрать сведения в интересах Британии. Джон Понсоби, друг и политический союзник Эркарта, как раз был назначен послом в Блистательную Порту, ко двору турецкого султана, что обеспечивало Эркарту надежные связи и защиту, открывало все двери. Неплохо для начала. Дела не сразу делаются.

Эркарт поправил на себе турецкий кафтан и халат, накрутил на голову муслиновый тюрбан. Собственная внешность по-прежнему не смущала его, он всегда одевался не так, как положено, а так, как удобнее, не заботясь о производимом впечатлении. У него не было особых причин для тщеславия: средний рост, редящие рыжие волосы, пронзительный взгляд голубых глаз - типичная внешность шотландца. Он откинулся на шелковые подушки в своей гостиной, ожидая посетителей.

Эркарт не постеснялся нарушить границы традиционного поселения британцев в Константинополе и снял скромный домик вдали от официальных резиденций в северной части города, расположенных в уютном местечке позади основной батареи пушек, направленных в сторону Босфора. Он предпочел поселиться в турецком квартале, находящемся к югу от Золотого Рога и к западу от портовой зоны Галаты. Здесь ему было легче встречаться с турецкими друзьями, избегая кривотолков европейских сплетников; здесь можно было спокойно посещать медресе и бани. В храмовых библиотеках он занимался самообразованием, пополняя знания о многих вещах в этом мире. Постоянно заходил в бани, в которых можно было расслабиться, избавиться от ощущения тяжести в груди, после них легче дышалось.

Слабость здоровья раздражала его, однако, может быть, именно это обстоятельство послужило косвенной причиной того, что сейчас он находится здесь, в Константинополе. В детстве Дэвид был болезненным, много времени проводил дома в обществе матери и учителя (его отец умер, когда он был еще совсем ребенком). Одиночество и замкнутость способствовали, кажется, быстрому умственному развитию мальчика, и уже в шестнадцать лет он стал студентом Оксфордского университета. Однако физическая немощь заставила Дэвида временно отложить планы дальнейшей карьеры (мать всегда прочила ему дипломатическое поприще). В обществе друга их семьи лорда Кохрейна, с которым брат Дэвида Чарльз служил в военном флоте в должности капитана, он отправился в Грецию.

За несколько лет Эркарт немало поездил по Востоку, и самое большое впечатление на него произвела Турция. Впрочем, он вовсе не принадлежал к людям романтического склада, путешествующим по дальним странам в поисках новых ощущений. Он не давал воли эмоциям, и идеализм не управлял его жизнью, как напрасно думали многие. Интеллект настолько преобладал в его натуре, что он едва замечал проявления чувств в других. Если у него и были недостатки, то именно в этой сфере. И он знал об этом. Он просто не мог понять, почему многие люди не способны логично мыслить.

Уильям IV этой способностью обладал. Высокопоставленные друзья матери Дэвида обратили внимание Его Величества на недавно изданный результат изысканий Эркарта на Востоке - фундаментальный труд «Турция и ее ресурсы». Главная мысль этой работы была словно специально обращена к королю как к человеку, имеющему отношение к военному флоту, и ее можно было сформулировать так: «Главное - обеспечить выход Британии в

Черное море! Торгуйте с Турцией, а не с Россией!». Стержнем этой концепции являлась идея о том, что Британии следует теснее крепить дружественные отношения с турками, устанавливать с ними деловые связи, способствовать возрождению дряхлеющей турецкой империи, не увлекаясь союзничеством с Россией, державой, от которой, по мнению Эркарта, исходила немалая угроза. (Лорд Понсоби разделял эти взгляды).

Уильям IV показал работу Дэвида Эркарта министру иностранных дел лорду Палмерстону, который и побудил автора вновь отправиться в Турцию в роли путешественника, изучающего возможности для британской торговли... Русофобия в Константинополе только разгоралась, однако, если Эркарт постарается как следует и раздует пламя сильнее, оно может разрастись в грозный пожар.

Стук в дверь заставил Эркарта подняться. Вошедший слуга заговорил по-турецки:

- Гости прибыли, Дауд-бей.

Эти тайные маленькие рандеву были чрезвычайно привлекательны. Эркарту удалось уговорить посла вместе с женой заехать в его маленький домик на дружескую вечеринку в «турецком» стиле. Кроме них, не ставя в известность лорда Понсоби, он пригласил сегодня своего большого друга и советника по вопросам русско-турецких отношений - черкеса Занноку Сафар-бея.

Сафар-бей обладал впечатляющей внешностью: высокий, темный, благообразный. Он был хорошим спортсменом и вдохновенным оратором. Сидя за чаем, они могли часами обсуждать мировые проблемы. Сафар-бей потягивал сладкий дым из пузатого кальяна, однако Эркарт, он же Дауд-бей, никогда не предавался этому занятию вследствие слабости здоровья.

- Просто очаровательно! - воскликнула леди Понсоби, заходя в скромную, целиком выдержанную в турецком стиле гостиную, не зная, радоваться или огорчаться отсутствию стульев. Эркарт оказался бескомпромиссным хозяином и просто указал на подушки, разложенные вокруг незамысловатого низкого столика, а потом молча ждал, пока леди Понсоби, затянутая в корсет на китовом усе, старалась как можно грациознее опуститься на них. Слуга подал ей аппетитные закуски и мятный чай на серебряном подносе. Это вызвало новые трудности, так как на руках гостя красовались тугие белые перчатки.

Эркарт едва удостоил ее взглядом. Для него это была всего лишь изысканная дама, продукт выделки своего класса: хорошо сложенная, довольно привлекательная, но образованная ровно настолько, насколько допускал это образ элегантной пустышки. К счастью, у нее были темные волосы, и она казалась приспособленной к жаре лучше, чем большинство живущих здесь европейских женщин. Впрочем, это не означало, что он часто бывал в обществе этих дам.

- Ахает, принеси вилки, - проговорил Эркарт, стараясь поскорее закончить со всеми формальностями. Жизнь слишком коротка, чтобы растрчивать ее на такие пустяки, в то время как в мире еще столько мест, где следует восстановить справедливость.

- Мистер Эркарт, - заговорила леди Понсоби с легкой растерянностью в голосе, - я и не предполагала, что Вы так близко восприняли османский образ жизни... так абсолютно. В чем же причина?

Видите ли, леди Понсоби, - начал Эркарт с легкой улыбкой, намереваясь, впрочем, скорее растолковать ей что-нибудь, чем очаровать. - Мне доводилось участвовать в греческо-турецких войнах. Я убил человека. Это был турецкий пленный, мусульманин, и этот случай позволил мне понять, насколько несправедно было все то, чем я занимался. Он, этот пленный, лично убедил меня в преступности убийства, потому что это была несправедная война. Именно у него я научился первым заповедям чистоты помыслов, обходительности, самоотверженности и искренности речей... Шесть лет я учился этому здесь.

- Но это не так! - воскликнула дама. - Мы воевали за правое дело!

- У него был совсем другой взгляд на это, - ответил Дэвид. Его взор сияющий огромной внутренней силой, словно гипнотизировал. - Он тогда сказал мне: «Если я беру в руки этот

мушкет без Божьего благословения, значит мной руководит дьявол». Он позволил солдатам вывести себя и своих товарищей из редута без единого выстрела... А почему? Да потому, что эта война не была одобрена фетвой...

- А что это такое? - нетерпеливо встала гостя.

- Благословение духовного лица, - быстро объяснил Эркарт. - Я был так потрясен его словами, что сам себя отдал бы под трибунал, если б это случилось со мной...

- Но Вы же...

Эркарт хмыкнул:

- Не мусульманин? Нет, конечно. Меня поразила справедливость его слов, религия здесь не при чем. А если бы мне нужно было посвятить себя какой-либо вере, думаю это был бы католицизм...

Леди Понсоби слегка зарделась. Она не привыкла к таким откровенным беседам. Неожиданная перемена после пустой болтовни в светских кругах. Еще в Лондоне ее предупреждали, что Дэвид Эркарт человек странный, теперь она поняла, что имелось в виду.

- А у меня сюрприз для Вас, - объявил вдруг Дэвид ее мужу, который бродил по комнате, заинтересованно разглядывая всяческие карты, рисунки и сувениры, собранные хозяином во время путешествий по странам Востока. - Сейчас должен подъехать Сафар-бей.

Лорд Понсоби вздрогнул и повернулся к нему:

- Разумно ли это?

На лице Эркарта отразилось недоумение:

- Почему бы и нет? Это будет чрезвычайно интересно. Ах да! Понимаю! Ваше положение! Не волнуйтесь, сэр Джон, это неофициальный визит, никто не знает о нем.

- Да Вы шутник! - лорд Понсоби усмехнулся, - Нас от самого дома преследовали русские соглядатаи, и да будет Вам известно, что все наши слуги находятся на содержании у Блистательной Порты. Куда бы мы не направились, об этом сразу же становится известным при дворе султана.

- Полагаю, что в данном случае Вам ничего не грозит, - примиряюще сказал Эркарт. - Они знают, что я поддерживаю Турцию и настроен против России. Единственное, чего я добиваюсь, это истина.

- Да, я, конечно, согласен с Вами, но следует избегать столь явных поступков. Советовал бы впредь быть осмотрительнее...

Эркарта стали утомлять эти протокольные церемонии:

- Полагаю, что Вы предпочли бы чтобы я не впускал Сафар-бея, когда он явится? Я могу послать нарочного и вернуть его с дороги, если Вам так угодно...

Тут вмешалась леди Понсоби и заговорила таким высоким голосом, что он, казалось, легко проникал наружу сквозь ставни тонкой работы:

- Это было так мило с Вашей стороны - устроить нам встречу с этим выдающимся господином здесь, в этом уютном турецком доме! Просто чудесно. Не думаю, что бы кто-нибудь мог обидеться на столь осмотрительный поступок. Вы поступили так благородно, Дэвид, так великодушно. Я непременно напишу Вашей матери об этом, а также о том, что Вы свободно говорите по-турецки и завели много друзей среди местных. Просто замечательно, что здесь в Константинополе, рядом с нами живет такой тонкий знаток культуры и языка. Вы можете быть очень полезны мне, дорогой Дэвид. Джон, ну не будь же таким скучным!

Лорд и леди Понсоби обменялись восторженными взглядами. Не нужно было приставлять ухо к замочной скважине, чтобы услышать все это. Леди Понсоби пустилась на авантюрный трюк и имела теперь подходящий предлог для всего, что должно было произойти дальше.

Пока леди Понсоби очаровывалась радушным хозяином, маленький парусник Сафар-бея причалил к пристани в Галате. Черкес покинул корабль и сел в закрытый фиакр, который подвез его прямо к дверям дома Эркарта. Сафар-бей был неофициальным

представителем низинных черкесов - кавказского народа, живущего на западных причерноморских нагорьях.

- Добро пожаловать. Лорд Джон уже прибыл и с удовольствием встретится с Вами, - приветствовал гостя Эркарт.

Сафар-бей оказал ему необычную честь и отсалютовал турецкой теменой. Такого приветствия могут быть удостоены лишь истинные мусульмане.

- Дауд-бей! - воскликнул он, произнося имя хозяина на турецкий манер и добавляя почтительное окончание для пушей важности.

- Что нового? Уверен, что новости у тебя есть. Позволь мне представить тебя... - быстро проговорил Эркарт, уводя гостя подальше от спящих слуг.

Сафар-бей никогда ранее не встречался с леди Понсоби и поклонился ей очень низко. В отличие от многих своих соплеменников, он сызмальства привык видеть европейских женщин в вечерних нарядах. Их декольте казались ему просто отвратительными, однако он быстро свыкся с мыслью, что мужчины на Западе вовсе не считают постыдным привозить своих дам в общество в полуголом виде, даже если дама не первой молодости, как например леди Понсоби.

- Большая честь познакомиться с супругой нового посла. Сегодня мы будем говорить только о поэзии, музыке и легендах, - игриво заявил он.

- Как сказал один древний поэт, «взгляни на розу»...

Улыбаясь, Сафар-бей повернулся к мужчинам и заговорил так тихо, что его едва было слышно:

- Нет, мы не будем говорить о новой крепости, которую строят сейчас по приказу императора Николая на берегу Черного моря возле И лоры. По последним данным там будет до десяти фортификационных сооружений...

- Причем становится все очевиднее, что русские собираются вмешаться в торговые связи между Кавказом, Турцией и Британией, - добавил Эркарт также вполголоса. - Кстати, что слышно насчет моей предполагаемой поездки в Черкесию? Мне не терпится отправиться в путь и увидеть все своими глазами...

- Да, новости у меня есть, но не будем же мы здесь их обсуждать!

- Нет не будем, - бодро заявила леди Понсоби.

- Господа, если вы хотите курить, то почему бы вам не пройти в кабинет? Дайте мне возможность потолковать с господином Сафар-беем...

Горящими глазами она наблюдала, как Сафар-бей доставал бумаги откуда-то из складок своего богатого бархатного халата. Лорд Понсоби и Эркарт одновременно повернулись и направились в кабинет обсуждать последние сообщения с Западного Кавказа, из Черкесии.

- Дэвид, - проговорила леди вслед уходящим.

- Непременно приходите к чаю. В посольстве Вы не показываетесь, а люди болтают разное. Не игнорируйте нас, пожалуйста.

- Я очень занят, но постараюсь, - ответил тоттрассеянно. - С этой поездкой в Черкесию у меня много хлопот...

Леди Понсоби вернулась на свои подушки. Сафар-бей сел рядом, покрыв свои скрещенные ноги полами сверкающего одеяния. Полы несколько разъехали, обнаруживая огромный кинжал в ножнах, красующийся сбоку на поясе. Откуда англичанке знать, что без такого кинжала ни один черкес не может считать себя полностью облаченным. Эта ночь казалась леди Понсоби фантастичнее ее самых безумных девических грез. Как жаль, что она уже не молода, чтобы серьезно к этому отнестись...

* * * * *

Казбек и его спутник Хашер все ехали к западу, удаляясь от Кабарды, выписывая зигзаги, выезжая на долины, лежащие к северу, затем пересекали горные цепи, пока

постепенно долины не вытянулись вдоль северо-восточного направления, куда устремлялись и потоки, которые как полагал Казбек, вливаются в Кубань. Перебираясь от одной долины к другой, они двигались по проходам, обнаруженным Казбеком при тщательном исследовании рельефа. Сноровка, вложенная в Казбека аталиком Темирокой, давно стала его второй натурой: если хоть одна лошадь прошла здесь за последние шесть месяцев, Казбек мог безошибочно проследить ее маршрут, отыскивая едва заметные следы. Мужчины уводили лошадей все выше, в более безопасные районы.

Каждый свободный клочок земли среди кавказских снегов расцвел золотистым осенним садом. На более низких высотах под лошадиными копытами расстилались пестрые ковры цветов: горечавка, незабудки, вероника и герань, густые заросли зрелого рододендрона, доходящего лошадям до крупа.

Быстро объезжая деревушки Казбек с Хашером двигались в сторону высокогорного подлеска, где преобладал ягодный кустарник высотой до плеча всадника: шиповник, орешник переплетались с зарослями дикой яблони и рябины. Все это буйно плодоносило. Иногда они забирались еще выше, в зону высокого леса, где густо росли грабы, осины и дубы вперемешку с величавыми буками.

Казбек вспомнил слова странствующего ашуга, повторявшего слышанное им когда-то от Шамиля: «Ах, если бы мог я священными маслами и медом умастить эту грязь и слякоть - лучших защитников нашей свободы...»

Постепенно дорога снова вывела их вниз, на плодородные долины. Казбек знал, что они приближаются к землям бжедугов и шапсугов. Луга и ягодные кустарники казались напоенными, сочными, благодаря частым дождям, выпадающим здесь. Горные пики, окружающие долины, были покрыты более толстым слоем снега, тоже благодаря этим дождям. Он впервые увидел западное окончание Кавказской гряды. Он помнил, что горы в Чечне серее, а пики круче.

Впереди, там где тропа сужалась, зарябил водой какой-то источник на уютном уединенном лугу. Казачьи лошади, которых Казбек захватил у убийц своего сына, ускорили шаг, и Казбек ослабил центральный повод, чтобы они могли побыстрее добраться до воды и напиться. Когда они подъехали, он спешился и освежил лицо пригоршней вкусной прохладной воды. Потом его внимание привлек гигантский дуб, размеры и величавость которого невольно наводили на мысль о том, что это место священо: очень возможно, что здесь родился какой-нибудь знатный предок или совершались древние ритуалы. Именно сюда в праздничные дни приходят молиться перед древним крестом или покрытыми пылью веков мощами святого, вздымают вверх Коран, положенный на ружейный приклад, в день принесения торжественной клятвы.

Однако мечтательное настроение мгновенно покинуло Казбека, как только из прибрежного кустарника, там где речка расширялась, неожиданно выехал рысью одинокий всадник. Он сам явно не ожидал встретить кого-либо в этом укромном уголке. Почувствовав присутствие незнакомцев, он пустил коня шагом, а затем настороженно осадил его. Всадник был совсем еще юношей.

- Не двигайся, Хашер, - тихо сказал Казбек, продолжая спокойно расседлывать своего арабского жеребца.

Хашер сидел на корточках, положив ружье на колени, и полоскал руки в прохладной воде реки. Не поворачивая головы, он проговорил:

- Он выглядит, как один из нас. Наверняка, это адыг.

Казбек положил ружье на землю и кивком пригласил всадника подъехать ближе:

- Все в порядке, парень. Тебе не стоит нас бояться...

Так как у Казбека не было оружия, только кама на поясе, и он стоял на земле, а не сидел верхом на лошади, юноша осмелился приблизиться.

- Из какого вы племени? Что вы здесь делаете? - спросил он. Его черкесское наречие звучало весело и мелодично.

Теперь Казбек понял, где они находятся. Светлые волосы, голубые глаза, красивые

тонкие черты лица незнакомца и его акцент подтвердили догадку.

- Мы кабардинцы с Терека. А ты, судя по говору, шапсуг. Слезай-ка с коня и посиди с нами немного. Сейчас поедим чего-нибудь...

Но шапсуг, несколько раз объехав имущество Казбека, разглядывал лошадей.

- Это казачьи лошади, на них русские клейма! - его рука поигрывала ружьем, палец взвел курок.

Казбек широко улыбнулся:

- Да, раньше были казачьи. А теперь - мои. Всадник не ответил на радушие Казбека и остался в седле. Казбек напрягся. Он часто слышал рассказы о том, что в западной части гор политика гяуров «разделяй и властвуй» заронила семена подозрительности и предательства, которые уже взошли и расцвели пышным цветом. Род против рода, одна знатная семья против другой. Адыги этого края больше не доверяли друг другу безоговорочно.

Однако, незнакомец скорее выглядел встревоженным и нерешительным, чем угрожающим.

- Вам должно быть известно, что здесь опасно останавливаться, - выпалил он, - разве что...

- Разве что? Выкладывай, парень, - резко прервал его Казбек.

- На той стороне - и часа езды не будет - лагерь русского генерала. Там казачьи войска. Если вы пришли из-за реки, вы должны были проехать мимо них.

Казбек оглянулся на парня через плечо: - Если это так, мы, должно быть, с ними не встретились. Мы проехали через лес, потом - через узкий овраг и вышли к реке. Нам повезло, правда?

Хашер поднялся. Он был менее спокоен, чем Казбек:

- Говоришь, здесь опасно останавливаться?

Шапсуг кивнул:

- В любую минуту могут появиться казачьи войска и отнять у вас своих лошадей. Вам лучше уходить.

Но прежде чем сказать им, куда идти, он спрыгнул с коня, подбежал к огромному дубу, наклонился и отковырнул от дерева кусок коры, который, как оказалось, закрывал аккуратное отверстие. Это был тайник для писем.

Теперь юноша широко, хотя и несколько застенчиво, улыбнулся:

- Вот как русский генерал поддерживает связь с нашими вождями, а они - с ним...

Казбеку не терпелось узнать, что это означает: сотрудничает ли это племя шапсугов с гяурами, или они получают специальную информацию? А может быть, они являются посредниками в более крупных переговорах? Но эти вопросы следовало задать человеку более серьезному, а не простому письмоносницу.

- Мне надо возвращаться в Шапсугу, - сказал юноша, засовывая мешок с почтой за ворот рубахи. - Поезжайте-ка и вы со мной.

Казбек устало поднял свое седло:

- Да, так, пожалуй, будет лучше всего, - сказал он. Он решил рискнуть и назвать имя: - К тому же я ишу своего старого товарища, шапсуга. Его зовут Даниль из Хатуки. Слышал о нем?

Казалось, всадника успокоил этот вопрос. Он сел на коня с менее напряженным видом.

- Да, я знаю его, - сказал он. Теперь в его голосе слышалась теплота. - Хаджи Даниль сейчас в Шапсуге, говорит с нашими вождями. Садитесь на коней, я помогу вам управиться с остальными лошадьми и провожу вас к нему.

Через несколько часов Казбек и Хашер оказались в центре края шапсугов. Всюду простирались прекрасно ухоженные плодороднейшие кукурузные поля, огороды, а среди них - небольшие селения, из аккуратных крытых соломой домов. Дома располагались на живописных склонах скалистых гор, ибо каждую пядь плодородной равнины использовали

под пашню.

Юный шапсуг привел всадников на центральную площадь одного из таких селений, где они тут же были окружены толпой горластых мальчишек. Как только Казбек спустился с коня, величественный черкес вышел из ворот своего дома. Его сопровождали пять хорошо вооруженных мужчин. Длинная мягкая борода гиганта нисколько не мешала ему выглядеть устрашающе. Несмотря на то, что он был немолод и сед, его широкие плечи, огромный живот и богатырский рост могли вселить страх в любого врага.

- Наши гости прибыли из Кабарды, Муса-бей, - объявил юноша.

- Добро пожаловать, - пробасил великан, подняв вверх руку, огромную, словно пальмовая ветвь.

- Чувствуйте себя как дома. - Муса-бей сгреб Казбека в свои объятия, затем он поступил так же и с Хашером, который, будучи обычного для кабардинца роста, просто исчез в широких рукавах гиганта.

Казбек быстро рассказал о своем бегстве и объяснил, зачем он прибыл в край шапсугов:

- Русский офицер убил моего сына, - сказал он сдержанно. - Я позаботился о том, чтобы его гарнизон заплатил за это. Честно говоря, после моего налета им больше не нужны эти лошади. Я решил спасти свою семью от мести, гойсинув земли кабардинцев. Я к вашим услугам. Хаджи Даниль совершил паломничество в Мекку вместе со мной, и я подумал, что он мог бы предоставить мне убежище... Если я смогу быть вам полезен...

Состояние военных дел в горах было таково, что Муса-бей воспринял этот короткий и ошеломляющий рассказ бесстрастно. Это были только факты. Не более. Вероломство и убийства были привычными для него.

- Хаджи Даниль! Вы скоро его увидите. Но сначала отдохните, а мои люди позаботятся о лошадях.

Через несколько часов, помывшиеся и отдохнувшие Казбек и Хашер сидели в комнате для гостей в доме Мусы-бея вместе со старейшинами села.

Казбек много поездил по свету и привык к виду турецкой роскоши, но Хашер никогда не видел этого великолепия и разглядывал убранство зала со смешанными чувствами трепета и неодобрения. Кабардинцы славились своим пристрастием к комфорту и изысканности, и все же то, что он увидел, казалось ему чрезмерным. Длинный диван, заваленный подушками, сверкал золотым шитьем, жемчугом и прочими украшениями - он был достоин возвышаться в гареме какого-нибудь паши. В то же время, ложа, на которых полулежали старейшины, попивая чай, показались Хашеру неподходящими для мужчин. Однако он не мог сказать того же о беседе, которую они вели, поэтому решил воздержаться от высказывания своих суждений.

- Я послал за хаджи Даниль ем, - сказал Муса-бей. - Сожалею, что сам не нашел времени для паломничества. Я был слишком занят, сражаясь с гяурами и изгоняя их из нашей страны.

Молодой шапсуг выступил вперед и протянул пакет с бумагами, который он привез. Муса-бей не стал сразу же вскрывать его, а засунул под подушки.

- Мы слышали о смерти Гази Муллы, - продолжал он, - а также о том, что Хамзад-бек был провозглашен имамом, правителем Дагестана. А какие новости в Кабарде?

Хашер слушал внимательно, так как речь шла о том, что было ему мало известно. О Гази Мулле, Хамзад-беке и Шамиле он слышал только из легенд: кто же не знает, что мюриды на Востоке - самые страшные фанатики, беззаветно борющиеся с врагами под водительством имама, который является одновременно пророком, военачальником, и тираном?!

- Чеченцы приняли мюридизм, и я думаю, что они еще долго будут грозой русских на Востоке. Что же касается кабардинцев... - лицо Казбека омрачилось, - мы много страдали, но стараемся вести мирные переговоры с гяурами.

- Война на Востоке помогает нам здесь, - задумчиво произнес Муса-бей. Он собирался

продолжить свои рассуждения, но в эту минуту вошел Даниль.

Он был примерно одного роста с Казбеком. Мужчины обнялись с той теплотой, которую порождает совместно приобретенный опыт. Их близость и взаимное доверие. не были плодом длительного но праздного товарищества, как это бывает у друзей детства. Это был результат недолгого, но насыщенного событиями периода испытаний во время путешествия в Мекку, испытаний, которые они оба выбрали сознательно.

Хаджи Даниль тоже был крупным мужчиной, но выглядел куда более добродушным, чем Муса-бей. В молодости он был купцом. Нрав имел веселый и легкий, обладал, даром красноречия, который наверняка обеспечил бы ему процветание и высокое положение в более мирные времена. Это был приятный спутник, свободомыслящий, твердый, полный здравого смысла. И все же, несмотря на эти мирные добродетели, он всегда был готов броситься в бой, вооружившись до зубов. По крайней мере, таким он был до того, как стал хаджи.

Казбек почувствовал прилив нежности к этому человеку - одному из немногих, сумевших заглянуть в глубины его души:

- Рад видеть тебя, Даниль! Ты все такой же здоровый и веселый, каким я тебя помню!

Как твоя семья, дети?

- Хорошо, хорошо, а как твои?

Только теперь Казбек с ужасом осознал, почему он здесь. На секунду он позабыл, что с ним произошло. Лицо его побледнело.

- Хорошо.

Он взглянул на Даниля и тот сразу понял, что случилось нечто такое, о чем его друг не в силах говорить.

Муса-бей ни о чем ему не сказал. Это было бы некстати. Он лишь с одобрением наблюдал заботу этих людей друг о друге.

- Нам повезло, что хаджи Казбек с нами, - сказал он радостно старейшинам. - Для нас огромная честь принять у себя старшего сына столь знаменитого человека, как Ахмет с Кубани. К тому же наш гость - истинный мусульманин, прошедший путь Господа нашего и Великого Пророка Мухаммеда.

Казбек, который нарушил священный обет, смутился, услышав такую похвалу: - Вы чересчур превозносите меня, благородные братья. Я всего лишь такой же адыг, как и вы, который стремится изгнать безбожных захватчиков из наших земель... Я привез с собой около сорока лошадей в подарок вашим воинам. И должен сказать вам, - тут он посмотрел на Даниля, который должен был изумиться, услышав такие слова от хаджи, - их бывших хозяев, казаков, больше нет на этом свете. Кабардинские камы отправили их в ад.

Даниль понял, что это было делом рук самого Казбека. Он промолчал. Муса-бей также выглядел задумчивым, но он принял объявление Казбека с одобрением.

- А я было подумал, что ты кабардинский купец, торгующий лошадьми. Брат мой, добро пожаловать в наш Совет, присоедини свой меч к мечам наших храбрейших воинов. Здесь полно русских и казаков, которых следует уничтожить.

Даниль заметил выражение глаз Казбека при этих словах, и ему стало грустно за друга. Однако он был рад за шапсугов. Он сразу понял: что бы ни заставило Казбека превратиться в воина, Кавказ получил в его лице незаурядного вождя. Какие бы угрызения совести ни испытывал Казбек из-за того, что ему пришлось свернуть со священного пути примирения хаджи, Даниль верил, что божественный промысел послал его к шапсугам. Думая об этом, он возносил про себя благодарственную молитву Аллаху.

ГЛАВА ВТОРАЯ

- А теперь, братья, - коротко проговорил Муса-бей, - перейдем к самому главному. Пусть Ежи прочитает последние сообщения из дуба...

Казбек уже год прожил с шапсугами и участвовал в нескольких налетах на русские военные гарнизоны. Война разгоралась.

Подошел переводчик Ежи и, улыбаясь Муса-бею, взял записки. Затем сел, скрестив ноги, перед собравшимися и углубился в изучение их содержания. У Ежи было широкое белокожее лицо, на котором сохранялось выражение открытости и искренности. Это был поляк, дезертировавший из русской армии. Теперь он помогал адыгам. Казбек отбил его у армянина, торгующего рабами, который вез пленника в Суджук-Кале с намерением продать туркам. Сначала его сделали слугой, но позже, когда стали полностью доверять, разрешили сражаться наравне с остальными шапсугами. Он все лучше овладевал черкесским языком, особенно сейчас, когда служил помощником у Казбека.

Ежи начал переводить:

- Он говорит... все черкесы принадлежат царю. Он говорит, Турция - это плохо. Англия - плохо. Слишком слаба. Он говорит... англичанин с черкесами... шпионит. Предатель. Очень плохо. Нужно отправить домой. Он говорит, большой русский офицер, большой генерал встречается большой черкесский вождь... дерево у Лаба. Он говорит, пятница, полдень... Ты проверь, Казбек.

Казбек быстро посмотрел послание. Как всегда, Ежи хорошо справился со своей работой переводчика, правильно передал содержание...

Старейшины принялись оживленно обсуждать услышанное, причем все говорили одновременно. Казбек вздохнул и приготовился к долгому ожиданию. Он уже привык к этому. У шапсугов, как и у бжедугов и других горских племен, не существовало иерархии наподобие той, что у кабардинцев. У них не было ни наследных князей, ни знатных фамилий, никаких степеней подчиненности, когда каждый знает свое место и, что самое главное, не было закона, согласно которому руководители могут выступать от имени большинства. У шапсугов местные предводители управляли лишь своими деревеньками, междоусобные раздоры среди них были обычным делом. Каждая группа выражала лишь собственные интересы, но все решения должны были быть приняты непременно единогласно. Казбек никак не мог уразуметь, как они живут, однако из уважения к окружающим лишь молча наблюдал за происходящим и не спешил со своими суждениями...

Муса-бей проницательно посмотрел на него:

- Ладно. А что ты думаешь, об этом, хаджи Казбек?

- Когда мы несколько дней назад возвращались из похода, пастухи сообщили нам, что крупные силы русских собираются вдоль Кубани. Сейчас, когда в руках русских побережье Черного моря, они запросто могут попробовать оттеснить нас к западу от гор.

Даниль согласно кивнул:

- Верно, это уже не слухи. Армия ждет лишь прибытия генерала Вельяминова из Ифлиса. Молюсь лишь, чтобы его прогнали, как того шайтана Ермолова...

Муса-бей пространно выругался, затем подробно рассказал Казбеку о расположении других боевых сил горцев. Это произвело на него большое впечатление. Казалось, что на этот раз жители западных земель неплохо согласовали свои оборонительные действия: бжедуги прикрывали северную часть Шапсуги, убых - территорию, находящуюся ближе к побережью Черного моря, у абхазов были объединенные войска. Вожди этих формирований уже провели специальную встречу для обсуждения тактики.

Решимость сопротивляться крепла по всему Кавказу от запада до востока. Ни шайтан Ермолов, ни генерал Вельяминов не предвидели такого развития событий..., и это радовало Казбека.

Даниль обратился к Казбеку умоляющим голосом, еще не зная, что в этом не было

нужды, что тот сам уже на все решился:

- Нам нужна твоя мудрость, Казбек.

Намис запрещал Казбеку реагировать на льстивые речи, однако он медленно улыбнулся Муса-бею и хаджи Данилю, продолжая в то же время внимательно спорящим.

Исход спора мог быть только один. Старейшины шапсугов единодушно решили проводить общий сбор. Через неделю Казбек вместе с сотней черкесских всадников подъехал к дубу, стоящему на берегу реки Лабы. Муса-бей восседал на красивом черном кабардинском коне и был облачен в полные боевые доспехи: в кольчуге, с двумя кама, саблей и винтовкой. Казбек же выглядел совсем иначе. Он был в белой накидке поверх вооружения, сидел на своем белом арабском скакуне, на голове - изящный тюрбан из белой овечьей шерсти.

Последний год он долго и мучительно размышлял о жизни, о себе, о том, что такое настоящий вождь, лидер. На ум ему приходили слова, прозвучавшие когда-то у костра из уст странствующего ашуга, рассказывавшего притчу о шейхе Мансуре. Принадлежали ли они самому шейху? «Я не эмир и не пророк, и никогда не называл себя так, но не мог удержать людей от того, чтобы они признали меня таковым благодаря моему образу мыслей и образу жизни, кажущимися им чудодейственными...»

Казбек отчетливо сознавал, что всякий вождь должен быть достоин того, чтобы народ шел за ним. Эта добровольная ссылка, похоже, обернется для него войной на год или более. Находясь здесь, он понял, что чувство отчужденности, начавшее зреть в нем еще дома, в Кабарде, едва ли не со времени возвращения из Мекки, оказалось своего рода подготовкой к этому огромному испытанию.

Однако трудно было смириться с мыслью, что Аллаху потребовалась жизнь его сына Имама, чтобы он мог занять свое место здесь, в Шапсуге. Так тяжело потерять единственного ребенка! Казбек отгонял эти мысли. Важно всегда оставаться самим собой, сохранять достоинство, быть решительным, отважным и непримиримым. Более того, если необходимо, он должен суметь сыграть роль героя так, чтобы более робкие люди, глядя на него, сумели пробудить отвагу в своих душах. Он должен быть придирчивым и к собственной внешности: выглядеть всегда опрятно и внушительно в своих белых одеждах. Он должен стать безжалостным, добиваясь покорности и послушания. Эти качества Казбек сознательно старался выработать в себе, чтобы потом люди уважали его за них.

Из тактических соображений русские запаздывали на эту полуденную встречу, Казбек размышлял, поджидая гостей и наслаждаясь в компании товарищей речной прохладой.

- Что новенького насчет того англичанина, который обещал помочь? - спросил он Муса-бея.

- Не о нем ли ты говорил недавно? Это тот самый, что стоял рядом с князем Натухей? Я помню, как ему давали рекомендательные письма и предоставляли проводников, чтобы отвести в горы. Как его имя? Это о нем говорится в записке?

Муса-бей кивнул:

- Дауд-бей, у меня о нем самое общее впечатление, но он обещал помощь Великой Британии и клялся прислать нам оружие и боеприпасы. Мы все еще ждем. Люди, знающие его, говорят, что он честный человек. Надеюсь, эта помощь поступит...

Хаджи Даниль добавил:

- Сейчас он отправился в Константинополь. Но русские думают, что он до сих пор на Кавказе. Их беспокоит что этот англичанин на нашей стороне...

Дипломатическая беседа была внезапно прервана волнением, охватившим всадников. Мужчины оглянулись. На противоположном берегу Лабы выстраивалась тонкая линия черноморских казаков-кавалеристов. В своих черных шароварах, тугих кафтанах и лихо заломленных папахах они выглядели угрожающе даже тогда, когда выстраивались для военного караула.

Седой русский полковник и его помощник, есаул, возглавляющий подразделение охраны, двигались через реку в центре потока. Казак держал в руках традиционный в таких

случаях белый флаг.

- Полагаю, они хотят, чтобы ты встретился с ними на середине реки. Для переговоров, - сказал Казбек.

Муса-бей усмехнулся: ему показалось забавным это пристрастие гяуров к эффектам. Будто вода была более нейтральной, чем земля, будто один берег Лабы был в большей степени их владением, чем другой! Он крепко сжимал поводья своими крупными пальцами:

- Я не верю им. Но нам нельзя показывать это. Не поедешь ли ты со мной, Казбек? Ты знаешь русский и сможешь лучше потолковать с ними...

- С удовольствием.

Хаджи Даниль здорово волновался.

- Может вам тоже захватить белый флаг?

заметил он.

Но Казбек уже тронулся с места:

- Не надо. У них один на всех...

Когда они поравнялись, русский полковник растерянно завертел головой, переводя взгляд с Муса-бея на Казбека и обратно и пытаясь определить, кто из них главный, а кто переводчик. Так и не решив этой задачи, он обратился сразу к обоим, величественно цедя фразы и глядя поверх голов собеседников:

- Я - полковник Барток, адъютант генерала фон Клюгенау. Прибыл сюда с полномочиями от Его Императорского Величества с тем, чтобы переговорить с главой племени шапсугов. Мой переводчик переведет вам..., - он нагнулся к есаулу, который подобно многим казакам, воюющим как за Россию, так и против, говорил немного по-татарски с примесью кучи других языков.

Голос Казбека прозвучал над водой отчетливо и звонко, так, что все могли слышать:

- Ваш переводчик не нужен. Я могу говорить на вашем языке.

Барток был изумлен. Этот черкес не только правильно произносил русские слова, но и обращался к нему как равный к равному. Где этот дьявол выучился?

- Очень мило, - ответил полковник после небольшой паузы. - А кто из вас главный? Вы или он? - спросил он, указывая на Муса-бея.

- Позвольте представить Вам Его превосходительство Муса-бея, главу племени шапсугов. Я его друг. Читал Ваше письмо. Вы просили об этой встрече. Я буду переводить..

Ирония, звучавшая в речах Казбека, не ускользнула от Бартока. Усилием воли он принудил себя к продолжению беседы:

- Вы прибыли точно. Мне это нравится. Прекрасно. Пожалуйста, объясните... э-э... Муса-бею, что мы хотели по возможности избежать кровопролития. - Полковник махнул мягкими замшевыми перчатками в сторону прибрежных земель. - Вся эта территория от Кубани до моря отошла Его Величеству Императору Российскому по законному договору, поэтому ваше племя и все остальные, кто живет здесь, являются теперь подданными Его Императорского Величества.

А кто отдал вам эти земли? Кто подписывал этот договор? Черноморский вождь или князь? -хладнокровно спросил Казбек.

Полковник Барток ошетинился:

- Нет, конечно. Это сделала Турция. Теперь вы видите, к чему ведут всякие сношения с врагами России и ваши нападения на наших солдат и гарнизоны? Если вы не подчинитесь, мы уничтожим ваши деревни и сожжем посевы. У вас нет никаких возможностей противостоять нашей армии.

Казбек взглянул на Муса-бея, который понял сказанное не столько благодаря знанию русских слов, сколько по уверенному тону полковника.

- Скажи этому русскому, что мы свободный народ, - прогремел Муса-бей. - Никто не смеет отнять наши земли или сделать нас подданными кого бы то ни было, подписав клочок бумаги. Мы народ. Мы свободные люди.

Ропот черкесов перешел в возгласы ликования - они одобряли это заявление.

Полковник Барток также не нуждался в переводе, однако он дождался, пока ему переведут, чтобы продемонстрировать свое презрение по отношению к этой выпренней «туземной риторике».

Увидев реакцию полковника, Казбек заговорил снова, словно пытаясь объяснить слова Муса-бея:

- Полковник, Вы видите вон то дерево? - он указал на гигантский дуб.
- Да, - ответил полковник, слегка раздражаясь, но терпеливо слушая, - и что же?
- На дереве сидит птица. Я дарю ее Вам. Если, конечно, Вы ее поймаете.

Сначала Барток не понял, но когда до него дошел смысл сказанного, лицо его побагровело.

- Кто ты? Как твое имя?! - выкрикнул он.

Журчание воды, легкий ветерок, играющий листвою дуба и молитвенными ленточками, привязанными к его сучковатым искривленным ветвям, похожим на ладони тысяч страждущих, которые словно бы умоляют: «Не забывайте нас! Мы здесь! Помогите нам!» - все эти шорохи, шепоты, голоса угнетенных соплеменников Казбека слились в его ответе полковнику:

- Я Казбек. А ты не русский. Ты австрийский лакей, как и твой хозяин Клюгенау. Вы слуги иностранного господина, наемники, которых продают и покупают за деньги. Вам не понять, что такое свобода!

Бартоку надоело это соревнование в искусстве унижить противника. Казбек затронул его обнаженный нерв, его ахиллесову пяту. Наемник всегда считает себя профессиональным военным, но вспоминая о сущности собственной профессии, порой чувствует скрытую внутреннюю ущербность.

- Слушай меня, Казбек, внимательно слушай, - прорычал полковник. - Вы не народ. Вы не большое племя, доставляющее нам неприятности. Лучше подчинитесь и станьте законопослушными подданными, не то ваша кровь потечет таким же широким потоком, как эта река. Россия - огромный медведь, а вы всего лишь крохотный комар, который время от времени кусает этого медведя за задницу. Он прихлопнет вас без особых хлопот. Предупреждаю вас в последний раз. Мы намерены построить гарнизонный городок у реки. Одно поползновение с вашей стороны - и мы вас отсюда вышвырнем. Ты понял?

Барток с ожесточением хлестнул свою лошадь и унесся назад к своим войскам, сопровождаемый безмолвным адъютантом.

Казбек и Муса-бей вернулись обратно оскорбительно медленным шагом, презрительно подчеркивая, что им некуда спешить.

- Что означает весь этот разговор о медведях и комарах? - спросил Муса-бей небрежным тоном, хотя он прекрасно понял, что имел в виду русский.

- Он сказал, что мы комары, терзающие задницу русского медведя, который может нас прихлопнуть в любой момент, - с улыбкой проговорил Казбек. -

Весь этот разговор велся для ожидающих их - для черкесов. Через некоторое время эта беседа с русским станет предметом вечерних рассказов у костра и песен, исполняемых ашугами.

Муса-бей усмехнулся, среди черкесов прокатилось оживление.

- Мне понравилось то, что ты сказал о птице. По-моему, он не сразу понял.

- Возможно, - тихо ответил Казбек.

Выслушав пересказ беседы, черкесы разъехались, чтобы передать его главам своих кланов. Муса-бей, Казбек и хаджи Даниль возвращались отдельно от остальных всадников.

- Нужно ожидать худшего. Надеюсь, наши английские друзья исполнят свои обещания. Нам понадобится свинец и большое количество пороха, - высказался Муса-бей.

- Надо послать людей на побережье узнать, не прибыл ли уже кто-нибудь, - предложил хаджи Даниль.

Казбек не разделял их уверенности:

- Разве англичане не пообещали прислать вооруженных воинов?

Хаджи Даниль пожал плечами:

- Ничего такого они точно не обещали. Дауд-бей считает, что если черкесы будут вести свободную торговлю с Британией, это докажет нашу независимость от России, и тогда англичане вступят с нами в союз против гяуров.

Казбек и раньше слышал об этой теории.

- Нам нужны войска и пушки, а не купцы, сказал он жестко.

Всю остальную дорогу он молчал.

* * * * *

Галата была портовой частью Константинополя, омываемой Мраморным морем с юга и бухтой Золотой Рог - с севера. Отсюда открывался вид на вход в пролив Босфор. Это, вероятно, одна из красивейших природных гаваней. Все суда, идущие на север, входили в этот волшебный пролив, разделяющий Европу и Азию лишь несколькими метрами воды. Пройдя мимо дворцов султана, огромного купола мечети Айа София и крепостных стен, корабли, наконец, входили в Черное море. Гавань процветала, и трудно было сказать, какой товар был там самым ходовым.

Черкесские порты Анапа, Поти, Сухум Кале некогда были столь же процветающими, как и Галата. Но Турция единым росчерком пера «передала высшее управление» Кавказом России, хотя сама не имела на него никаких прав - ни исторических, ни моральных, ни юридических...

Вся коммерческая и политическая деятельность была сосредоточена в гаванях, находящихся в границах Османской империи, таких как Галата. Мощные крепостные стены сияли девственной белизной, но при этом ошетинились пушками огромного калибра. А за этими стенами, на узких улочках, которые беспорядочно разбегались от доков к базарам, затем взбирались на гору, где расположились дома торговцев (и среди них дом Дэвида Эркарта), и на окраинах, среди лачуг, где ютился всякий сброд, - всюду кипела оживленная деятельность, которая, впрочем, была лишь затейливой ширмой, скрывающей самую важную торговлю - обмен сведениями. Оружие слов...

Здесь восток встречал запад, север - юг. Турецкие агенты пытались разведать численность русской армии, расположенной вдоль границ Турции и Малой Азии; агенты из уже завоеванных земель Крыма искали любую возможность ослабить русское присутствие в этих районах; купцы из Леванта вовсю торговали коврами, ружьями, патронами, бочонками для провианта, предлагая их всякому, кто мог одолеть грабительские цены. Подобно тому, как волшебный фонарик побуждает зрителя еще и еще раз бросать монетку в щель, соблазняя его все новыми и новыми картинками, ногайские татары, калмыки, черкесы, абхазы, убыхи, хазары, дагестанцы, бухарцы, греки, армяне, грузины, русские (общим числом не более двух тысяч) - вовсю навязывали друг другу различные товары здесь, среди закопченных хижин под соломенными крышами, деревянных и глинобитных сараюшек.

А англичане... ох, уж эти англичане, на которых всегда смотрели как на носителей «священной чаши Грааля демократических свобод»... Что они делают в Галате в своих элегантных белых костюмах, нежась на солнышке под легкими полосатыми тентами маленьких турецких кофеен? Любители посплетничать посматривали на них, пытались угадать, что, например, представляют собой эти двое, сидящие поближе к морю, с газетами и брошюрами в руках, упорно избегающие призывных взглядов разряженных и накрашенных проституток, проплывающих мимо них в своих свободных темных дамасских накидках, совершенно не скрывающих от чужих глаз соблазнительные колыхания их пышных прелестей...

Дэвид Эркарт и впрямь размышлял о предметах не столь далеких от таких

предположений. Он думал о том, что с Кавказа не продают невольников в причерноморские районы. Это шло бы вразрез с черкесскими Хабза. За время своей поездки в Черкесию он просто влюбился в этих благородных, отчаянно смелых противников России, сражающихся со старыми саблями и ржавыми ружьями против императорской артиллерии. Как человек, основательно изучавший историю, он знал, что женщины становятся основными «экономическими» жертвами любых военных игр в мире: чтобы выжить, им приходится продавать себя, причем всегда находят ловкие людишки, готовые нажиться на этом. В нынешний век, когда жизнь стоит так дешево, когда русские войска и казачьи отряды стирают с лица земли целые деревни, было бы удивительно не обнаружить молодых милостивых черкешенок, одиноких, никому не нужных, слоняющихся по гаваням Османской империи, ищущих покровительства какого-нибудь «великодушного» турецкого паши...

Он внимательно вглядывался в молодого человека, сидящего напротив. Мистер Джеймс Ста-нислаус Белл был его недавно обретенным союзником. Дэвид Эркарт ездил в Англию, чтобы доложить лорду Палмерстону о результатах своих исследований. Поездка в Черкесию позволила ему получить из первых рук уникальные данные. В Лондоне он строил планы, писал трактаты, выступал с речами - словом, был деятелен безмерно. Его хорошо приняли и, видимо, в порядке поощрения уполномочили вернуться в Константинополь в новом качестве: теперь он стал официальным секретарем посла Британии лорда Понсоби и ему не терпелось добиться конкретных результатов.

- Что вы думаете обо всем этом/ - спросил Эркарт. Ему не терпелось узнать мнение Белла, который внимательно просматривал небольшой томик в красном переплете - первый из целой серии, которую Эркарт начал издавать в Лондоне. Книга называлась «Портфолио».

- Неплохо! Черкесы будут в восторге.

- Своего рода декларация независимости..., отпечатанная и изданная в Лондоне. Конечно, они будут в восторге. Видите ли, Белл, я считаю, что только будя общественное сознание, мы можем заставить правительство отбросить нерешительность и всерьез защитить свободу кавказских народов. Мы должны найти способ преодолеть собственнические настроения у нас на родине. Надеюсь, что публикация моего «Портфолио» заставит людей понять, что здесь происходит. То, что русские -наши враги, а не друзья.

- Однако, Эркарт не поделился с Джеймсом Беллом тем, что заставляло его сердце биться сильнее - своей секретной информацией. Из частых ночных бесед со своим шефом лордом Понсоби Эркарт вынес догадку о том, что посол держит в своих руках ключ к великой победе.

У лорда Понсоби было письмо, подписанное самим министром иностранных дел лордом Пал-мерстоном, дающее ему полномочия приказать британскому флоту пройти через Дарданеллы и Мраморное море и бросить вызов владычеству русского царя над Черным морем. Лорду Понсоби даже не надо было дожидаться особых полномочий от адмиралтейства - он мог немедленно отдать такой приказ. При медлительности почты эта новость дойдет до Лондона не раньше, чем через две недели. А к тому времени жребий будет уже брошен.

В секретном письме к своему секретарю лорд Понсоби подтвердил догадки Эркарта: «Конечно, последствием этого шага будет война с Россией. Но эта война так или иначе неизбежна: даже если бы ее не начали Франция и Англия, ее спровоцировали бы амбиции русских...» Итак, Эркарт должен был лишь обеспечить оправдание сего долгожданного им события - открытого противостояния с Россией.

- Все это прекрасно, Эркарт, - между тем оживленно восклицал Белл, - мои же соображения чисто практические. Судно. Нам нужно нанять судно. Давайте займемся этим.

Эркарт подумал, что Белл идеально подходит для подобного дела. Это был славный малый, просвещенный негодичник и путешественник. Сталкиваясь с несправедливостью, он делал все от него зависящее, чтобы она не восторжествовала. Его старший брат также был бизнесменом. Братья Белл оба считали, что торговля - лучший способ распространять идеи

демократии, свободная торговля - залог политической свободы. С такими мыслями Джордж и Джеймс Белл основали торговый дом в Константинополе и несколько последних лет бойко торговали с абхазами и черкесами в черноморских портах. Однако с некоторых пор российская блокада стала сказываться на их деятельности.

Джеймс Белл происходил из того слоя английского общества, который считает себя «обладателем Грааля» и уверен, что его представителям самим Богом дана способность создавать хорошее правительство, прочную власть, придерживающуюся принципов честной игры. Люди этого класса почитают своей обязанностью сообщать свои идеи любому, кто способен их воспринять. Возможно, на склад ума Джеймса Белла повлияло польское происхождение его матери. Поляки десятилетиями боролись за свою независимость от России. Пять лет назад родину матери Белла потрясло крупное восстание.

Благодаря широким связям, являвшимся привилегией его класса, Белл был представлен лорду Палмерстону, министру иностранных дел английского короля, который также был лично заинтересован в развитии событий в Польше. Палмерстону понравился молодой торговец и искатель приключений. Он с готовностью согласился снабдить Джеймса Станистауса Белла рекомендательными письмами к своему послу в Блистательной Порте, а, кроме того, к лидеру туркофильского общества в Константинополе Дэвиду Эркарту.

Джеймс Белл поднял глаза от бумаг:

- Хорошо, Дэвид. Знаете ли, Вам не следует меня сдерживать.

- Вы вполне уверены, что хотите продолжить это? - спокойно спросил Эркарт: он был уверен, что собеседник уже находится под властью его очарования. - У меня есть личные полномочия от короля на это предприятие, Вы ведь знаете...

- Конечно, знаю. И мой брат меня полностью поддерживает. Я бы даже сказал, что для нас это еще более важно, чем для Уильяма IV. Брату удалось собрать еще несколько сотен фунтов, и он уже снарядил шхуну под названием «Виксен». Я выйду вперед на судне поменьше из Константинополя и подготовлю в порту Сухум Кале все для прибытия «Виксена». Я могу взять с собой небольшую часть нашего «товара» и начать заключать сделки.

- Хорошо, только держите это при себе, не то наши турецкие друзья наверняка заломят цену за доставку товара по назначению, - Эркарт достал часы. - Мне пора идти. Если меня заметят на этом рандеву с Вами, это вряд ли пойдет на пользу делу...

- Пока, старина. Я дам Вам знать, когда все будет готово.

Эркарт удалился, а Джеймс Белл, несмотря на то, что был преисполнен надежд и отваги, вдруг почувствовал некоторую нервозность. Он ожидал встречи с двумя черкесами-посредниками, которых рекомендовал ему Эркарт. Странно, но он ощущал себя шпионом, хотя вовсе им не был. Он был просто торговцем.

По сути дела русское военное присутствие на Черном море было достаточно непостоянным: турецкие корабли из Самсуна, Галаты, Синопа и других портов регулярно прорывали блокаду. Торговая компания Беллов уже предпринимала несколько непродолжительных экспедиций. Кубанские черкесы единственные из всех кавказских народов были настолько хорошо обеспечены товарами благодаря этой контрабандной торговле, что вполне могли бы бойкотировать русскую коммерцию на своих границах.

Беллу, исполненному айроновского духа, тяжело было видеть свободолюбивые и благородные племена Кавказа принужденными к жизни в забвении. У него был острый ум коммерсанта, и он подозревал, что у лорда Палмерстона были достаточно веские причины желать, чтобы порты восточного побережья Черного моря оставались открытыми. Дэвид Эркарт явно разделял его уверенность в том, что турецкий и кавказский рынки обладают огромным потенциалом, стоит их только освободить от гнетущего российского влияния. Черкесские порты были важным звеном в цепи торгового обмена между европейскими странами и Ближним Востоком. Не дело - терпеть российское владычество на этих морских путях. И, если уж быть до конца откровенным, нельзя допустить, чтобы Россия стала столь могущественной, чтобы ее интересы могли распространиться на великую сферу влияния

самой Британии - Индию.

Белл поднялся и медленно пошел к пристани, где уже заметил в толпе высокого мужчину, одетого в богатые шелка, с тюрбаном хаджи на голове. Глаза их встретились: они узнали друг друга, однако оба были сдержанны. Хаджи кивнул с одобрением, отметив европейский наряд Белла: ему нравилась высокомерная уверенность англичан в своем праве путешествовать, где им вздумается. Конечно, ведь покровительство их короля простиралось далеко.

Хаджи - знакомый Белла, сделал знак другому человеку, который стоял, прислонившись к стене винного склада. Этот человек, одетый как подобает истинному горцу, был хаджи Султан Оглы.

Трое мужчин сошлись на пристани у небольшого судна, турецкого каика с высокой кормой. Как раз такая посудина и была нужна Беллу. Каждый, имеющий глаза, мог догадаться для чего этим троим: черкесу в одежде имама, черкесу-воину и молодому энергичному англичанину - нужно такое судно. Но если бы об этом спросили мистера Белла, то он отделался бы какой-нибудь общей фразой о своей страсти к путешествиям.

Капитан каика, смуглый парень, словно сошедший со страниц сказки о Синбаде-мореходе, провел гостей в трюм, загроможденный ящиками с сушеными припасами и другой провизией.

- Садитесь, мы говорить, - сказал напитан на неуклюжем турецком. - Мой человек принести чай.

Аккуратный Белл, прежде чем сесть, вытер свое место тонким носовым платком. Какой-то морячок хлипкого вида подал неизбежный в таких случаях сладкий мятный чай.

- Итак, друг мой, - проговорил Белл, отбрасывая назад свои мягкие каштановые волосы, мы почти договорились об условиях фрахта Вашего судна до побережья Черкесии. Нам остается лишь, как я полагаю, прийти к соглашению насчет стоимости груза и того, какого рода будет этот груз. Не так ли?

Капитан, заинтересованно покосившись, закатил глаза:

- Вы соглашались моя цена. Вы платите пять тысяч пиастры. Мы плыть хорошо, быстро. Тут я иметь 500 фунтов соль. Пять пиастры – один фунт. Есть миткаль, качество высокий, рубашки. Есть алуджа, тоже хороший, отличный хлопок для черкесский женщина. Что Вы еще привозить, мистер?

Белл заговорил по-английски, обращаясь к хаджи Ахмету, чей опрятный шелковый кафтан и безупречно белый головной убор предполагали большую коммерческую надежность, чем невзрачная одежонка капитана, усеянная винными пятнами:

- Скажи ему, что мы заберем все, что у него есть, если ты подтвердишь, что этот товар годится для торговли, вот так-то. Но хватит ли нам места для того, что я привез вчера, как ты думаешь, хаджи Ахмет?

Ахмет медленно перебирал четки левой рукой. У него тоже были свои излюбленные средства общения. Хотя он понял все, что сказал Белл, все же предпочел отвечать по-черкесски, пользуясь переводом своего соотечественника:

- Скажи нашему другу, четыре пиастра - вполне достаточно за фунт соли. Остальное я обсужу с капитаном от его имени. Но все, что касается пороха и свинца, должно остаться тайной, известной лишь нам троим, чтобы не пронюхали русские шпионы. Этот груз нужно поместить на судно ночью, перед самым отплытием. Я не доверяю этому прохвосту капитану. Чем меньше он будет знать, тем лучше.

Султан Оглы кивнул в знак согласия и на хорошем английском поведал об этих планах Джеймсу Беллу. Капитан наострил уши, пытаясь выудить из их разговора побольше ценного, однако запутавшись в шипящих и свистящих, с придыхательной интонацией звуках чужого языка, лишь недовольно нахмурился.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

1837 год

«От Шамиля, Ташоффа Хаджи, Кибиита Ма-хомы, Абдурахмана из Караки, Магомета Омара Оглы и других почтенных и просвещенных людей Дагестана. Передавая заложников Магомету Мирзе Хану, мы заключили мир с Российским императором, и никто из нас не нарушит его при условии, что ни одна из сторон не нанесет другой ни малейшего ущерба. Если же какая-нибудь из сторон нарушит свои обещания, эти действия будут расценены как предательские, а предателей ждет проклятие Бога и людей...»

Эти слова, совсем недавно написанные и направленные генералу Физу, командующему русской армией, эхом отдавались в голове имама Шамиля. Он стоял на краю мрачного горного склона и смотрел вниз на руины Ашилты. Его лицо было изрезано глубокими морщинами и исполнено скорби. На сильном гибком теле остались шрамы, следы многочисленных битв. И все же для самого себя и своих многочисленных последователей Шамиль был поистине бессмертен. После чудесного спасения во время осады Гимри он безоговорочно верил в особое отношение к нему Аллаха.

Шамиль снискал славу в качестве имама, жестоко убив в 1834 году своего предшественника, Хамзад-бека. С тех пор он распространил учение мюридов по всей Аварии, Дагестану и Чечне. Ему удалось достичь этого потому, что он верил, что борется за правое дело и что останется невредим, пока не кончится джихад. Эта вера давала ему бесстрашие, хитрость, непримиримость и власть над людьми.

В течение трех лет со времени его возвышения, произошедшего как раз в мечети Ашилты -сейчас ее минарет уже нельзя разглядеть, он превратился в руины - Шамиль вел войну по всему восточному Кавказу. Последняя летняя кампания была тяжелой для него и его войска, но еще более жестокой она была для русских.

Крепостные укрепления Ахулго, как и мирные горные деревни Тилитл и Ашилта, лежали в руинах, они были разрушены до основания пушечным и ружейным огнем. От них "остались лишь почерневшие от огня поля спелой кукурузы, растоптанные виноградники, вырванные с корнем деревья, деревенские дома, превращенные в груды камней русской артиллерией.

Однако силы русского генерала были полностью дезорганизованы. Он потерял двадцать шесть офицеров и тысячу солдат. Потери лошадей также были огромны, и даже те солдаты, которым удалось выжить, не могли покинуть горы. В лохмотьях, без оружия, они напрасно пытались выбраться в более безопасные предгорья. У них оставалось всего несколько повозок, почти все «позаимствованные» у местных жителей во время боевых действий.

Что было достигнуто? Шамиль позволил себе горько улыбнуться, потом повернулся к своим офицерам-мюридам, соратникам-смертникам. Он встретился взглядом с Асланом Гиреем, стоявшим в переднем ряду. Тот тоже знал, что значит потерять царство, что значит увидеть некогда плодородные поля и сады в дыму и гари.

- Приняв мои письма, генерал Физ показал себя глупцом. Он признал мою власть. Что же касается мирного договора, он не стоит даже бумаги, на которой написан. Я не давал клятвы. Кроме того, они мало похожи на героев-завоевателей...- Шамиль указал копьем на остатки русских войск, виднеющихся вдали, на другой стороне долины. - Я заставил их отступить. Это моя победа.

Однако соратники выглядели разочарованными. Шамиль поднял свою огромную бородатую голову и вновь пронзил взглядом окружающих:

- Все это было вовсе не мстью за мои действия - я не совершал никаких преступлений против гяуров. Эту войну они развязали из страха перед тем, что я могу сделать в будущем!

Мощный крик из множества глоток эхом раскатился среди скалистых гор Дагестана. Черные флаги мюридов гордо полоскались на ветру. Эхо долго не смолкало, и слова Шамиля

летели вместе с ним, отражаясь от скал, глубоко проникая в сердца и умы каждого из его людей. Русские посеяли ненависть, и эти всходы Шамиль будет пожинать еще годы.

Поэтому неудивительно, что уже в ближайшие недели Шамиль отдал приказ перестроить укрепления в Ахулго, сделать их еще более неприступными, чем раньше. Предстояло создать брустверы, траншеи, насыпи, дозорные башни, казармы... Если не хватит места, было приказано взрывать горную породу.

Ясно, что русские извлекут уроки из его боевых действий. Однако это не волновало его. Он знал, что император Николай решил совершить турне завоевателя по своим южным территориям, и что глупец Физ фактически пообещал императору, что Шамиль спустится со своего «орлиного гнезда» в горах и преклонит колена перед самодержцем: приятный аккорд, завершающий успешную поездку. Ничего, пускай.

Он знал обо всем, что происходит в его владениях: гонцы бороздили их вдоль и поперек. Любое событие становилось известным Шамилю через несколько часов. Он творил суд и расправу. Вора́м отрубали руки, прелюбодеев карали смертью, вероотступников подвергали пыткам. Он был орудием в руках Аллаха. Он уничтожит неверных.

Через несколько дней Шамиль получил приглашение от высокого русского командования на переговоры - и тут же толпы советников, муршиды и хаджи, принялись осаждать своего вождя, убеждая его не унижаться. Однако блаженная улыбка все шире расплзалась по лицу Шамиля, когда он, наконец, ответил им всем, ритмично постукивая костяшками четок:

- Я поеду. Но в место, которое назначу сам, а не туда, куда скажут неверные.

Генерал Физ не изволил явиться лично: Дагестан велик, и ему срочно потребовалось выехать в южном направлении. Вместо себя он послал генерала Клюге фон Клюгенау, немолодого крепкого ветерана многих вельяминовских кампаний. Именно он три года назад осаждал Гимри, пробивал себе дорогу через превосходящие силы мюридов, прикусив крепкими зубами сигару. Именно он блокировал Хамзад-бека на дороге Эрпили... Как оказалось, это был решающий момент всей атаки на Гимри.

Фон Клюгенау оказался человеком порядочным. Он точно выполнил условия Шамиля и вовремя появился в назначенном месте - на полоске размытого грунта над водами Сулака, что бежал здесь меж двух высоких гранитных утесов. Затянутая в черное фигура Шамиля виднелась на узком уступе над водой. Все скалы были усеяны мюридами, сосредоточенно читающими молитвы из Корана или вздымающими к небу свои боевые знамена и штандарты. Их крики усиливались в этой узкой горной расселине головокружительной высоты и глубины. Клюге фон Клюгенау прибыл в сопровождении генерал-адъютанта Евдокимова, пятнадцати донских казаков и десяти местных жителей из аула Каранай.

Сидя на своем черном жеребце, Шамиль ждал, пока Клюгенау займет позицию, удобную для переговоров. Аслан Гирей помог имаму спешиться, расстелил бурку на жесткой земле и остался стоять рядом вместе с двумя мюридами-охранниками, в то время как Шамиль и русский генерал усаживались друг напротив друга. Аслану Гирею предстояло выступить в роли переводчика Шамиля. Он, последний представитель крымских владык, сейчас больше всего был озабочен правильностью своего русского языка.

Аргументы, выдвигаемые обеими сторонами, были вескими и простыми: звучали взаимные претензии, которых Кавказские горы вдоволь уже понаслушались... Переговоры шли тяжело, продолжались уже несколько часов, но позиции сторон оставались прежними.

Тучный, с бакенбардами на щеках фон Клюгенау, бывалый, покрытый шрамами ветеран, был раздражителен и чувствовал себя крайне неудобно. К тому же воспитание не позволяло ему курить в данных обстоятельствах, поэтому нервы его были на пределе. Кроме того, ему было неудобно сидеть, поджав ноги. Генерал был хром - память об одной битве с Хамзад-беком, неистовым предшественником Шамиля.

Шамиль сидел как каменное изваяние: спокойный, холодный, сурово-непреклонный:

- Ни при каких обстоятельствах я не собираюсь предстать перед вашим царём. Нет в мире причины, способной заставить меня спуститься с гор в Тифлис. И я никогда не сложу оружия.

Вы, гяуры, можете каждый год тащить свои пушки в горы, палить по моим крепостям, рассеивать моих людей. Но затем вы вновь уйдете прочь, зря потратив время, деньги, силы и солдат.

Шамиль знал, что численность мюридов восстановить легко. Он определит, сколько воинов должны поставить для его войска преданные (или просто запуганные) подданные - и война может тянуться вечно.

- Мы просто затянем петлю вокруг вашей шеи. Заморим голодом, истребим, погоним прочь..., - взорвался, наконец, фон Ключенау. - Вы обязаны подчиниться. Должны выслушать наши условия и мирно жить под властью нашего правительства.

Ваша искренность впечатляет меня, генерал, - ответил Шамиль почти шепотом. И хотя он говорил едва слышно, от звука его голоса, переплетавшегося с красивым мягким баритоном Аслана Гирея, мороз продирает по коже. - Благодарю за честь, которую Вы оказали мне, отправившись в столь дальнюю поездку. Но я не могу дать какого-либо ответа на Ваши пожелания, не посоветовавшись со союзниками.

Фон Ключенау сразу почувствовал издевку в этой фразе: у Шамиля не было никаких союзников, он сам был Абсолютом, Высшим Законом. Он был тем, от кого исходит фетва.

С огромным трудом генерал поднялся на ноги. Переговоры заняли целый день. Он посмотрел вниз и увидел лишь усталое, остывающее солнце, скользящее вниз, в ущелья меж скалами. Он не мог не поразиться до глубины души, до ужаса, безумной энергии этого великого воина. Сознывая, что эта встреча войдет в историю независимо от ее исхода, он протянул руку для рукопожатия главнокомандующему армии мюридов.

Однако Суркай-хан, охранявший Шамиля, и один из наиболее преданных ему мюридов расценил этот жест как угрозу. Охранник перехватил руку генерала и, бормоча проклятия, потянулся за кама.

Аслан прыгнул вперед и оттеснил Суркай-хана, пытаясь в то же время объяснить русскому причины внезапной агрессивности мюрида:

- Вы посмели дотронуться до нашего вождя! Вождя правоверных! Это кощунство!

Казалось, фон Ключенау сейчас взорвется изнутри. Он тоже отшатнулся назад, ибо ноги у него дрожали и в них будто бы вонзили миллион булавок. Это окончательно вывело его из себя: подняв трость, он вознамерился сбить тюрбан с головы Суркай-хана.

Обнажить голову верующего считалось неслыханным оскорблением. Однако генеральской палке не суждено было достичь цели. Сильная рука железной хваткой перехватила удар, пригнула руку фон Ключенау и заставила его вновь опуститься на землю. Сам Шамиль решил исход потасовки.

Переводчик был уже не нужен: Шамиль гортанным голосом отдавал приказы, не подчиниться которым не мог бы ни гяур, ни истинно верующий.

- Убирайтесь отсюда, пока вас не перебили! - приказал он русским.

- Мюриды, не открывать огня! Под страхом смерти никому не поднимать ружья!

С минуту казалось, что генерал Ключе фон Ключенау вот-вот сам бросится на противника. Два казака, боясь резни, навалились на него, повинувшись лишь инстинкту. Фон Ключенау яростно вырывался из их объятий, изрыгая поток ругательств:

- Подонки! Сброд! Чернь! Дикари! Негодяи! Я истреблю вас до последнего человека! Я буду вести войну до тех пор, пока на этой земле не останется ни одного выродка из вашего племени! Клянусь всеми святыми, именем Государя, матерью- Россией... слышите вы, презренные торговцы рабами, я уничтожу вас!

Начал действовать и Евдокимов. Он оттащил генерала подальше и помог казакам усадить его на лошадь.

- Отстаньте от меня! - рычал тот. - Я уеду, когда посчитаю нужным! пусть эти ублюдки прикончат меня - я не собираюсь драпать отсюда! Видит Бог - не собираюсь!

Фон Ключенау оттолкнул Евдокимова. Адьютант отлетел от него. Аслан Гирей подскочил, чтобы поддержать упавшего, на секунду ухватив его за руку:

- Увозите своего генерала отсюда как можно скорее. Это позорный поступок. Вы

рискуете жизнью.

Евдокимов с удивлением взглянул на Аслана Гирея. Этот взгляд нельзя было назвать ни благодарным, ни дружеским, это был взгляд человека, желающего разобраться в обстановке:

- Извинитесь за нас перед вашим предводителем. Извинитесь, но заставьте его выслушать. Это роковая ошибка. Пощады не будет. Много-много людей пострадают из-за того, что мы не договорились.

Аслан Гирей понял все сказанное, но не ответил.

Евдокимов вскочил в седло:

- Мы никогда не отступим, не остановимся. Вы даже не представляете себе, что творите.

Затем, будто для того, чтобы подчеркнуть важность сказанного, Евдокимов широко перекрестился и рысью припустил из ущелья. Казаки молча последовали за ним. Фон Клюгенау сидел в седле багровый от ярости. Он ехал последним, будто принимал большой церемониальный парад, двигаясь подчеркнуто медленно, оскорбительно медленно для своих врагов.

* * * * *

Единственной радостью в жизни Ахмета после смерти жены и внука стал его правнук Нахо. Ахмет мог бы наслаждаться относительным миром, который все еще царил в Кабарде, но он, как и Мурад, слишком часто слышал рассказы о восстаниях, бушевавших на землях, окружавших его родину. Шамиль, имам Дагестана, вел непрерывную безжалостную войну против русских в своей горной стране и время от времени пытался втянуть в эту драку и кабардинцев. На западе, в местах более знакомых Ахмету, убыхи, бжедути и шапсуги за последние несколько месяцев одержали внушительные победы. Об участии в этих победах Казбека Ахмет узнавал от купцов, странствующих певцов-ашугов, по слухам, передаваемым из уст в уста. Казбек был знаменит как воин-герой, как блестящий тактик. Все эти рассказы, доходящие до Ахмета из дальних краев вызывали у него противоречивые чувства. Он был слишком стар, ему хотелось более простых, тихих радостей. Нахо в буквальном смысле придавал ему жизненные силы.

Стариков с особой силой тянет к молодым. Трепет ребенка, испытывающего первые радости созидания, его постоянно меняющиеся устремления приносят больше чем радость старику, исполненному печали и мудрости. Энергия юности, ее жадный интерес к новому пробуждают в старике новую любовь, простую, лишенную эгоизма, чистейшую нежность, единственная награда за которую - напоминание мудрому и печальному старцу о радости жить. Это привилегия тех, кто сам испытал великую любовь, кто любил и был любим. После этого легче испытать привязанность, не нуждающуюся во взаимности.

Именно таковы были чувства Ахмета. Удивительно, но они так глубоко пустили корни в его душе, словно все другие страсти исчезли из его жизни, освободив сердце для любви. Теперь ему было достаточно просто наблюдать, как растет Нахо и просто любить его.

Ахмет лежал на террасе своего дома на софе, покрытой овчиной. Внизу во дворе Нахо играл с борзым щенком. Это был крепкий четырехлетний мальчик. Он уже умел ездить верхом, стрелять из лука и охотился не хуже мальчика вдвое старше себя.

Поодаль Анвар, в одиночку распорядившийся конюшней, приглашал во двор двух кабардинцев, которых он хорошо знал и которых несомненно узнал бы его отец. Несмотря на свои восемьдесят лет Ахмет был слаб телом, но не умом. Как только к нему подвели гостей, он узнал в одном из них Науруза, брата Сатани.

- Ты знаешь Науруза с Баксана, отец? - спросил Анвар, соблюдая все формальности. - Его друга зовут Шамирза Омар. Они пришли справиться о твоём здоровье.

Ахмет оживился:

- Шамирза! Ты, должно быть сын Шевказа? Он прекрасно помнил, что братья

Шамирза оказали ему честь, съездив в Чегем, чтобы уладить дела Казбека, когда тот собирался жениться на Нурсан. Сколько же лет назад это было...

Шамирза Омар был человеком крепкого сложения лет тридцати с небольшим, смуглый, с резкими чертами лица, подтянутый, чопорный, но не неприступный.

- Да, Тхамата, - сказал Омар, - и мой отец передает Вам приветствия. Он бы тоже присоединился к нам сегодня, но его ноги уже не в силах выдержать долгое путешествие.

Лицо Ахмета выражало сочувствие. Анвар стоял позади отца, готовый выполнить любое его поручение. Он привык к своей роли хозяина конюшен, хотя это было не совсем то, чего он ждал от жизни. Когда-то он мечтал стать мятежником и скакать по горам вместе с чеченцами, но пути Аллаха неисповедимы.

Науруз заговорил несколько более сдержанно, и Ахмет понял, что это не просто визит вежливости.

- Я также привез Вам приветствия от отца, Тхамата. Как Вы себя чувствуете?

Лицо Ахмета выразило удивление:

- Как я себя чувствую? - улыбнулся он. - Я стар - вот как я себя чувствую. Входите, садитесь. Спасибо, что пришли навесить старика. Да, правда, я и сам теперь не могу ходить далеко. Шамирза, когда-то я продал твоему отцу несколько прекрасных лошадей... много лет назад. А сейчас вы держите лошадей, мой мальчик?

Омар, которого вряд ли можно было назвать мальчиком и который выглядел скорее как процветающий земледelec, улыбнулся от удовольствия.

- Да, Тхамата, мы их еще держим, - с почтением ответил он.

Ахмет выглядел довольным:

- Анвар, принеси чаю нашим гостям. Располагайтесь, мальчики.

Науруз заговорил, инстинктивно подавшись вперед, чувствуя, что Ахмет слышит не так хорошо, как когда-то:

- Тхамата, Вы и наши старейшины - это наша сила и благодать, дай вам Аллах еще много лет жизни, чтобы вы могли радоваться внукам.

На эту похвалу Ахмет ответил широкой улыбкой.

- Чудесный парнишка, правда? - сказал он с гордостью, глядя на Нахо, играющего с собакой.

Для старика весь белый свет клином сошелся на этом ребенке. Нахо был довольно высоким для своего возраста, стройным мальчиком. Густые черные волосы он унаследовал от своего отца Имама. Светлое лицо с тонкими чертами озарялось зелено-голубыми глазами чарующей прозрачности.

Наступила пауза. Наурузу нужно было сообщить что-то более важное, чем пожелания долголетия, и Ахмет ждал, когда же он, наконец, решится. Старик посмотрел на дверь, не идет ли Анвар. Однако он почувствовал, что Анвар решил задержаться и не присутствовать при этой беседе.

- Нахо, пойдй поищи дядю, - ласково сказал Ахмет, и мальчик убежал, радуясь, что ему дали поручение.

- Тхамата, у Вас есть новости о Казбеке? -спросил наконец Науруз.

Ахмет ответил не сразу. Упоминание о Казбеке всегда будило в нем память о собственном воинственном прошлом, когда он вместе с Мурадом и чеченскими воинами совершал набеги, ходил на Кизляр, когда был жив его дорогой названный брат Хамзет...

- А, Казбек, - вздохнул старик. - Он теперь воюет. Хочет воевать и дальше, как я в молодые годы. Да, мы изредка получаем известия о нем. Он у шапсугов в горах. Насколько я знаю, у него все хорошо...

Науруз нервничал, ожидая возвращения Анвара и не решаясь начать деликатный разговор в его отсутствие, потому что тот также имел право оценить его предложение. К счастью, в этот момент вернулся Анвар с чаем и Науруз, наконец, решился:

- Тхамата, я прибыл сюда, чтобы поговорить с Вами о деликатном деле. Вы старейшина этого рода. Нам нужно Ваше мнение и благословение. Мы бы хотели, чтобы Казбек также

слышал нас, но это невозможно.

Анвар был посвящен в намерения Науруза. Он лукаво улыбнулся, подбадривая своего родственника.

Науруз продолжал, тщательно подбирая слова:

- Маленький Нахо уже подрос и скоро отправится к аталику, поэтому мы - я говорю также от имени своего отца - просим вас освободить мою сестру Сатани от обязательств перед вашей семьей, - Науруз снова взглянул на Анвара, надеясь, что его слова не прозвучали слишком резко: Анвар как брат Казбека являлся опекуном Сатани, и его одобрение очень помогло бы Наурузу.

- Мы считаем, что она выполнила свой долг в отношении памяти Вашего внука, да упокоится он с миром. Мы просим, чтобы ей было позволено выйти замуж за этого человека, сына Шамирзы.

Ахмет был опечален, но кивнул, принимая неизбежное.

- А Сатани? Она согласна на этот брак? - спросил он резко.

Науруз больше не колебался:

- Да, Тхамата, согласна, но если только Вы разрешите.

Ахмет взглянул на Анвара, опасаясь, что у того могут быть возражения: в их семье Сатани все любили и Нахо был очень привязан к матери... Но Анвар прямо взглянул в глаза отцу, и Ахмет понял, что он признает право Сатани на выбор, на новую жизнь... Ахмет знал, что Анвару тоже приходилось идти на уступки. Он очень уважал своего сына.

- Сатани была образцовой невесткой, - сказал старик. - Если таково ее желание, мы не можем стоять на ее пути, но я должен услышать об этом из ее собственных уст.

Затем, словно размышляя вслух, Ахмет пробормотал:

- Я предпочел бы, чтобы Казбек как свекор решал это дело, но, поскольку это невозможно, я объявляю вам мое решение... Кто еще знает о ваших планах?

- Только Анвар, а теперь и Вы, Тхамата, - поспешно ответил Науруз. - Мы ни с кем не хотели говорить об этом, не получив Вашего благословения.

Ахмету было приятно, что Науруз проявил уважение к Хабза. Это облегчало его решение.

Вошла Сатани. На ней было простое синее платье и шаль из белого муслина. При виде брата в ее глазах вспыхнула радость, но, заметив Омара, она покраснела. Сердце Ахмета сжалось, ибо он осознал, что она еще совсем молодая женщина, в которой любовь и другие страсти все еще ждут пробуждения. Ему стало жаль Имама - ведь они могли бы прожить счастливую жизнь: в Сатани были нежность и сила, которых не смогла уничтожить пережитая ей трагедия.

В соответствии с правилами Сатани отвела взгляд от гостей и остановилась перед Ахметом, приготовившись выслушать его.

- Милая нисса, прекрасная Сатани, - сказал Ахмет ласково, - если бы Аллах благословил меня дочерью, я бы хотел чтобы она была такой же, как ты, дорогая. Тебе известно для чего пришли сюда эти люди?

Сатани подняла глаза и вдруг увидела на старом, исполненном доброты, лице Ахмета отражение той любви, которую подарил ей Имам. Этот глубокий темный взгляд, который иногда становился печальным, но для нее означал только нежность. Ее глаза наполнились слезами.

- Да, Тхамата, я знаю, - она гордо подняла подбородок.

Ахмет хотел быть уверен. Молодые строили такие большие планы... Сатани была дорога ему, и он боролся с желанием высказать ей всю силу своей привязанности.

- Это твой дом... И ты можешь пользоваться в нем всеми правами, как если бы ты была моей собственной дочерью. Никто не может заставить тебя покинуть нас, даже твоя семья, ты понимаешь? - он неловко потянулся и взял ее за руку.

Сатани встала на колени и коснулась губами его худых длинных пальцев. Она кивнула, не в силах произнести ни слова.

- Я должен знать, что ты покидаешь нас по своему согласию. Хочу услышать это от тебя, - сказал Ахмет.

Сатани вздрогнула, потом вытерла слезы.

- Тхамата, Вы были для меня вторым отцом. Вы любили меня так же, как родной отец. Я согласилась выйти замуж вовсе не потому, что хочу покинуть Ваш дом., - она взглянула на Омара, чтобы набраться сил для дальнейших объяснений. - Я еще молода, и мне хочется создать новую семью. Я знаю Шамирзу Омара с детства, и не смогла бы выйти замуж за незнакомого человека.

Ахмет обратил внимание, что обрученные обмениваются взглядами, полными симпатии и взаимного уважения. Ему стало ясно, что Сатани вовсе не влюблена в Омара так, как была влюблена в Имама, но она была готова полюбить его. Жизненный опыт Ахмета подсказывал ему, что такая готовность - гораздо более прочная основа для брака.

- Спасибо, дорогая нисса. Ты можешь идти, - сказал он.

Сатани быстро вышла с террасы. Разговор оказался нелегким для всех.

Сердце Ахмета сжалось, когда он смотрел ей вслед. Ему хотелось защитить ее. Он хотел бы знать, что ждет ее в будущей жизни:

- Скажи мне, Шамирза Омар, каковы твои планы?

Омар очень хотел оставить хорошее впечатление, более того, он хотел покинуть этого почтенного уважаемого человека, успокоив его:

- Тхамата, прежде всего, та есть если Вы дадите нам свое согласие и благословение, мы поженимся в Баксане. Затем я намереваюсь переехать в Константинополь.

Ахмет был поражен. Омар понял, что старик не ожидал ничего подобного, но поскольку сам был умным и осторожным человеком, постарался вселить в Ахмета уверенность:

- У меня есть родственники в этом городе, они обещали мне хорошую работу. Мой дядя служит при дворе султана и имеет влияние в Блистательной Порте. Сатани обеспечено хорошее будущее.

Ахмет был возмущен этими планами. Всю жизнь он хранил привязанность к земле Предков. Однако старику не хотелось мешать Сатани и Омару, отказывая им в своем расположении.

- Желание покинуть родной дом, - медленно сказал он, - родную землю и привычный образ жизни - это верх неосмотрительности. Я не одобряю этого и никогда не пошел бы на это. Но я слишком стар, чтобы указывать благородному адыгу, что ему следует делать. Я не буду стоять на твоём пути, Омар. Да благословит тебя Аллах.

Гости удалились с чувством облегчения и тщательно соблюдая все формальности.

На протяжении всей жизни Ахмета адыгам грозила опасность. Междоусобные войны, казаки, эпидемии, а теперь и это: постепенное расползание иностранного влияния, забвение родовых ценностей, почитаемых им и другими старейшинами. Если все молодые мужчины будут думать так же, как Омар, гяурам не понадобится много сил, чтобы покорить горы. Защитники сами покинут бастионы этой каменной крепости и оставят на произвол завоевателей просторные плодородные долины его Кабарды...

* * * * *

Дэвид Эркарт стоял среди своей маленькой гостиной. В руках у него было письмо лорда Понсоби, в котором сообщалось, что Эркарт освобожден от должности и высылается домой. Это было настоящее предательство, однако с недавних пор Эркарт ожидал чего-то подобного.

Слуга вежливо покашлял и ввел в комнату Сафар-бея.

- Приветствую Вас, дорогой друг, - сказал Эркарт. - Благодарю, что смогли прийти так быстро.

- Получив Вашу записку, я подумал, что не будет ничего страшного, если я зайду к Вам среди бела дня.

Эркарт рассмеялся. Это удалось ему с трудом: он не был расположен к веселью, но ситуация столь осложнилась, что ему было необходимо разрядить напряжение.

- Как Вы знаете, шхуна «Виксен» прибыла в порт Сухум Кале. В течение двух дней Белл смог продать свой товар черкесам, но вскоре российский военный корабль обнаружил шхуну и заблокировал ей выход из порта. Для Белла это конец, Сафар-бей.

- Как, друг мой?

- Русские конфисковали судно. Мои дорогие друзья Беллы потеряли весь груз, и к тому же им придется возместить стоимость шхуны ее владельцу.

- Да, но насколько я помню, Вы говорили, что у них есть шанс получить компенсацию...

Эркарт посмотрел на Сафар-бея долгим взглядом своих прозрачных голубых глаз:

- Члены парламента сделали ряд запросов. Палмерстон решил не бросать' вызов русским. Мы проиграли, Сафар-бей. Меня не просто отстранили от должности. У меня теперь нет ни малейшей возможности восстановить свое положение.

- Но почему же?

- Король умер. Я должен вернуться в Англию. Мой отпуск, как они деликатно назвали эту от ставку, должен завершиться. Без короля у меня нет ильного союзника. Палмерстон отвернется от меня, а Понсоби уже отвернулся.

Сафар-бей был удивлен:

- Но он же относился к Вам, как к сыну.

- Думаю, что мне досталась роль козла отпущения. Карьера Понсоби слишком дорога ему..., -Эркарт взглянул на письмо. - В этом письме он обвиняет меня, что я не выполняю своих секретарских обязанностей, что провожу слишком много времени наряжаясь по-турецки и болтая с туземцами...

Он снова рассмеялся, на этот раз более искренне:

- Знаете, Сафар-бей, царь - человек безжалостный. Уж не подкупил ли он Палмерстона, чтобы тот запел по-другому? Интересно было бы узнать...

- Дела европейцев неисповедимы, сказал Сафар-бей с упреком, однако в словах друга ему почудилась навязчивая идея, и это озаботило его.

Дэвид был преисполнен самоиронии:

- Послушайте, я против русских, потому, что я за турков. Понсоби же за турков только потому, что он против русских. Они с Палмерстоном найдут другой способ обуздать Россию, другой союз, другую сделку... Вот увидите!

- Когда Вы едете?

- Немедленно. Моя единственная надежда теперь - восстановить свое честное имя и бороться за ваше дело у себя дома. А для этого надо прекратить сплетни.

- Вы слишком честны, чтобы быть политиком, Дауд-бей. В этом Ваша беда.

Дэвид Эркарт пожал плечами:

- Кто знает? Премьер-министр Веллингтон не принимал участия в этой интриге, а Палмерстон принимал. В конце концов, объяснение может быть очень простым: лобби манчестерских заводчиков убедило правительство не расторгать сделки с русскими на поставки льна и конопли, - в голосе Эркарта звучало презрение. - Узкие коммерческие интересы. Люди не в состоянии увидеть картину, во всей полноте, если заботятся о сохранении своих прибылей. Я буду бороться за то, чтобы дело о конфискации русскими шхуны «Виксен» вновь обсуждалось в парламенте. Мне нужно узнать все факты, связанные с ним. И тогда нас поддержит британское общественное мнение. Сейчас мое место в Лондоне...

Эркарт принялся переключать бумаги у себя на столе, стараясь не встретиться взглядом с Сафар-беем. Он не любил прощаний. Для Сафар- ; бея это было совершенно непривычно, и он вдруг осознал, насколько чужим был для него этот человек. Мрачно размышляя о причинах столь странного поведения своего британского друга, Сафар-бей видел, что несмотря на любовь Эркарта к востоку, на его знание Корана, его безупречный турецкий, его здравые экономические соображения - все равно, в стремлении этого англи-

чанина в одиночку повлиять на события было что-то неестественное, почти безумное. Такие люди могут быть полезны, если разумно направить их -энергию, однако, они могут быть и опасны, если потеряют управление, подобно балласту, перекатывающемуся в трюме корабля во время шторма. Разумно ли было выбирать такого человека союзником черкесов? Не приведет ли он их всех к краху?

Сафар-бей дождался, пока англичанин поднимет взгляд от своих бумаг.

- Что-нибудь еще, Сафар-бей? Прошу прощения, у меня столько дел...

- Нет, Дауд-бей, я просто хотел попрощаться с Вами и пожелать всяческих успехов.

Дауд-бей внезапно превратился в Дэвида Эркорта:

- Это очень мило с Вашей стороны. Прощайте, старина. Я еще не сдался.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Три казака во весь опор мчались к одинокому черкесу: этот глупец безрассудно привел свою лошадь к водопою у брода на виду у противника. Разве он не знает, что этот переезд через Лабу кишит казаками? Похоже, что это чужак. Значит, его появление не военная хитрость.

Иван выстрелил из ружья и засмеялся, когда лошадь горца встала на дыбы. И тут же черкесская пуля, воющая на лету, благодаря сделанной на ней насечке, пролетела у его уха, и он услышал, как что-то упало в воду прямо у него за спиной.

- Твою мать! - громко выругался Иван, осадив лошадь. Его товарищ Григорий сделал то же самое. Третий казак из их патруля, Борис, лежал в воде. Во лбу у него зияло пулевое отверстие, из которого хлестала кровь, окрашивая воду красным.

- Проклятый черт! - воскликнул Григорий.

Но дерзкий черкес уже исчез, скрылся в лесу словно зверь.

- В следующий раз, Иван Иванович, не спеши стрелять в черкеса, - сказал Григорий. - Они тут же отвечают на выстрел и не промахиваются.

- Чтоб ему сгореть! Пойди, поймай борисову лошадь, - приказал Иван. - Нам с тобой влетит за это.

Произнеся все ругательства, какие он знал, Иван перекрестился, затем наклонился, вытащил тело Бориса из воды и перекинул через седло. Казаки направились к станице.

Азамат удовлетворенно наблюдал за ними. Ему чуть было не помешал солнечный блик, и теперь он радовался, что хорошо справился с работой: сразу убил свою жертву, а не покалечил.

Он слышал, что две вещи могут превратить мальчика в мужчину - вкус крови и любовь женщины. Он жил с женщиной уже долгое время и считал эту мысль не совсем верной. Любить женщину, а не быть любимым ею - вот что помогает произойти этому превращению. Многие молодые люди были любимы, а все-таки не становились взрослее...

Как такие мысли могли прийти ему в голову после того, как он только что убил человека? К тому же, это произошло с ним впервые. Теперь он убийца, а не только любящий мужчина... Главное, что кровь, которую он пролил, была кровью врага. По крайней мере, теперь он мог сказать, что впервые убил человека во имя своей родины.

Эта мысль укрепила его. Азамат осторожно двигался за деревьями, растущими вдоль берега Лабы. В его путешествии была, по крайней мере одна приятная сторона: всюду, где он проезжал, люди говорили о подвигах его старшего брата. Пастухи, торговцы оружием и разными другими товарами были потрясены и польщены встречей с родственником великого Казбека, Кавказского Льва. Однако встречные не спешили рассказать ему о местопребывании брата. Азамат решил, что самое лучшее - рассказывать им о своих планах. Он направлялся на родину, в Кабарду, и надеялся, что осведомители Казбека передадут тому это известие. По его сведениям, Казбек был где-то здесь, в краю шапсугов, и если бы Азамат продолжал кружить по этим местам, то рано или поздно столкнулся бы с ним. Но Азамата беспокоило то, что поиски брата могут задержать его на пути к больному отцу.

Прибрежные деревья поредели. Азамат увидел вдалеке дым и пришпорил коня, чтобы поскорее добраться до стен, окружавших селение. Оказавшись в безопасности, он перевел дыхание и направился к самому богатому дому в ауле. Он намеревался представиться старейшине и узнать, не помогут ли здесь в его поисках. Но сделав несколько шагов, Азамат замер: посреди улицы к столбу был привязан великолепный белый арабский жеребец.

Азамат, сын своего отца, знал толк в хороших лошадях. Этого коня он никогда не видел

раньше, но много слышал о нем и сразу узнал - легендарный Саглави, на котором столь искусно скачет Кавказский Лев. Спешившись, Азамат подошел к жеребцу, понюхал ему ноздри, прошептал несколько ласковых слов, и животное сразу почувствовало, что этот человек - его друг.

- Где же твой хозяин? - спросил Азамат, чувствуя облегчение от близости родного человека.

Ворота дома широко распахнулись, и Азамат увидел стоящего перед ним и широко улыбающегося брата.

- Братишка! Хвала Аллаху! Что заставило тебя приехать сюда с Кубани? - Казбек заключил Азамата в свои мощные объятия.

Азамата поразило, как изменился брат. Они не виделись очень давно. Казбек стал худой, лицо его покрывали морщины и мягкая белая борода - почтенный человек. Тело его было крепким, как и его объятия. Лицо казалось высеченным из гранита, и Азамат вглядывался в него, стараясь отыскать признаки неутолимой ненависти и решимости, превративших его брата в безжалостного воина. Но он не видел ничего, кроме прекрасной широкой улыбки и чувствовал себя вернувшимся в детство, словно солнечное тепло согрело его. Азамат был первым поклонником этого божества, задолго до того, как к нему пришла теперешняя слава.

- Меня уже вряд ли назовешь братишкой, - засмеялся Азамат, сжимая руки брата. Он был не так крепко сложен, как Казбек, но обладал красивым мужественным телом, глубоким голосом, искренностью в общении. В глазах его светился острый ум. Как и Казбек, он унаследовал от отца красивые руки... Сейчас, пожимая их друг другу, братья заметили это сходство, и их вдруг наполнило ощущение близости и родства.

- Я искал тебя столько дней! Но тебя так трудно обнаружить! Твои люди здорово оберегают тебя, Казбек.

- Да, мне сообщали, что ты в пути... Казбек обнял брата за плечи и повел в какой-то довольно скромный дом. Гостиная была большой, удобной, но обставлена без излишеств. Окна были занавешены, что создавало уютную, спокойную обстановку. У стены стоял диван, покрытый дорогим турецким покрывалом. Азамат узнал одну вещь, связанную с их прошлой жизнью на Тереке - прекрасный красно-синий ковер, который их мать, Цема, соткала много лет назад. Однако стенные проемы со всех сторон были увешаны предметами, которые для него еще трудно вязались с образом брата: казацкие винтовки, огромная дамасская сабля (Азамат сразу узнал ее, она раньше хранилась в коллекции отца), искусно сделанная кольчуга. Кама, кинжалы, многочисленные штыки...

- Да, война в этой стране разгорелась всерьез, - сказал Азамат, разглядывая с интересом обстановку. - Всю дорогу от Лабы в меня то стреляли, то преследовали. Такой веселой охоты у меня не было со времени, проведенного у аталика.

Губы Казбека растянулись в медленной снисходительной улыбке:

- Несерьезных войн вообще не бывает, братишка. Кстати, что тебя заставило покинуть Кубань? Или Кабарду?

Азамат стал вдруг задумчив:

- Нет, я еще не был на родине. Я получил послание от Анвара. Он просил отыскать тебя, чтобы мы вместе поехали домой. Отец неважно себя чувствует. Анвар боится, что он долго не протянет.

Ему хотелось сказать, что это для него сейчас самое важное: выразить почтение и попрощаться. Он ведь не присутствовал на похоронах матери и от этого особенно остро чувствовал скорбь о ней. Он знал, что произошло. История убийства Имама, смерти Цемы и мести Казбека стала достоянием легенд и с песнями ашугов растеклась по горам, пока, наконец, не достигла Азамата, до глубины Души поразив его. Таким образом у него был двойной повод отправиться на родину: отдать последний долг уважения обоим родителям.

Казбек молчал. Известие, привезенное братом, опечалило его.

- И это еще не все, - продолжал Азамат. - Твоего внука Нахо отправили к аталику. Его мать, Сатани, нашла себе нового мужа и переехала в Стамбул.

Казбек удивленно поднял голову. Только теперь, когда он узнал, что Сатани сняла траур по мужу и пережила свое горе, он отчетливо осознал, как много времени прошло с того дня, как он покинул Терек.

- Кажется, уже пять лет, - пробормотал он. - Неужели так... долго? Я видел столько крови...

И впрямь, наверное, пора ехать домой...

Вновь теплые чувства к брату охватили Азамата. До сих пор внешний суровый образ скрывал от него истинного Казбека. Ему было одновременно и радостно, и тревожно сознавать это: радостно потому, что он любил брата; тревожно потому, что случившееся должно было превратить жизнь Казбека в ад - ему пришлось запереть на замок все свои чувства, чтобы совершить то, что он совершил.

Казбек вновь стал спокойным и хладнокровным, как всегда. Он спохватился:

- Совсем забыл! Ты же, наверное, хочешь есть и пить... Ежи! Ежи! - Казбек хлопнул в ладони.

Откуда не возьмись, появился молодой парень, лет двадцати пяти, с приятной улыбкой на лице. Азамат без труда узнал в нем славянина по широким скулам, круглому лицу, светлым волосам. Весь вид вошедшего будто говорил: «К вашим услугам!».

- Познакомься: Ежи, мой близкий товарищ, - сказал Казбек. - На войне он сражается рядом сомной плечом к плечу, а дома служит мне как младший брат.

Ежи было приятно встретить родственника своего великого друга и он крепко пожал Азамату руку.

- Дооро пожаловать... Я в Вашем распоряжении..., - он говорил по-черкесски быстро, но не безупречно, ибо этот язык не был полностью доступен тем, для кого он не являлся родным. Тем не менее, Ежи изучал его с увлечением, а не только по необходимости.

Быстрый разговор насчет риса и цыплят заставил Азамата по-настоящему ощутить, насколько он голоден. Ежи вышел и тут же вернулся с кувшином бахsimы, предложив Азамату утолить жажду. Однако братья пока и не помышляли об отдыхе: им слишком много нужно было сказать друг другу. Пока Ежи деловито гремел посудой в маленькой соседней комнатке, Азамат быстро отвечал на расспросы брата о житье-бытье на Кубани:

- Да, я счастливо жил там... Да, давно женат и Аллах дал мне двоих детей - мальчика и девочку. И самое главное, брат... Я хорошо ужился с кубанскими кабардинцами.

Уже долгие годы Казбеку не с кем было поговорить вот так, по-домашнему, а без этого трудно жить. Азамат продолжал рассказывать о своей жизни, а Казбеку оставалось лишь поражаться несхожести их судеб.

- Сестра отца... Ты помнишь рассказы о ней, Казбек? та, что вышла замуж за ленивого уорка, того самого, кого так ненавидел отец и из-за которого он покинул дом? Так вот, у этой Афуасы так и не было детей. Когда ее муж Мухаммед умер, я стал вести ее хозяйство. У ее родственника, старого князя, не осталось в роду ни одного наследника мужского пола. Он уже несколько раз говорил мне, что собирается передать этот титул мне и моим детям!

- Так, так... Вовсе не плохо, брат. Неудивительно, что ты не собираешься возвращаться на Терек. На Кубани у тебя хорошее будущее...

- Может быть, - ответил Азамат как-то особенно осторожно. - Сначала нужно выяснить, что с отцом. Я чувствую, что нужно срочно ехать. Надеюсь, ты тоже...

Казбек не виделся с семьей со дня той резни, которую он устроил, мстя за смерть сына и матери. Он еще не знал, что думает отец о хаджи, вновь поднявшем меч. Впрочем, он надеялся, он допускал, что Ахмет поймет его и будет им гордиться...

- Мне нужно так много сказать тебе, Азамат, - проговорил Казбек, чувствуя облегчение, что может, наконец, выговориться перед близким человеком. - С утра мы отправимся в путь и поговорим по дороге... Ехать нам предстоит не один день. А теперь, думаю, нам лучше поесть и отдохнуть. Ты на сегодня уже напутешествовался вдоволь.

Азамат всегда с обожанием относился к старшему брату. Теперь он наблюдал за смятением чувств Казбека и ему было приятно сознавать, что он может предложить брату

поддержку и понимание.

- Я знаю об Имаме. Знаю о казаках, - внезапно сказал Азамат, надеясь, что брат почувствует в его словах одобрение его действий: любой отец на его месте поступил бы так же.

Казбек бросил на брата быстрый взгляд, полный благодарности, и Азамат остался очень доволен.

Тихий стук в дверь прервал их беседу. В комнату вошел хаджи Даниль. Он сразу же отправился сюда, узнав от Ежи о приезде брата Казбека.

- Какая приятная неожиданность! Добро пожаловать! - благожелательность, исходящая от Даниля, окутывала Азамата как теплый мех. Он понял, что этот человек - близкий друг и помощник Казбека, и сразу почувствовал расположение к нему.

- Входи, Даниль, мне нужно посоветоваться с тобой, - сказал Казбек безо всяких церемоний.
- Мне нужно срочно ехать домой, но что делать с Ежи после моего отъезда?

Намис не позволял хаджи Данилю спрашивать о причинах столь безотлагательного отъезда. Он знал, что Казбек сам расскажет ему все, что возможно.

- А разве он невольник!? - воскликнул Азамат, удивленно качая головой.

Даниль начал объяснять:

- Казбек так к нему не относится, но это верно: Ежи был невольником. Казбек отобрал его у армянина-работорговца по дороге в Суджук Кале. Однако Ежи клянется, что всегда был свободным человеком, и всего лишь дезертировал из русской армии. Он и вправду здорово умеет воевать. Отвагой не уступает всем нам.

Азамат удивился:

- Почему же он тогда не попытался сбежать? На его месте я поступил бы именно так, не важно раб я или нет.

- Бежать от той хорошей жизни, что он имеет у твоего брата? Никогда. Да он просто умрет от голода или вновь попадет в рабство.

Эта мысль поразила Казбека. Странно, что она не приходила ему в голову раньше, но он всегда был всецело погружен в свои планы многочисленных сражений, и у него просто не было времени размышлять о таких вещах...

- Если б у него была возможность вернуться на свою родину, то полагаю, он воспользовался бы ею, но отсюда... - Казбек с сомнением покачал головой.

Вошел Ежи, неся поднос с едой. Он поставил поднос возле очага, потом поднялся, собираясь уходить, но Казбек жестом остановил его.

- Ежи, я скоро уезжаю из Шапсуги. Мне нужно ехать домой вместе с братом. А что будешь делать ты?

Ежи был ошарашен этим известием, однако быстро взял себя в руки:

- Я поеду с Вами, Тхамата. Вам не обойтись без моей помощи, - коротко ответил он.

Казбек был, естественно, тронут такой преданностью молодого человека, но ему хотелось быть полностью уверенным в правильности своих поступков.

- Но я могу никогда уже не вернуться в эти края. Кабарда очень далеко отсюда. Не хочешь ли ты отправиться обратно на родину?

Ежи напряженно смотрел в лицо Казбека, пока тот говорил, стараясь точно понять его слова и в то же время угадать, к чему клонит Казбек. Он уже открыл было рот, чтобы ответить, но вдруг способность говорить покинула его. Казбек сделал приветливый жест рукой и кивнул, давая понять, что Ежи может говорить все, что считает нужным.

Давай, давай, я хочу выслушать тебя...

- Хаджи, - начал Ежи, набирая побольше воздуха в грудь и готовясь высказать все, что так долго томило его. - Вы дали мне кров, обращались со мной как с братом. С Вами я чувствую себя свободным человеком. Моих родителей... убили солдаты во время подавления восстания. Они изнасиловали и убили мою единственную сестру. - Ежи помолчал, сердито потерев лицо кулаком. - Меня же забрали в солдаты и заставили участвовать в кавказской войне...

Трое черкесов бесстрастно глядели в сторону, слушая эти откровения, от которых кровь закипала в жилах.

- Я хочу остаться с Вами. Не хочу домой, - закончил свою речь Ежи. Ему уже не нужно было добавлять, что дома у него нет и возвращаться просто некуда.

- Спасибо, Ежи, - спокойно сказал Казбек. Ежи быстро вышел из комнаты, будто стараясь стряхнуть с себя тяжелые воспоминания и поскорее вновь окунуться в работу. Его упорство в стремлении изменить свою жизнь, его достоинство и отсутствие жалоб были достойны самого искреннего уважения.

- Наши кабардинские урки еще немало посудачат об этом., - с легкой усмешкой проговорил Казбек. - Они обвинят меня в содержании невольника. Но, как видите, мы с ним просто связаны судьбой.

Азамата удивило, что Казбек как будто слишком легко отреагировал на этот рассказ, но потом он вспомнил, как их собственный отец частенько резкими словами пытался скрыть истинные чувства. Даниль же словно не обратил внимания на это странное замечание и поднял кубок:

- А теперь предлагаю тост за нашего младшего брата - за его здоровье и его адиага!

Трое мужчин опорожнили кувшин за один заход, как предписывала традиция. У Дани ля тоже было кое-что на уме. И это «кое-что» имело отношение не только к собравшимся за этим столом, но и ко многим другим людям.

- Вы отправитесь в путь до или после нашего дела на Лабе? - спросил он, невольно сверкнув глазами.

Казбек помолчал, глядя на Азамата через стекло кубка. Лукавая улыбка расплывалась у него на устах:

- Нет, думаю, мы дадим нашему молодому брату почувствовать вкус битвы перед отъездом. Когда он состарится, будет рассказывать об этом своим внукам.

Азамат вскочил на ноги, пылая решимостью, словно отчаянный подросток:

- Здесь будет битва? И скоро! И я могу участвовать в ней?!

Казбек был доволен. Сейчас этот объяснявшийся изысканной речью кубанский кабардинец, мечтающий стать князем, показал свою истинную натуру.

- Вот именно. И прекрасно...

* * * * *

Аллаху-Акбар! Этот крик несся над крупным отрядом боевых сил шапсугов, возглавляемым Казбеком, Муса-беем, Данилем и Азаматом, вооруженными до зубов. Перед ними находилась недостроенная казачья станица: идущий по периметру ров и стены были почти готовы, внутри лагеря горбились палатки, соседствующие с первыми деревянными постройками - домиками для офицеров, складами боеприпасов и солдатскими казармами, откуда медленно тянулись тонкие струйки дыма.

Аллах-у-Акбар! Вновь зарокотал мощный - Густой голос Муса-бея, и всадники громоподобно подхватили его, соединив свои голоса в устрашающем реве. Горцы обрушились на станицу как лавина, сходящая с гор, как падающая скала, под которой растаяла ледяная опора - с ужасным грохотом и всеокрушающей мощью.

Казачи были ошеломлены, но все же готовы к такой неожиданности: одетые (атаковали до рассвета), они быстро разбирали ружья и выскакивали на улицу, встречая градом пуль первую волну нападающих всадников.

Однако шапсуги хорошо знали свое дело. Самое главное для них сейчас - стремительность. Они не дрогнули и продолжали мчаться вперед на стволы ружей с такой яростью, что казаков охватило замешательство, хотя и длившееся всего секунду или две, но ставшее для них роковым. Этих секунд хватило, чтобы потерять огневое преимущество.

Черкесы в седлах ловко увертывались от пуль и, словно чудом, проскочили первый залп с гораздо меньшими потерями, чем могли вообразить себе командиры казачьего войска. Их сабли внезапно засверкали над головами противника и началась жуткая резня.

Налег длился несколько часов. Азамату они показались вечностью. Никогда за всю свою жизнь ему не доводилось видеть такой людской свирепости. Казалось, что войско джинов, злых духов, не знающих никаких чувств, кроме ярости, дробит скалы, круша дома и их жителей, рвут их на части кусок, за куском: руки, ноги, головы...

Он не заметил, когда все вдруг кончилось. Вот он наносит удар казаку, потом что-то вроде предсмертного вздоха наполнило воздух: силы мгновенно покинули его. К тому моменту, когда это произошло, все вокруг стало черным: тела погибших, обуглившие остатки станичных построений, лошади шапсугов с поблескивающими подсыхающими подтеками крови на боках. Черными были даже лица победителей, которые горцы вытирали посеченными рукавами черкесок.

На дальнем конце этой ужасной панорамы Аза-мат увидел Муса-бея, подгоняющего толпу пленных. Другая группа черкесов вылавливала кавалерийских лошадей. Большая команда занималась тщательным осмотром складов и амбаров, отыскивая то, что можно захватить с собой. Люди действовали как заведенные, уверенно, слаженно, безо всяких споров и разговоров. Они знали свое дело. Покончив с ним, они сели в седла и тронулись в путь. Азамат пребывал в смятении, не зная, что делать дальше.

Казбек подъехал к нему.

- Ну вот, братец, - бодро проговорил он, - и ты испытал вкус битвы. Оказался ли он таким, как ты предполагал?

Зубы Казбека победно белели на почерневшем лице. Азамату с трудом верилось, что его брат действительно столь хладнокровен и энергичен, каким кажется. Сам он чувствовал себя смертельно усталым, тогда как Казбек словно помолодел после кровопролития. Это было так противоестественно и страшно...

- Теперь мы можем ехать домой? – спросил Азамат тихо. - Я имею в виду на Терек? Мне что-то не хочется испытывать это снова. Я не нахожу в этом ни удовольствия, ни славы...

Казбек ничего не ответил, лишь развернул лошадь, предоставляя Азамату следовать за ним. Они отъехали от станицы и остановились в тени одного из нескольких деревьев, которые не успели срубить казаки. Здесь Казбек спешил, но Азамат остался в седле, продолжая смотреть на оставшуюся позади станицу.

- Взгляни-ка на них. Так-то они воюют? Только бы пограбить? Я был обо всем этом другого мнения...

Казбек прекрасно понимал его.

- Не разочаровывайся, братец, - терпеливо сказал он. - Когда побеждают русские, они делают то же самое. А иногда и гораздо худшее. Это война. Простые воины считают, что имеют право на добычу. Таковы традиции, и не забывай, что им не платят за участие в сражениях.

- Отец рассказывал нам об этом, но я считал, что речь идет о чеченцах. Не думал, что и у адыгов все происходит так, - признался Азамат.

Казбек растянулся на траве. Картина была довольно странной: на мирно зеленеющей полянке лежал человек в одежде, перепачканной кровью. Он заложил руки за голову и взирал на листву, сквозь которую пробивались солнечные лучи.

- Ты видел Ежи? - спросил Казбек. – Нам нужно пораньше устроиться на ночлег - в Кабар-ду выезжаем завтра рано утром...

Азамат поразился тому, с какой легкостью Казбек забыл о резне. Он чувствовал, что это утро заметно отдалило его от брата. Азамат соскользнул с коня и упал на землю как подкошенный - даже конь испуганно переступил, освобождая ему место.

- А вот и Ежи. Трофеи еле тащит, - сказал Казбек спокойным, равнодушным голосом. Он сел и начал махать Ежи, но тот уже заметил белого жеребца-аравийца и всю спешил к

ним вверх по склону. За собой он вел двух казачьих лошадей, нагруженных добром. Поклажа была аккуратно завернута в армейские шинели и перетянута веревками.

Когда он подошел поближе, Казбек рассмеялся:

- Что ты собираешься делать со все этим, Ежи? На Терек мы отправимся быстро и налегке.

Ежи кивнул, совершенно не смутившись:

- Очень хорошо, Тхамата. Хорошие подарки будут Вашей семье на Тереке.

Трудно было что-нибудь возразить на это.

- Ты не видел Даниля? - спросил Казбек.

- Он недалеко отсюда. Там, у моста. Они сидят с Муса-беем, - ответил Ежи, указывая рукой направление.

- Что ж, тогда надо прощаться и трогаться в путь, - Казбек поднялся на ноги и пошел вперед большими шагами, ведя за собой лошадь.

Ежи был очень доволен событиями этого дня. Азамат ехал подавленным.

* * * * *

Сыновья Ахмета провели в пути много дней. Азамат оказался в компании опытных воинов и чувствовал себя гораздо спокойнее, чем тогда, когда добирался самостоятельно с Кубани в Шапсугу.

Ежи тоже пребывал в отличном состоянии духа, зная, что едет навстречу свободе и новой спокойной жизни. По дороге он развлекался охотой на горных склонах, поэтому у их ночного костра частенько витал аппетитный запах жареного мяса либо рыбы из горного ручья. В это время года вдоль дорог было полно ягод. Лошади тоже могли есть сочную траву до отвала.

Однако больше всего запомнились Азамату в этой поездке перемены, замеченные им в Казбеке. Каждую ночь тот потчевал брата своими рассказами о былых налетах, о жестокостях, свидетелем которых он был, о мести, совершенной им. Азамат понимал, что должен спокойно слушать все это. Половина ужасов едва воспринималась его рассудком, так как сам он никогда не видел подобного. Иногда его одолевало отвращение, но он старался поддерживать беседу, чувствуя, что этими разговорами Казбек очищает свою память перед возвращением к нормальной жизни, и, самое главное, перед долгожданной встречей с отцом.

- Однажды, - печально вспоминал Казбек, - мы похоронили одного воина-бжедуга. Это был славный боец, с доблестью участвовавший во многих походах. К несчастью, ему довелось вести отряд против войск под командованием одного особо жестокого офицера-гяура. Не раз они сходились в смертельной схватке. Этот воин пал в бою. Мы разыскали его тело и похоронили с почестями, подобающими такому герою. На следующий день гяур нашел эту могилу, вырыл телом расчленил его. Такое бывает на войне.

Азамат мог лишь смиренно слушать эти рассказы.

- Но это все кончилось, Казбек. Мы возвращаемся домой.

- Это никогда не кончится, братец, - Казбек завернулся в бурку и погрузился в воспоминания. Однако, его рассказы не лишили Азамата сна -усталость была слишком сильна и он заснул без сновидений. Даже кошмары не снились ему.

Эта поездка здорово закалила Азамата. Много лет он вел жизнь мирного кубанского поселенца. Теперь же ему приходилось не вылезать из седла по четырнадцать-пятнадцать часов за день, спать на голых камнях, скудно питаться раз в сутки по вечерам, не забывая при этом бдительно наблюдать за окрестностями, чтобы избежать встречи с рыскающими вокруг казачьими патрулями. За это время он похудел, руки его покрылись мозолями, а борода стала гуще.

Воздух в горах становился прохладнее.

- Нам нужно спешить, - сказал Казбек, когда они уже проделали половину пути. - Я не хочу, чтобы первый снег застал нас тут.

Сначала, когда они прибавляли ходу, у Азамата все стонало внутри, но потом он, конечно, привык и научился спать в седле в очередь со своими спутниками, причем даже тогда, когда им день за днем приходилось проезжать сквозь клубящиеся облака холодных туманов, отыскивая каменистую дорогу между высокими скалами, предательски скользкими от влаги.

И вот они добрались до предгорий гиганта-Эльбруса. Но тут началась гроза, будто сами горы приветствовали их прибытие. Молнии озаряли кавказских великанов в пугающем мраке. Слепящий свет окрашивал края черных как смоль облаков желтым или кроваво-красным цветом. Тучи, казалось, все стремительнее мчались над горными пиками. Сталкиваясь друг с другом, словно полки каких-то небесных армий, они порождали грандиозные зигзаги молний, красные и синие от скрытой в них энергии, бросающие зловещие отблески на белоснежные вершины.

Казбек встал на краю утеса, отдавая себя в объятия разбушевавшейся стихии.

- Азамат! Подойди, постой рядом со мной! - крикнул он, и Азамат, который вовсе не желал промокнуть до костей, повиновался.

Казбек обнял его за плечи своей мощной рукой.

- Потрясающе, правда? Будто сам Господь радуется, что мы вернулись назад!

- Даже горы воюют между собой, - проговорил Азамат. - Думаю, это судьба нашего края.

- Ты прав, братец. Без этого нам не обойтись.

Хотя Азамату и не хотелось вымокнуть, но сила характера его брата не позволила ему тронуться с места, и он так и стоял, будто прикованный, пока гроза не поутихла.

Ночная баталия закончилась, облака рассеялись. И вот, наконец, холодная серебристая луна, словно безмолвный победитель, выплыла откуда-то из-за темных громад своих небесных войск, и ее таинственный свет полился сквозь радугу, продержавшуюся всего несколько мгновений.

- Пора спать, - сказал наконец Казбек, будто это небесное сражение каким-то образом облегчило ему душу. - Завтра у нас нелегкий день.

За сотню верст от того места, где начался их поход, путники приступили к спуску с гор вниз, к равнинным просторам Терека, пробираясь вдоль утесов по берегу реки, которая, казалось, становилась все уже и уже. Вдруг скалы расступились, будто раздвинулись гигантские каменные занавеси, и они увидели широкую панораму реки и маленькие поселения, разбросанные вокруг на зеленых пастбищах.

- Ежи, это наш старый Терек. Это та река, которую я так часто поминал, - сказал Казбек.

Отсюда до моего дома всего три часа езды.

Несмотря на изнурительно быстрый темп езды, не сбавлявшийся ни разу за всю поездку, путники почувствовали прилив новых сил и подстегнули лошадей, отчего те еще стремительней понеслись по лугам, пока не достигли берега реки. Конец перехода был уже близок...

У Ежи комок подкатил к горлу, когда он наблюдал, как два почтенных горца, как мальчишки, пригнувшись в седлах, весело мчались вперед с улыбками на лицах. Перед ним ожили картины далеких дней его детства, когда он беззаботно резвился на дворе у дома своих родителей и поддразнивал сестричку.

И вот всадники подъехали к небольшому селению, представляющему собой ухоженную усадьбу, окруженную высокими буками. Внутри находился уютный домик со двором, где гоготали непокорные гуси вокруг корыта с водой. Чуть вдалеке на лужайке паслось небольшое стадо овец. Две флегматичных коровы подняли головы и наблюдали за проезжающими, не переставая жевать.

Во дворе играл сероглазый светловолосый мальчик. Казбек спешил и подошел к ограде,

сам не зная, зачем. Мальчик с любопытством подбежал к приехавшим, глядя на них во все глаза.

- Давай-ка с тобой потолкуем. Как тебя зовут? - спросил Казбек.

На вид мальчику было около пяти лет. Он прямо взглянул в лицо Казбека, но едва мог его разглядеть, так как гость стоял против солнца. Перед ребенком возвышался гигантский силуэт воина - именно таким он представлял себе великих героев.

Но малыш не испугался. Приложив ладонь к глазам, чтобы заслонить их от солнца, он увидел, как большой воин наклоняется вперед, красиво опираясь на рукоять сабли.

- Ну что, поговорим? Теперь мальчик ответил:

- Меня зовут Нахо. Я кабардинец.

Нахо! Казбек мгновенно все понял: едва он увидел мальчишку, который подпрыгнул и бросился бежать к забору, как что-то оборвалось у него внутри. Он подумал, что это просто от радости возвращения к своему народу, но теперь он понял причину своего волнения: он узнал каждую черточку, каждую жилку, все это нежное тельце, даже каждый завиток волос на голове мальчика прежде, чем было сказано хоть слово. Этот ребенок был ему дороже всех сокровищ мира, ведь это был его родной, такой близкий, и в то же время незнакомый внук. Словно Имам снова воскрес для жизни. Этот парнишка, что скачет по двору, сделал его сны явью.

В дверях дома появился плотный пожилой человек. Казбек сразу узнал Мамилу, дальнего родственника князя Хапца Омара и одного из лучших аталиков в этих местах.

Старик сделал знак, выказывающий уважение к хаджи Казбеку, герою Кавказа, но не сказал ни слова. Казбек мог сам решать, открыться внуку или нет.

Казбек низко нагнулся и взял Нахо на руки. На секунду он посадил его на переднюю луку седла, любуясь его такими знакомыми серо-голубыми глазами. Затем крепко поцеловал мальчика в лоб.

- Это первый и последний поцелуй, что ты получаешь от меня, парень... Пусть тебе его хватит до совершеннолетия.

Затем он опустил Нахо на землю. Мальчик смотрел вверх, стараясь понять не сон ли это: ведь огромный воин-нарт приехал прямо к нему домой, посадил на своего белого коня и удостоил объятий.

Всадники галопом ускакали прочь. Нахо подбежал к крыльцу и засыпал аталика вопросами, но тот не ответил ни на один из них.

* * * * *

Ахмет дремал на веранде, лежа на своей кушетке. Сквозь сон он различал звуки кипевшей вокруг работы. Вот смеются соседи - помогают своим слугам дотащить с поля урожай. Одно за другим люди убирают кукурузные поля Хапца, причем по заведенному порядку все трудоспособные жители дружно убирают по очереди все участки: общими усилиями можно гораздо быстрее справиться с неотложной работой. Сегодня вечером в его усадьбе устроят праздник для соседей в знак благодарности за помощь. Он слышал, как рядом в конюшнях Анвар терпеливо разъяснял сыновьям, как нужно объезжать жеребцов, а с соседней стороны дома доносились нежные песни женщин-пшитл, занятых уборкой овощных грядок и таскающих корзины с тыквами и перцем.

Ахмет знал, что умирает. Его уход был лишь вопросом времени, и он спокойно относился к смерти. Судьба была к нему благосклонна: по сравнению с многими другими на его долю выпало не так уж много трагедий и много удачи.

Однако две новые печали соединились с главной бедой - смертью Цемы, ранили его сердце и Ахмет вдруг почувствовал смертельную усталость. Первая печаль - отъезд Сатани. Он с грустью размышлял над этим событием, воспринимая его как пугающее предзнаменование

того, что может произойти со всем его народом. В глубине души он чувствовал, что второе замужество Сатани означало разрыв связующих звеньев с будущими поколениями[^]

Второй ечалью стал отъезд Нахо. Отправить мальчика к аталику было необходимо. Ахмет был уже слишком стар, чтобы самому заняться воспитанием Нахо, как это было с Имаммом. Он уступил решению семьи отослать мальчика из дома, чтобы тот как следует овладел боевым искусством. К тому же после того, как уехала его мать, Сатани, в доме воцарилось ощущение распада, так что временное отсутствие явилось благом для самого ребенка. Нахо находился не так уж далеко от дома, in' то в местах обитания джлахст-ней, однако по существующим правилам ему не разрешалось видаться с родными. Ахмет молча тосковал по своему правнуку, расставшись с жизнерадостным и любимым ребенком, он утратил интерес к жизни и начал угасать.

Его век коснулась тень, и он медленно открыл глаза. Пришел навестить Мурад.

Друг некоторое время молча сидел рядом с ним. Им не нужны были слова: все, что следовало сказать, было давно сказано.

Пшитл принесла кувшин фруктового сока. Мурад наполнил стакан и поднес его к губам Ахмета.

- В этом году хороший урожай, - сказал он, - кладовые скоро будут полны.

Веки Ахмета опустились, и он слегка кивнул головой. Он был доволен, что все в порядке.

- Теперь примутся за твои поля, друг, - проговорил он надтреснутым голосом, и эти звуки болью отозвались в сердце Мурада - ведь прежде Ахмет всегда говорил громко и властно, хотя ему и не хватало красноречия, которым славился Мурад.

- Известий нет? - снова заговорил Ахмет. Он спрашивал об этом каждый раз, когда Мурад заходил к нему.

Его друг покачал головой:

- Нет, пока нет. Уверен, они скоро приедут. Но у меня есть другие новости, и если ты не устал и хочешь знать, о чем судачат люди...

Ахмет поднял свою почти прозрачную ладонь:

- Говори. Развлекай меня, старый сплетник..., - он попытался улыбнуться и снова закрыл глаза, приготовившись слушать.

- Ты ведь слышал о Занноку Сафарбее? Это черкесский старейшина, который находится в Турции, чтобы просить там поддержки для нашего дела...

Ахмет кивнул. На секунду Мураду показалось, что его рассказ не проникает в сознание друга, но упомянутое имя пробудило в Ахмете воспоминания. Он открыл глаза и в упор глянул на Мурада:

- Это тот, чей отец женился на девушке низкого происхождения? Насколько я помню, после смерти отца он был продан в рабство.

Мурад был счастлив, что ему удалось пробудить в Ахмете столь живой интерес, пусть даже в словах друга и звучало неодобрение.

- Да, тот самый. Ему удалось пробраться в Египет и преуспеть там. Теперь он поселился в Стамбуле и занялся делом адыгов - наших западных братьев. Так вот. Оказывается, он снова виделся с англичанами, и сообщает, что, вероятно, его беседы с ними пойдут нам на пользу.

Ахмет кивнул:

- Хорошо, - проговорил он, аккуратно складывая руки на коленях.

Мурад наклонился к нему поближе:

- Но это еще не все. Говорят, что он был принят при дворе султана Махмута, да хранит его Аллах.

- И это хорошо, - сказал Ахмет.

- Там же присутствовал русский посол.

- А это уже не так хорошо. Есть за одним столом с неверным...

- Нет, нет, это был день конных состязаний на Окмейдан. Султан попросил Сафарбея показать свое умение, что тот и сделал, и при этом не посрамил звания черкесского уорка.

Ахмет слегка кивнул, величественно выражая удовлетворение.

- Султан щедро наградил его за искусство. Как рассказывают по-разному: золотом, серебром, лошадьми - можно услышать все, что угодно.

Глаза Ахмета вновь закрылись. Мурад наклонился к нему еще ближе. Для него было так важно заставить Ахмета цепляться за жизнь, он так хотел, чтобы тому довелось еще раз увидеться с сыновьями... А между тем, известий о возвращении Казбека и Азамата все не было.

Мурад продолжил свой рассказ, стараясь сделать его как можно более занимательным:

- Говорят, что русский посол, этот мерзкий собачий сын, был так разгневан, что объявил, будто его оскорбили, оказав столь высокую честь мятежнику. Он пригрозил оставить свой пост, если черкеса не удалят от двора султана и не выдворят из Константинополя.

Ахмет вновь открыл глаза:

- Надеюсь, султан не удовлетворил этого не достойного требования?

Мурад пожал плечами:

- Это не имеет значения. Сафар-бею ни к чему искать милости султана, раз у него есть поддержка англичан, правда?

Ахмет прекрасно понял, зачем Мурад завел этот разговор. Он протянул ему руку. Он слишком устал, чтобы отвечать на вопросы, хотя и был благодарен Мураду.

- Теперь пусть думают другие, Мурад. Мои взгляды не совпадают с мнением большинства. Я не доверяю туркам. Как и наш старый друг Аслан Гирей.

- У Аслана Гирея есть все основания для этого, - сказал Мурад. - Турки расценивали крымских ханов как заслон, отделяющий их от российской державы, и жили с ними в ладу лишь пока царю не понадобились ханские земли. И тогда ни слова не было произнесено о их защиту...

- Верно, - сказал Ахмет, опять оживившись, - и точно так же турки позволили России хозяйничать на Кавказе. Они поступают так, как им выгодно. Им безразличны наши интересы. Их волнует только наша преданность. Мы не должны становиться подданными султана, это нам не годится. Это повредит нашим обычаям, ослабит власть князей и уорков. Русским будет выгодно, если турецкие имамы станут учить наш народ, что все люди равны перед Богом.

Казалось, Ахмет становится все более взволнованным. Это было совсем не то, чего добивался Мурад.

- Согласен. Наши Хабза для нас важнее, чем неукоснительное соблюдение ислама. Я уверен, что Аллах в своей мудрости понимает это. Наши обычаи связали нас воедино еще на заре истории.

Мурад продолжал отвлеченные рассуждения о достоинствах мусульманской веры и старых кабардинских обычаях. Он заметил, что рука Ахмета, сжимающая его руку, постепенно ослабевает. Как бы он хотел оживить друга единственной отрадой для него новостью - известием о возвращении сыновей. Ахмет больше не отвечал на слова Мурада, и тот прижал к груди руку умирающего, словно пытаясь, передать ему свою жизненную силу. Мурад знал, что он сильнее, хотя бы потому, что меньше страдал на склоне лет. Его жена Медина, слава Аллаху, все еще была рядом с ним, как и оба его сына Тимур и Джафар со своими семьями.

Ахмет вдруг вновь открыл глаза:

- Когда Казбек вернется, он должен встретиться с крымским ханом Гиреем, они еще в детстве стали названными братьями. Эта встреча может оказаться для нас полезной.

Его веки вновь отяжелели. Ободренный этим замечанием, Мурад продолжал свои рассуждения еще некоторое время. Он рассказывал о своем детстве на Тереке, о соперничестве с братом Омаром, о днях, проведенных с чеченцами, вспоминал о том, как они с Ахметом вместе охотились и сражались.

Прошло полчаса. Ахмет снова очнулся.

- Говорят, что друг и помощник, который не думает о чести, бесполезен. Ты всегда был

честен и помогал мне, друг мой, и я благодарен тебе за это, - тихо сказал Ахмет, посмотрев Мураду в глаза.

Теперь он уже не боялся говорить о своих сокровенных чувствах, потому что в каком-то смысле уже простился с этим миром. Мурад увидел это в его глазах. Он понял, что друг прощается с ним. И на этот раз красноречивый Мурад не мог найти подходящего ответа. Он просто сидел рядом и страстно желал, чтобы Казбек приехал как можно скорее, но боялся, что тот все-таки опоздает.

На веранду вышел Анвар:

- Если хотите, теперь я посижу с ним, Тхамата.

- Это стариковское дело. Анвар. Я рад побыть здесь. Иди и ты к нам.

Анвар переживал те смешанные чувства, которые часто испытывает сын, живущий с родителями. Именно он больше всех угождал отцу, и тем не менее чувствовал, что больше всего на свете тому сейчас хочется повидать Казбека. Лицо его было печально, но обида и гнев занимали его сейчас больше, чем сыновние обязанности.

Мурад понимал это. Он тоже покинул родной дом, поссорившись с отцом, но затем вернулся к нему, чтобы помириться. Его брат Омар, напротив, был примерным сыном, но все же любимцем отца был он сам, может быть незаслуженно.

- Героем можно стать по-разному, Ацвар, - сказал он. - Как говорит пословица, «герой – это тот, кто первым подставил плечо под нож». Казбек не смог бы уйти из дома, чтобы отомстить за свою семью, если бы не был уверен, что ты останешься дома и позаботишься об отцовском наследии.

Ахмет вдруг заговорил громким и сильным голосом, словно снова стал молодым, а не был стариком, лежащим на смертном одре:

- Мурад говорит правду, сынок. И, кроме того, ты лучше, чем те двое умел ладить с лошадьми. Я горжусь тобой, Анвар. Да благословит тебя Аллах.

С этими словами Ахмет повернулся к стене и дух его отлетел.

Мурад и Анвар опустили на колени и начали молитву:

- Алла иль амбар Аллах, все знающий и всех направляющий! Да будет благословенно имя его!

Они благодарили Господа за то, что по крайней мере этот старый человек, который в свое время много сделал для их борьбы, удостоился мирной кончины среди своих единоверцев, а не погиб от руки врагов.

В то время, как Казбек и Азамат завершали свой многотрудный путь, Ахмет с Кубани был торжественно перенесен к месту захоронения. Анвар был главным среди четырех мужчин, вынесших усопшего. Другие трое были Джафар, Тимур и сын Анвара Руслан. Все они, по обычаю, были в черных черкесках. Они донесли свою ношу до ворот усадьбы, где другие жители селения подставили под нее плечи, а близкие Ахмета следовали за скорбной процессией к священному кладбищу Хапца. Впереди шел мусульманский шейх, держа в одной руке Коран, а в другой - четки.

Процессия приближалась к своей цели под нарастающий плач женщин, рыдающих на своей половине дома. Печально, но у Ахмета не было ни жены, ни дочери, которые бы оплакивали бы его, однако его родственницы и служанки, не сговариваясь, наполнили тишину своими рыданиями. Их горе было искренним. Ахмет был самым уважаемым старейшиной и щедрым хозяином. Все жители селения разделяли с его семьей острое чувство потери.

Ахмет, завернутый в белый холст, был опущен в могилу, края которой были обложены ивовыми ветвями, головой в сторону Мекки. Рядом с ним положили его лучший меч.

- Во имя Аллаха и Пророка его, да будет благословенно его имя... Последний путь человеческий... Судьба наша в руках Аллаха... Все мы - его творение, и к нему мы возвращаемся...

Мурад едва слышал шейха, читающего Коран на могиле Ахмета. Он изо всех сил старался, чтобы его старческие слезы не повредили торжественности обряда. Ахмет вряд ли

одобрил бы их, ибо был истинным кабардинским уорком. Его жизнь олицетворяла духовную культуру его народа каждым его поступком, его величайшей сдержанностью и тактом, присущей ему спокойной гордостью, которая наполняла его и тогда, когда он впервые приехал с Кубани, и даже снисходительностью, с которой он относился ко всем их менее цивилизованным соседям... Эта мысль вызвала тень улыбки на лице Мурада. Он был рад, что его друг закончил свой жизненный путь истинным хранителем древних обычаев. Это было все, чего он сам бы пожелал.

* * * * *

Казбек и Азамат подъехали к деревне Хапца в молчании. Обоих охватило волнение при виде широких ухоженных полей, пологих берегов Терека, знакомой череды плакучих ив, зеленые ветви которых колыхались над водой с легким шелестом.

Но веселые молодые всадники не спешили им навстречу, стреляя из ружей и криками сообщая жителям деревни о прибытии долгожданных гостей.

- Мы опоздали, Азамат, - сказал Казбек.

- О нет, господи!

Азамат в тревоге помчался к родной усадьбе. Ежи поскакал следом за ним.

Казбек сдерживал свое горе - ему пришлось научиться мужественно переживать трагедии. Он поравнялся с остальными и подъехал к своему дому. Слуги бросились к нему с криками сожаления и горя.

Его жена Нурсан, закутанная в черное, вышла ему навстречу:

- Священник сейчас у могилы, Казбек.

Казбек сел и обхватил голову руками. Нурсан обернулась к Азамату:

- Добро пожаловать, деверь. Жаль, что тебе выпало приехать в такой печальный день.

Азамат тоже опустил на колени и закрыл лицо руками. Прodelать такой длинный путь, и все-таки не успеть...

- Вам надо переодеться. Скоро вернутся люди с похорон. Пройди сюда, Азамат, я помогу тебе.

Она спокойно отдала распоряжения слугам, которые взяли на себя заботу об Азамате.

Нурсан провела окаменевшего от горя Казбека в его комнаты, сняла с него накидку, кольчугу и оружие и сложила все это в сторонке. Она не стала говорить более никаких теплых слов, которыми по праву они с мужем могли бы обменяться. Она уже давно не помышляла о такой беседе с ним.

Казбек помылся и облачился в подобающие случаю черные одежды хаджи. Не обращая внимания на усталость, он вошел в главную комнату своего дома и приготовился встретить людей, возвращающихся с похорон. Обычай предписывал подготовиться к церемонии принятия соболезнований, и Казбек намеревался не посрамить своего отца, по крайней мере, в соблюдении этого обычая.

Все происходящее было объяснено Ежи, который также принялся помогать, проводя гостей в дом и предлагая им закуски. Первым вернулся Анвар. Он тепло, но печально обнял братьев в знак приветствия. Он чувствовал облегчение от того, что сможет передать заботу о соблюдении ритуалов старшему брату.

- Добро пожаловать. Я рад, братья, что вы вернулись, - сказал Анвар. Впервые за много недель он, наконец, мог разделить с ними свою ношу.

- Да благословит тебя Аллах, Анвар. Слова не могут выразить мое горе и мою благодарность тебе, дорогой брат. Иди, сядь рядом со мной. А ты, Азамат - с другой стороны.

Процессия старейшин, которые входили в дом Казбека и выходили из него превзошла все предыдущие по числу людей и их важности. Жители селения не помнили столь торжественных почестей. Князя, уорки, муллы, шейхи - все люди, являющиеся гордостью

джлахстней пришли в дом Казбека. Священники произнесли множество молитв, прославлявших добродетели покойного. Его сыновья выражали признательность сдержанно, но с уважением и сердечностью.

- Знаешь, Анвар, - прошептал Азамат, - жаль, что мама не дожила до этого. Как бы она им гордилась...

- Нет, я рад, что теперь она будет снова с отцом, - ответил Анвар.

Азамат с удивлением посмотрел на брата. Анвар вовсе не был склонен к размышлениям подобного рода. Азамат замолчал. Эта короткая фраза заставила его осознать, как все они помудрели и изменились. Он надеялся, что во имя его отца, они изменились к лучшему...

ГЛАВА ПЯТАЯ

Лето подходило к концу в землях абазах, шапсугов и бжедугов: в тех краях западного Кавказа, где горы громоздятся над узкой равниной, доходящей до берегов Черного моря. Иногда горы подступали к самой воде, и тогда дорога в этих местах превращалась в опасное испытание для всякого путника, волею судеб вынужденного ехать вверх или вниз по ущельям, либо пробираться головокружительными тропками по утесам, чтобы добраться от одного селения к другому.

Там, где прибрежная равнина расширялась, вся местность была начисто оголена русской армией, непрочно удерживавшей несколько гаваней в этой части побережья. С первого взгляда было видно, где начиналась зона доминирования русских и где она заканчивалась. Вокруг гарнизонных городков появлялся круг почерневшей, опустошенной земли - результат рубки и сжигания леса. Затем, едва, проехав несколько верст, путешественник видел благополучное селение, где земля утопала в пышной растительности и походила на оазис в пустыне. Опрятные домики, обсаженные деревьями, стояли в окружении полей и огородов, где росли кукуруза и овощи.

Было жарко и влажно, однако ничто не нарушало покоя, и путники с нарочитой открытостью направились к маленькому селению, расположенному на продуваемом всеми ветрами обрыве над морем. Их целью, конечно, было привлечь к себе внимание.

Первым ехал воин-черкес в полном боевом облачении. Весь вид его, вплоть до мелочей, олицетворял образ бойца-адыга. Это был Альсида-бей, один из командиров боевых сил бжедугов. Он держался, как лев, словно вовсе не боялся нападения врага - внушительно сильный и беззаботный одновременно. Трудно было определить его возраст: он был худощав и выглядел как мужчина лет двадцати с небольшим. Однако ощущение опытности, исходившее от всадника, позволяло предположить, что ему уже под сорок. Его лицо с правильными чертами и карими глазами выражало непоколебимую цельность натуры.

Он обернулся назад и улыбнулся, глядя на одного из Своих спутников, молодого англичанина Джона Лонгворта, который с легкой гримасой напряжения пробирался по узкому проходу меж двух устрашающих скал.

- Недалеко уже, - проговорил Альсида-бей и продолжил путь. Конь его ступал мягко, будто шел по ровному песчаному берегу. Лонгворт внутренне проклинал весь белый свет, однако на карту была поставлена его честь англичанина, поэтому он старался не обращать внимания на ноющие мышцы и саднящую спину и лишь прищипорил коня. Помимо всего прочего, эта поездка была для него самым настоящим приключением.

Лонгворт был зарубежным корреспондентом «Лондон Тайме». Это- давало ему возможность бывать в «горячих точках» мира. Он побывал в Греции (ни один уважающий себя либерал не пропустил этого зрелища), а теперь вот с энтузиазмом занялся «черкесским вопросом»: его сообщения о ходе повстанческой войны в России вызывали у читателей немалый интерес. Английское общество, как никакое другое, с энтузиазмом поддерживало потерпевшую сторону. Выходящее ныне регулярно «Портфолио» Дэвида Эр-карта вкупе с чрезвычайно привлекательными репортажами Джона Лонгворта сделали «черкесский вопрос» весьма модным, приковывающим пристальное внимание.

Лонгворт был высокого роста, темноволосый, жилистый и немного вялый по натуре. Он не обладал мощным телосложением, однако благодаря тому, что держался очень собранно, выглядел старше своих двадцати пяти лет.

За Лонгвортом следовал знатный черкес, еще не участвовавший в военных кампаниях - Ислам Гери. Лонгворт, будучи профессиональным журналистом, не любил громких фраз и эпитетов, однако Ислам Гери был, возможно, самым внешне привлекательным мужчиной из всех, что он встречал в своей жизни: именно тот тип горца, что заставлял его верить рассказам Эркарта и Белла. Высокий, с изящными манерами, безупречно одетый, сдержанный в словах и жестах, искуснейший наездник. Ислам Гери был абазах по

происхождению. Они с Лонгвортом были почти ровесниками, однако последний чувствовал себя рядом с ним неуклюжим школяром и яростно завидовал врожденному хладнокровию Ислам Гери.

Сейчас же Гери выглядел еще более лихо, гарцуя впереди солдата-грека, которого Лонгворт привез сюда в качестве личного помощника и телохранителя. Сам он не имел при себе оружия (по крайней мере, официально): это могло спровоцировать дипломатический инцидент, которых и так предостаточно было в последнее время.

Георгиу был родом с Коса, бесплодного острова, где шла неослабевающая и ожесточенная война греков против турок за независимость. Он стал жертвой своего времени, когда для многих новоявленных бойцов сама война стала привычным образом жизни. У него не было ни дома, ни семьи, в лоно которой он мог бы вернуться, поэтому он с удовольствием пустился навстречу новым приключениям, получая, к тому же, от Лонгворта небольшое жалование. Как многие греки, он был врожденным авантюристом, сообразительным и находчивым, порой даже коварным, имел способности к языкам. Перед поездкой он поставил лишь одно условие - настоял на том, что будет одет в свою собственную одежду: черную бархатную Куртку, богато украшенную вышивкой, и узкие шерстяные зеленые штаны.

Повязанный вокруг шеи черный шарф довершал щегольской наряд странствующего грека.

В данный момент он величественно держал в руках развевающееся шелковое знамя адыгов: на зеленом поле отчетливо выделялись белые стрелы, устремленные вверх. Подразумевалось, что они нацелены на север, на Россию, и никто не должен был сомневаться в постоянной готовности горцев оправдать этот символ. Знамя выглядело роскошным воинским атрибутом, и на его фоне Ислам Гери казался настоящим героем. Лонгворт взял про себя это на заметку: отличный образ для репортажа...

Когда группа приблизилась к селению, еще два солдата-черкеса, следовавшие позади, поехали друг за другом. На въезде в поселок, защищенный лишь легким плетнем, стоял старейшина Карим-бей, седой старик, чьи многочисленные шрамы свидетельствовали о том, что этот человек отдал многие годы повстанческой борьбе. Как и положено по ритуалу в таких случаях, главного старейшину сопровождали семь самых уважаемых мужчин села.

- Добро пожаловать, Ислам Гери, и ты, Альсида-бей. Для нас честь принимать столь замечательных гостей, - старый Карим-бей окинул взглядом и иностранцев, но ничего не сказал на их счет.

Черкесы спешили и обнялись со стариком. Лонгворт стоял позади, и когда подошел его черед быть представленным старейшине, протянул руку. Благодаря хорошему воспитанию, присущему его народу, Карим-бей не растерялся и тоже протянул руку, обменявшись рукопожатием с зарубежным гостем.

- Он говорит на нашем языке? - спросил старик Ислам Гери.

- Я перевожу ему на турецкий, а потом этот грек переводит мои слова на его родной язык, - ответил Ислам Гери.

Карим-бей спокойно отнесся к этому:

- Хорошо, скажи ему, что мы рады принимать его в нашей деревне и в моем доме как почетного гостя. Вы все мои желанные гости, - добавил он для остальных.

На этом формальности закончились, и все направились к небольшому глинобитному строению, чтобы продолжить беседу. За последние недели Лонгворт не раз был свидетелем подобных церемоний и каждый раз искренне удивлялся тому, насколько тщательно эти люди соблюдают правила хорошего тона, и тому, с каким терпением и тактом Альсида-бей и Ислам Гери поддерживали этот ритуал.

- Наша основная надежда сейчас - на Англию, - заявил Карим-бей. Для своего возраста он обладал весьма проницательным умом и с интересом следил за положением дел на театре военных действий. - Султан бросил нас на произвол судьбы. Одно время я думал, что нам следует подружиться с русскими, - покачал он с сожалением головой, - но я жестоко обманулся. Единственное их намерение - превратить нас в рабов и захватить наши земли для

заселения их собственными крестьянами. Мы будем сопротивляться этому до последнего вздоха...

Он посмотрел на Лонгворта, который внимательно слушал Георгиу, переводившего ему.

- Мы бедны и разобщены, и у нас нет средств сопротивляться захватчикам. Кончается порох. Только вы можете спасти нас от русских, - продолжал Карим-бей.

Лонгворту уже приходилось слышать подобное, и каждый раз в нем оживало мучительное чувство долга. Ему было не по себе от того, как жестко этот старик смотрел на него, очевидно стараясь подчеркнуть этим взглядом свою решительность и гордость. Он наклонился вперед:

- Пожалуйста, передайте нашему дорогому хозяину, что я очень благодарен ему за гостеприимство и добрые слова. Скажите также, что я привез наилучшие пожелания от Дэвида Эркорта.

Лонгворту было приятно услышать в ответ слова признательности и повторенное несколько раз негромко, но выразительно имя «Дауд-бей».

- Я прибыл с хорошими вестями, - продолжал Лонгворт, - которые я конфиденциально сообщу лишь вашему меджлису. Мне необходимо будет встретиться с моим соотечественником мистером Беллом, который, надеюсь, уже находится в ус ловленном месте. Вдвоем мы сможем уверить вас в добрых намерениях нашей страны и наших больших надеждах на ваш успех.

Карим-бей был удовлетворен этими словами. Удовлетворен, но не обольщен. Он уже слышал так много всяких слов от заезжих иностранцев, сулящих золотые горы...

- Будем надеяться, что привезенные им новости радостны для нас, - проговорил он, обращаясь к присутствующим. - Мы накануне кровопролития и войны. У меня есть сведения, что в дополнение к силам, находящимся в Геленджике, в Екатеринодаре готовят еще одну армию. Ты слышал что-нибудь об этом, Альсида-бей?

Альсида-бей пожал плечами:

- Все новости плохи, кроме одной: я подозреваю, что этот инглиз привез с собой изрядный запас пороха и свинца, который, возможно, продаст нам... или просто подарит. Ктознает? Вероятно, все это выяснится на меджлисе.

Все сказанное быстро перевели Лонгворту, и он почувствовал то, что чувствует человек, изо всех сил стремящийся выполнить свои намерения, но не уверенный до конца в том, что сможет это сделать.

Потом ему стало еще более неловко перед этими людьми: вечер продолжался, ему предложили участвовать в обильном застолье, и, насколько он мог разобраться в адыгских Хабза, это участие было обязательным. Но ему хотелось бы знать, когда последний раз жители этого поселка так хорошо ели: рис, кукуруза, мучные блюда под изысканными соусами, медовые сласти... Еда нравилась ему, она была просто замечательной. Как только покончили с трапезой, появился воин с кожаной сумкой для посланий в руках. Карим-бей быстро просмотрел ее содержимое, потом взглянул на Лонгворта:

- Это от твоего друга из Аденкома. Кажется, написано на твоём языке.

Лонгворт почувствовал прилив энергии, надежда оживала. События набирали темп.

- Это от Джеймса Белла. Он настаивает, чтобы я как можно скорее выезжал в Аденком. Пишет, что меджлис вот-вот соберется. Так что я должен извиниться перед вами, но мне необходимо выехать утром как можно раньше.

Карим-бею понравился энтузиазм молодого иностранца.

- Да, да, - сказал он, делая слугам знак убирать пищу со стола. - Многие из нас тоже участвуют в меджлисе. Так что рано поутру поедем все вместе.

Вскоре Лонгворта устроили на ночлег в гостевом домике рядом с жилищем Карим-бея. Он попытался заснуть, однако сытный ужин, вой собак, крики лягушек, да и его собственные надежды на завтрашний меджлис не давали ему забыться всю ночь. Его

веки едва смежились, как уже пришел слуга, приготовивший для него кувшин холодной воды и котелок с чаем. Энтузиазм Джона омрачился лишь ощущением тяжести во всем теле, да ссадинами от долгого пребывания в седле. Однако усилием воли он заставил себя сесть на коня, являя собой образец истинно английского стоицизма.

* * * * *

Казбека тоже вызвали для участия в меджлисе. Он, проведший столько баталий в Шапсугу, как никто иной хорошо знал тактику русских, поэтому вождам западных адыгов очень хотелось выслушать его советы и пожелания.

Нурсан подошла к нему, когда он готовился к отъезду:

- Эти последние месяцы, прошедшие после твоего возвращения, стали временем утешения, муж... не столько для меня, сколько для Анвара. Как жаль, что тебе снова нужно ехать...

Казбек крепко сжал ее руки.

- На этот раз не так уж надолго, - улыбнулся он, глядя на жену с почти прежней любовью. -

Я постарел и одряхлел. Мое место здесь.

Однако Нурсан не показалось, что он постарел, когда он выскочил из дома, чтобы посмотреть, как слуги навьючивают на лошадей поклажу, необходимую для путешествия.

Подошел Ежи, ведя на поводу свою лошадь. Рядом с ним стоял маленький Нахо в ловко сидящей черкеске.

Анвар остановился на ступеньках дома, на лице у него было сомнение:

- И все же я считаю, что Нахо слишком мал для такой поездки. Ему бы лучше остаться с аталиком, там он, по крайней мере, обучался бы чему-нибудь полезному. Это лучше, чем ехать в увеселительное путешествие.

Казбек рассмеялся:

- Да со мной Нахо за один месяц постигнет столько, сколько ему не осилить у аталика и за год. Я знаю, что делаю, Анвар. Не беспокойся за него. Кроме того, я еду ненадолго. После этого великого меджлиса станет ясно, чего нам ждать от будущего: всеобщей войны или шаткого мира...

Анвар по-прежнему выглядел недовольным, но так как Нахо был внуком Казбека, он не мог воспрепятствовать этой поездке. Он сам подивился своей сварливости. Наверное, слишком долго пробыл в Хапца, привык жить по-своему... К тому же, Азамат тоже сел в седло. Анвару было совсем не радостно расставаться сразу с половиной своей семьи.

- Я смотрю, ты не берешь аравийца, Казбек, - окликнул брата Азамат. - Неужто разлюбил?

Раньше Казбек оскорбился бы услышав такое, пусть даже и от родного брата. Но сейчас он был миролюбив.

- Этот жеребец нужен здесь на племя, - грубовато бросил он. - Он уже слишком стар для переходов. Нашему табуну нужна свежая кровь.

Затем он подошел к Анвару и тепло обнял его:

- Аравиец здесь еще покажет себя. А у меня есть отличный шолах, для меня в самый раз. Смотри тут за всем как следует, Анвар.

- Я делаю это всегда, - ответил тот. Замечание Казбека больно кольнуло его, и он повернулся к Азамату. - Пошли мне весточку, когда станешь князем. Я хочу, чтобы так оно и было, брат мой.

Азамат нагнулся в седле и взял Анвара за руку:

- Если стану - обещаю так и сделать. Но Анвар, почему бы тебе не приехать ко мне как-нибудь? Ты должен посмотреть Кубань, мою семью. Я буду скучать по тебе. Буду скучать по

все вам...

- Будь поосторожней. Береги себя. Не хотелось бы получить известие о том, что ты погиб в пути от казачьей пули или ножа.

Азамат криво усмехнулся. Грубоватые слова Анвара напомнили ему отца, который, бывало, таким же манером пытался скрыть сильные чувства.

Казбек был теперь старшим в семье. Он считал, что братьям не следует устраивать слишком чувствительное расставание.

- Все будет хорошо, - сказал он уверенно. Присматривай за лошадьми до моего возвращения, Анвар. Азамат поедет с нами до Лабы, а потом до самой Лаши Псина ему ничего не угрожает. В той стороне не так уж много воюют.

Анвар обнял маленького Нахо и посадил его на коня. Парнишке едва исполнилось шесть лет, но он уверенно держался в седле и размахивал своим коротким мечом, словно опытный воин.

Казбек оглянулся и увидел, как Нахо умато взял в руки поводья, изо всех сил стараясь не показывать восторга от предстоящего путешествия, воя. Казбек вспомнил, как он сам проделал путь через моря к Крымскому хану Гирею, когда был в таком же возрасте, и душа его потянулась к Нахо. У мальчика теперь не было ни отца, ни матери. Нелегко ему было покинуть родной дом без тех слов утешения, которые услышал в свое время Казбек от Цемы и которые потом долгие годы снились ему даже во сне. Нахо уже обладал свойственной одиноким детям твердостью характера, и - уввы! - возможно, это была его единственная защита.

- А ты, Нахо, поедешь рядом с дедушкой как настоящий воин, - снисходительно проговорил Анвар, держась за стремя мальчика и похлопывая его по колену. - Береги себя и возвращайся скорее домой. Мы все будем скучать по тебе.

- Спасибо, дядя, - ответил Нахо тоненьким голоском. - Я буду хорошо заботиться о дедушке.

Мужчины засмеялись, и отряд тронулся в путь.

Анвар посмотрел им вслед. Что-то тут не так: дети и польские дезертиры отправляются на меджлис, а он остается дома. Но тут его позвал из амбара Руслан и Анвар забыл о своих сомнениях. Начинался новый трудовой день.

* * * * *

Селение Абун живописно раскинулось на широкой равнине к югу от Кубани, которая гигантским полукругом огибает ее с севера на запад. За рекой тянутся бескрайние степи России. Когда-то в этих краях жили ногайские татары, но семьдесят лет назад их истребил Суворов.

На некотором расстоянии к северо-востоку от деревни виднеются очертания Большого Кавказского хребта, темного и величественного, а перед ним находится пространство, усеянное кремнистыми скалами, ущельями и теснинами, из которых потоки водопадами обрушиваются на поросшие травой луга. К юго-востоку горы теснятся ближе друг к другу, образуя тройную стену пиков.

Именно отсюда берет начало река Абун, хотя исток ее невозможно обнаружить: она пробилась себе в камне причудливый, извилистый путь, и зачастую только шум воды, доносящийся из-за утесов, свидетельствует о ее существовании. Выходя на равнину, бурный горный поток превращается в спокойную реку, дающую влагу великолепным густым лесам, покрывающим ее холмистые берега. Затем леса сменяются пастбищами и полями - их тоже щедро питает река. Это идиллическое место, словно созданное для сельской жизни, уклад которой не меняется уже не одну сотню лет.

Вернее, этот уклад не менялся до тех пор, пока главнокомандующий Паскевич не начал осуществление своего плана строительства второй «военной дороги» - охраняемого пути от

Геленджика на Черном море до Ольгинского на Кубани. Эта дорога должна была соперничать с той, что Ермолов проложил через Дарьяльское ущелье. Вторая дорога должна была обеспечить полный контроль русских войск над обстановкой на Западной Кавказе, с ее помощью горцы будут практически отрезаны от своих ресурсов.

Селение Абун - всего лишь небольшой поселок, который оказался на пути этого грандиозного и фатального плана. Проснувшись однажды утром, его жители обнаружили у самых своих домов русский воинский лагерь и бригаду казаков с обозами.

Палатки были установлены правильными рядами и обнесены изгородью из валежника, в которой через равные промежутки стояли артиллерийские орудия. Для казаков-первооткрывателей и русских семей были наскоро построены временные жилища. Те, кто поселился в них, пока всего лишь следовали за обозом, однако они намеревались соорудить здесь добротные бревенчатые дома, как только этот край будет усмирен.

Насильно переселенные сюда казачьи семьи налаживали здесь новую жизнь, полную забот. Порой можно было увидеть женщину, которая, прислонившись к шесту полотняного навеса занималась стряпней и приглядывала за загорелыми ребятами, копошащимися вокруг, в то время как глава семьи устало доставал из мешка нехитрый крестьянский инструмент, словно недоумевая, как же он попал в эту страну. Сразу же за изгородью уже виднелось несколько холмиков с крестами - свидетельство того, с какими трудностями пришлось столкнуться этим людям. Многих ждала здесь гибель, если не от пули горца, то от недоедания и болезней.

Однако вовсе не эти проблемы волновали русского генерала графа Адама Давыдова, временно поселившегося в станице. Ветеран многих европейских кампаний, недавно присланный на Кавказ, он не был доволен своей должностью. Климат казался ему ужасным, воздух кишел насекомыми, несущими лихорадку, дисциплину в войсках невозможно было поддерживать, а снабжение - просто в безобразном состоянии. Он боялся признаться себе, что все чему он научился в столичной академии, а также на полях Польши и Австрии, вряд ли могло пригодиться ему здесь. Результатом этой боязни являлось то, что Давыдов с почти маниакальной дотошностью выполнял все инструкции и предписания, от внешнего вида подчиненных до организации каждой их вылазки.

- Господа, - сухо обратился он к трем офицерам, стоящим вокруг полевого штабного стола, - у меня есть подтверждение того, что Иванович высадился на побережье в Адлере, - он указал на карте место рядом с устьем реки Мцымта.

Офицеры заинтересованно наклонились над столом.

- Это хорошая новость, господин генерал, - сказал полковник Марлинский, закаленный в боях старый солдат, лицу которого свернутая на сторону скула добавляла воинственности.

Вошел ординарец, неся графин на серебряном подносе.

- Нет, благодарю, - намеренно отказался от угощения Давыдов, надеясь, что его примеру последуют и остальные.

Однако полковник Марлинский не собирался пасовать перед одним из представителей «нового царствования»:

- А известна численность его войск? - спросил он отхлебнув коньяку.

Давыдов вынул монокль и зловеще поглядел на полковника:

- Три тысячи людей и шестнадцать орудий. Итак, господа, мне хотелось бы знать, как скоро и каким путем мы могли бы соединиться с нашими товарищами на побережье Черного моря. Прошу, ваши соображения.

Марлинский выжидал, с вызывающим видом смакуя французский коньяк и давая возможность кому-нибудь другому выказать свое рвение. Как он и ожидал, этим другим оказался молодой капитан Захарьин. Переведенный сюда за какую-то провинность из гвардейского полка, он постоянно раздражал Марлинского, ибо являлся типичным «новым идеалистом». Даже новомодный покрой его мундира, тесного, с шитьем и четырьмя пуговицами на обшлагах, заставлял полковника наполняться желчью.

- Ваше превосходительство, если позволите... Мне представляется, что пока мы не

встретили значительного сопротивления на этом маршруте. По крайней мере, оно меньше, чем мы ожидали. Если предположить, что черкесы не планируют прямых вылазок, мы можем сократить наш путь, пройдя вот здесь, - Захарьин указал на карту рукой в безукоризненной замшевой перчатке, - вот так, и на Геленджик.

Марлинский понимал, что прямой путь, предложенный Захарьиным, был самоубийственным. Сам он вовсе не собирался изображать из себя героя, словно на учениях или на параде.

- Прошу прощения, Ваше превосходительство, мы не можем принять план, подобный этому. Черкесы будут постоянно беспокоить нас по всему маршруту. Если они нападут на нас здесь, в этом узком проходе на подступах к Николаевскому форту, мы понесем большие потери. Нам следует все время находиться на равнине, где кавалерийские отряды мятежников не будут представлять опасности для напулх орудий.

Марлинский не стал говорить, что ему однажды пришлось наблюдать, как черкесы, несмотря на непрерывный артиллерийский огонь все-таки захватили русский редут. Они все шли и шли. После каждого залпа из облака дыма появлялись все новые и новые отряды, снова и снова метко стреляя из своих допотопных ружей...

Генерал задумался:

- Да, господа, это странно, но после нескольких перестрелок на этой стороне Кубани у нас не было серьезных столкновений с горцами. Что вы на это скажете?

Голос Марлинского заглушил высказывания остальных офицеров:

- Лучшая тактика: орудийный огонь и как можно меньше конных стычек. Артиллерия – вот наше преимущество.

Последним высказался поручик Головин. Его мнение совпадало с мнением Марлинского. Головин прослужил под началом полковника уже несколько лет и был убежден, что самое разумное сейчас - поддержать своего командира. Он был родом с Украины, отличался умом и суровостью, а также отсутствием склонности к показному героизму.

- Горцы великолепны в конном бою, но им не устоять против пушек, - заключил он.

Давыдов усмехнулся:

- Вы уверены, что черкесы не найдут управы на наши пушки? А что, если турки, или, вернее всего, англичане, снабдят их артиллерией? Что тогда?

Головин и Марлинский обменялись удивленными взглядами. Оказывается, Давыдов не только военная машина. Он, без сомнения, хорошо знал политическое положение, за которым Они уже не могли уследить, долгое время находясь на полях сражений.

Молодой Захарьин рискнул использовать аргумент, который, как он знал, считался затасканным:

- Как же это возможно, Ваше превосходительство? Ведь наш флот контролирует побережье?

Сначала Давыдов решил, что не стоит разрушать заблуждения офицеров. Но, как знать, может быть, почувствовав себя менее защищенными, они станут активнее? И он со снисходительным вздохом улыбнулся:

- Ах, если бы это действительно было так! В этом, друзья мои, и состоит наша слабость в нынешней кампании. Поэтому ближайшей задачей и является укрепить старые и построить новые фортификационные сооружения вдоль побережья. Необходимо отрезать мятежников от любых источников снабжения с моря.

Головин выглядел явно расстроенным, Марлинский сохранял непроницаемость. И лишь капитан Захарьин рвался в бой. Менее опытный, сейчас он больше других был полезен Давыдову.

- Только после этого мы сможем приступить к исполнению плана главнокомандующего по усмирению гор, - заключил Давыдов и сделал паузу, чтобы офицеры переварили сказанное.

В палатку быстро вошел адъютант генерала. Как и все опытные ветераны, он имел обыкновение ловко проскальзывать под входной полог сбоку: так легче было избежать

снайперской пули неприятеля, чем если бы он открыто выставился в проеме, отдавая честь.

- Ваше превосходительство, части готовы выступить. Ожидают Ваших приказаний.

- Благодарю Вас, Григорович. Сейчас отдам. Какой полк оставим для оборонительных целей? - вновь обратился он к офицерам.

Захарьин был очень не прочь убраться отсюда:

- Предлагаю третий, Ваше превосходительство, - сказал он, поглядывая на Марлинского.

- Стоит усилить его четырьмя артиллерийскими расчетами.

Марлинский еще отхлебнул коньяку. Остаться или отправляться в поход - это не имело для него большого значения. Более того, остаться, пожалуй, гораздо спокойнее. Абун - местечко мирное, а с четырьмя расчетами, да с новыми укреплениями, и подавно..

- Отлично. Отправьте донесение в штаб с подтверждением занятия нами... Как именуется эта деревня? - спросил Давыдов.

Марлинский один знал название: - Абун, Ваше превосходительство.

- Да, деревни Абун, - быстро проговорил Давыдов, исправляя мимолетную оплошность.

- Не забудьте упомянуть насчет прибытия поселенцев и укрепления оборонительных сооружений.

- Слушаюсь, Ваше превосходительство

Давыдов изучал карту. Марлинский между тем

напряженно раздумывал о том, как скорее заставить казаков и работников-ногайцев вырыть вокруг лагеря ров достаточной ширины и глубины. А затем, чтобы лучше обезопасить себя, выстроить надо ровом стену метра три высотой... «Укрепление оборонительных сооружений»... Когда основные силы покинут расположение лагеря, этот валежник не остановит даже кабана, не говоря уж о мятежниках.

- Господа, мы так и не определились. Пойдем ли мы по более безопасному маршруту, как планировали ранее, или рискнем и двинемся к Николаевскому форту через предгорья?

Давыдову никто не ответил. Такое решение мог принять только сам командир и никто кроме него. И дело здесь вовсе не в непробиваемой служебной иерархии...

- Ну хорошо, - решил, наконец, Давыдов. - Испытаем судьбу и пойдем по короткой дороге. Я хочу, чтобы войска двигались быстро. Мы должны взойти на перевал до наступления темноты.

В этот момент Марлинский был счастлив, что может сосредоточить свое внимание на том, как бы еще отхлебнуть чудесного коньяка из генеральских запасов, пока сей сосуд не разбили вдребезги где-нибудь, в багаже.

* * * * *

Караван Джона Лонгворта заметно увеличился. Его надежды тоже росли день ото дня по мере того, как все новые случайные встречные добровольно вливались в его отряд, двигавшийся к Аденкому. Георгиу тоже был в приподнятом настроении: эта обстановка напоминала ему о славных днях борьбы на его родном острове, и, как ему казалась, предвещала победу. С широкой улыбкой на лице он время от времени размахивал черкесским знаменем, как бы подчеркивая особую значимость всего происходящего. Когда он поднимался в стременах и оглядывался назад, то мог видеть, что теперь в их группе более ста человек.

Они одолели небольшой подъем, а затем приступили к окончательному спуску на плодородную равнину, ведущую к Аденкому. На секунду возглавляющие колонну Альсидабей, Ислам Гери и Лонгворт замешкались: впереди открывался замечательный вид. Среди возделанных полей виднелось несколько селений, над которыми тут и там вились струйки

сизого дыма. Затем панорама исчезла: спускаясь вниз, колонна стала погружаться в густой лес, отделяющий их от равнины.

Проехав какое-то время по лесу, черкесы вновь остановились. Лонгворт сначала не понял, почему это было сделано, и очень удивился, когда увидел, что передние всадники спешили и пали на колени, оказывая кому-то знаки уважения. Всмотревшись повнимательнее, англичанин понял, в чем дело. В центре поляны на холмике в окружении уков красовалась пирамидка, сложенная из покрытых мхом камней. Это была могила какого-то героя прошлых времен. На ветвях окружающих деревьев были заметны гирлянды высохших молитвенных символов: очевидно, это место используется для многих церемоний.

Лонгворт наклонился к Георгиу, который, хоть и успел уже перезнакомиться со многими своими спутниками, не все еще понимал в их обычаях, и объяснил ему, что к чему:

- Это надгробие на могиле одного из древних воинов-шапсугов. Они молятся за его душу...

Сто с лишним человек спешили и одновременно преклонили колена. Как всегда, Лонгворт искренне поразился тому, как эти шумные люди могут мгновенно затихнуть, предавшись мистическому состоянию духа, причем совсем ненадолго, пока предоставляется случай.

Через некоторое время все разом вскочили на коней и приготовились двигаться дальше. Внезапно появилась еще одна большая группа черкесов, которая поджидала их, чтобы встретить и проводить до Аденкома.

Ислам Гери предостерегающе положил руку на плечо Лонгворта:

- Мансур-бей... Большой начальник, важный старейшина..., - сказал он.

Впрочем, Лонгворт мог бы и сам догадаться. Его быстрый наблюдательный взгляд не мог не заметить редкостную величавость незнакомца. И это при том, что Мансур-бей отнюдь не был гигантом: он не возвышался на коне как скала, однако от него, крепко и прямо сидящего в седле, бесспорно исходил дух покоряющей властности и уверенности. Его лицо, обрамленное седой бородой, несло на себе печать вековой мудрости, руки его ловко поигрывали хлыстом и поводьями. Внимание Лонгворта привлекла, очевидно, недавно раненная левая нога Мансур-бея. Через муслиновую повязку на ней уже проступали свежие пятна крови. Эта деталь отнюдь не умаляла безукоризненности его наряда, но напротив, придавала его внешности еще больший романтизм.

Лонгворту опять пришлось приводить в порядок свои мысли, избавляться от неизменной восторженности, вновь и вновь охватывающей его при очередном замечательном воплощении воина-адыга. В памяти англичанина возник образ легендарного рыцаря - короля Артура.

Мансур-бей взглянул на Лонгворта, и мрачное выражение его лица словно говорило: «Мы здесь благодаря тебе, иноземец. Куда ты поведешь нас теперь?» Джону не часто доводилось встречать людей, обладающих даром столь красноречивого молчания.

Всадники вновь спешили. Мансур-бей сделал шаг вперед с едва заметным усилием, несмотря на свое увечье. Лонгворт быстро преодолел отделяющее их расстояние, и они обнялись.

Для черкесов это был важный момент. Общий шум затих, лишь когда Мансур-бей снова сел на коня и обратился к собравшимся:

- Братья, я приветствую всех вас. Наш меджлис начался сегодня утром, и немедленно по прибытии вы сможете к нам присоединиться.

Процессия двинулась вперед через буковую рощу, и вскоре всадники увидели селение Аденком, которое живописно раскинулось между лесом и морским побережьем. Едва гости пересекли границу поселка, как откуда-то быстро выбежал человек. Сначала Лонгворт решил, что это черкес, однако, приглядевшись, понял что перед ним европеец. У него были светлая кожа и мягкая аккуратная борода.

- Если не ошибаюсь... мистер Белл? - спросил Лонгворт с удивлением и радостью.

- О да, он самый. А Вы недурно смотрите, мой друг..., - Белл стоял, упершись руками в

пояс, на котором висела сабля. Год, проведенный на Кавказе сильно изменил его. Здесь он был счастлив, как король. Нарастил мускулов на много фунтов и обнаружил, что его английская сдержанность органично воспринимается шапсугами - это придало ему уверенности в себе, которой он не обладал раньше.

Альсида-бей и Ислам Гери были не единственными из черкесов, кто с интересом прислушивался к беседе иностранцев. Сама английская речь с ее носовыми звуками, выделяемыми гласными и перепадами интонаций была им совершенно незнакома и сейчас они впервые слышали ее в беглом разговоре.

- Боже мой, сто лет не говорил по-английски! - искренне воскликнул Белл. - Давайте-ка сюда.

Вы, конечно, уже видели Мансур-бея...

Он взял Лонгворта за руку и приготовился тотчас вести его к себе, но Мансур-бей окликнул Белла:

- Пожалуйста, не заставляй меджлис ждать долго. Приходи сам и приводи своего друга, как только он немного отдохнет с дороги...

Лонгворт очень заботился о том, чтобы произвести на горцев хорошее впечатление, к тому же он чувствовал потребность укрепить чувство уверенности в себе, пошатнувшееся было в ходе столь непривычного для него напряженного переезда. Поэтому он, несмотря на то, что очень устал и ощущал дрожь в конечностях, уверенно воскликнул:

- Хорошо, Мансур-бей! Мы скоро будем!

Это понравилось Беллу, и он ободряюще хлопнул товарища по плечу. Кавалькада проследовала дальше, а Белл повел Лонгворта к себе, чтобы тот мог привести себя в порядок, почиститься, а также чтобы обсудить с ним с глазу на глаз некоторые вопросы. За ними последовали грек Георгиу и один из шапсугов, прислуживающий Беллу, по имени Талустан.

Талустан был выше Георгиу-по крайней мере, на фут. Он весьма благожелательно отнесся к смуглому чужеземцу, хотя бы потому, что тот держал в руках знамя объединенных горских народов. Теперь он взял это знамя у Георгиу и указал ему на маленький домик.

- Ты не инглиз, - уверенно проговорил Талустан.

- Нет, я грек.

- Грек... Как Прометей, которого приковали цепями к нашим горам? - глаза Талустана дружески заблестели.

Георгиу немало удивился, услышав такое, но лишь пожал плечами, никак не показывая возниг кшее у него уважение к познаниям Талустана. Они последовали за своими хозяевами, посматривая друг на друга вроде бы безразлично, но все же изучающе. Разные облики, единый дух...

Для Белла и Лонгворта было очень важно как можно доходчивей представить меджлису политическую ситуацию и объяснить свои собственные позиции. Освежившись чистейшей горной водой, принесенной слугами по указанию Талустана, и надев новую рубашку, поданную проворным Георгиу, Джон Лонгворт устроился напротив Белла, приготовившись выслушать последние новости. Белл сидел на подушке, скрестив ноги и продолжая улыбаться, достал откуда-то бутылку дорогого коньяка. Лонгворту очень понравился лихой вид своего земляка: щегольская черкеска, ухоженная бородка, свободное владение диалектом шапсугу. Его первое впечатление о своем соотечественнике было самым благоприятным.

- Недурен, однако, - проговорил Белл, смакуя небольшими глотками коньяк, - годится для хорошего тоста. С приездом, друг мой! Добро пожаловать!

Мужчины залпом опорожнили бокалы.

Шапсуг Талустан с удивлением наблюдал за этим европейским ритуалом: горцы не прикасались к алкоголю не столько по религиозным соображениям, сколько следуя своим древним Хаб-за, призывавшим их к сдержанности. Впрочем, более всего его занимал Георгиу: нарядный костюм, турецкая сабля и аккуратные бачки - и несмотря на этот

франтоватый вид, очевидно опытный и лихой боец...

- Я рад, наконец, оказаться здесь, - ответил Лонгворт. - Это путешествие стало для меня одним долгим приключением. Порой я сильно волновался, что мы не успеем добраться сюда к началу меджлиса. Нам с Вами нужно многое обсудить Белл...

Его собеседник кивнул:

- Да, Вы едва не опоздали. Я черт знает как беспокоился, потому что знал, что уже три недели прошло, с того дня как Вы сошли на берег. Меджлис уже начался, да и война уже практически началась. Русские высадились в Адлере и им на подмогу с Кубани идут крупные силы.

Лонгворт кивнул в ответ:

- Эти слухи дошли до нас в дороге. Прежде всего хочу Вас порадовать, у меня в багаже почта для Вас, а также ящики со свинцом и порохом, отправленные Вашим братом. Его торговля на побережье продолжается вполне нормально. С другой стороны, вынужден предупредить Вас, - и это плохая новость - что наш друг, мистер Э. отозван из Стамбула министерством иностранных дел. Причем при весьма неблагоприятных перспективах для дальнейшей карьеры...

Белл просто опешил, услышав это. Его сильно беспокоила возможность ослабления поддержки их предприятия британским правительством.

- Какой-то черкес, прибывший недавно из Стамбула, говорил об этом. Я боюсь, что известия о предстоящем отъезде нашего друга могут всплыть на сегодняшнем собрании, - добавил Лонгворт.

- Понимаю, - Белл сделал паузу, стараясь не думать о том, что произойдет, если они потеряют доверие адыгов. - Вы знаете имя этого черкеса?

У Лонгворта были трудности с запоминанием черкесских имен. Он напряженно нахмурился, но тут Георгиу пришел ему на помощь:

- Его звали... Ногай Исмаил. Да, именно так.

- Ногай Исмаил... Ты знаешь его, Талустан? - спросил Белл.

Талустан кивнул:

- Да, знаю. Ногай Исмаил приехал лишь вчера. Привез какие-то бумаги из Стамбула и должен выступать на меджлисе.

Белл и Лонгворт молчали. Шпионаж и контршпионаж, ложные обвинения и вероломство - все это было привычным в их деле. Но самым скверным было то, что срыв произошел в такой критический момент. Белл покачал головой:

- Да, эта история с мистером Э. совсем невеселая. Нам еще придется разбираться с этим. Но прежде всего, скажите, есть ли какие-нибудь надежды на материальную помощь от правительства Ее Величества?

Лонгворт состроил гримасу:

- Боюсь, что ничего конкретного. Лорд Понсоби и либералы расточают обещания. Единственное, что может сделать эти обещания реальностью, это если Дэвид, вернувшись в Лондон, сумеет изменить обстановку в нашу пользу. Поживем - увидим.

Белл снова наполнил бокалы и нахмурился. Все эти дипломатические выверты приводили его в бешенство. Ему хотелось определенности: если не заключения союза, то хотя бы свободы действий в торговле с этими людьми. Бидит Бог, они заслуживали лучшей доли...

- Ну ладно, Лонгворт, позже мы поговорим об этом подробнее. А сейчас надо идти на меджлис.

Лонгворт поднялся:

- Я рад, что я здесь, Белл. И рад, что познакомился с Вами.

Мужчины еще раз пожали друг другу руки. Алкоголь немного расслабил их. Они оба поставили судьбу своей личной карьеры в зависимость от исхода этой войны, и оба чувствовали, что происходящее гораздо значительнее, чем может показаться на первый взгляд. Сейчас им приходилось заниматься той самой мировой политикой, которая всегда

воспринималась ими как нечто отвлеченное, теоретическое. Здесь, на Кавказе, они почти в одиночку старались расшевелить целый народ, не имея при этом никакой ясности насчет намерений своего собственного правительства. Тем не менее, они не превратились в равнодушных наблюдателей, сугубых профессионалов, преследующих лишь собственные цели. Лонгворт, следуя за Беллом, с удовольствием наблюдал за его пружинящей походкой и ровной спиной и чувствовал, что судьба впервые свела его с англичанином его класса, образованным, благородного происхождения, но отдающего всего себя делу чужого народа. Это дело захватило его полностью, хотя Лонгворт и не имел ни малейшего представления, чем все это может кончиться для каждого из них.

* * * * *

Генерал Давыдов ехал впереди колонны, следующей по гористой местности. Поручик Головин, капитаны Захарьин и Григорович следовали за ним. Как обычно, впереди колонны и по обе стороны ее находились дозорные, хотя их и было меньше, чем хотелось бы Давыдову: полк Марлинского остался в поселке Абун для защиты поселенцев на период постройки укреплений.

Давыдов приостановился, увидев, что к нему скачет разведчик из передового отряда с донесением.

- Ну что, не пахнет ли там черкесами? - нетерпеливо выпалил он.

Ему не хотелось показывать собственную взвинченность, однако генерал уже не мог сдерживаться: тяжелая дорога сильно измотала его. Они выехали еще до рассвета. Лес хранил зловещее молчание. От каждой хрустнувшей ветки сердце уходило в пятки. Как-то один из стрелков начал насвистывать, и это привело Давыдова в ярость: нельзя было ничем выдавать свое присутствие. Генерал отдал приказ по колонне сохранять полную тишину, хотя понимал, что так дорога кажется людям длиннее.

- Никак нет, Ваше превосходительство, - ответил казак. - Перевал чист до самого Николаевского форта.

И все-таки Давыдов чувствовал беспокойство. Нечасто русским войскам удавалось совершать столь длинные переходы без малейшего сопротивления. Он был склонен думать, что противник затаился, поджидая их в удобном для себя месте.

- Ты уверен в этом, братец? Может быть, они где-то спрячутся и ты их просто не заметил? Разведчик обиженно взглянул на него:

- Разрешите доложить, Ваше превосходительство, в этом ущелье с двух сторон отвесные скалы, отсюда и до самого форта. Там козе негде ступить, не говоря уж о человеке или лошади. Я дважды проехал по этой дороге. Там никого нет.

Казак нетерпеливо крутился на лошади. Чем дальше они промешкают, тем хуже. Следовало проскочить через ущелье как можно быстрее. Горцы, это наглое отродье, предпочитали не воевать до того, как разгорится день. Но солнце поднималось все выше, а приказа от генерала все не было...

Давыдов взглянул на Захарьина, нетерпеливого, как игривый щенок, на Головина, мрачного от расставания со своим старшим товарищем, на Григоровича, который всегда делал то, что велит:

- Что вы думаете об этом, господа? Не могли же они раствориться в воздухе. Мы в самом центре черкесской территории.

Первым заговорил Головин:

- Обстоятельства весьма необычные. Налицо все признаки засады. Нам предстоит проехать по ущелью, где колонна не сможет построиться по четыре в ряд.., - он повернулся к разведчику. - Поезжай еще раз. Смотри там как следует! Чтоб никаких сюрпризов, не то я

шкуру с тебя спущу!

Казак с напускной театральностью выразил почтение юному отпрыску славного рода:

- Слушаюсь, Ваше благородие! - лихо бросил он, заломил шапку и пустился вскачь.

Колонна двинулась вперед. Тишину нарушало лишь позвякивание оружия да скрежет тяжелой артиллерии, которую волокли по камню. Но все равно, на каждый звук грохотом отзывалось оглушительное эхо, метавшееся где-то меж отвесных стен ущелья. Здесь было очень влажно: на утесах в изобилии росли папоротники и орхидеи, от лошадей шел пар, когда они вставали на дыбы, измученные Каменистой горной дорогой. Люди изо всех сил старались смотреть вверх, смертельно боясь, что где-нибудь на головокружительном уступе вдруг сверкнет пара горящих глаз или тускло блеснет ружейный выстрел. Им понадобилось более часа, чтобы пройти через ущелье. Они вышли с другой стороны и вновь окунулись в океан теплого сухого воздуха, с облегчением расправляя плечи.

Давыдов отдыхал, привалившись к дереву на маленьком холме. Сняв перчатки, он отгонял ими комаров, вившихся в тени огромного бука. Григорович по его приказанию достал из дорожной сумки и расстелил на траве армейские карты.

- Весьма, весьма странно. Что же они замышляют? Пока это самый легкий поход в моей жизни... - бормотал генерал, разговаривая сам с собой и изучая местность, находящуюся впереди. Он не был привычен к этим местам, но был хорошим солдатом, и опыт подсказывал ему, что столь приветливая улыбка удачи подарена ему неспроста.

Захарьина охватило вдохновение. В нем проснулся поэт: теперь переход через ущелье представлялся ему вызовом смерти и торжеством жизни. Яркие краски, пышная растительность и особенно великолепные причудливые цветы - все это замечательным образом соответствовало его представлению о Кавказе. Все ранее прочитанное об этой стране обещало самые сильные, незабываемые впечатления: от природы, от войны, от боевой дружбы и романтических приключений. И вот мечты, навеянные книгами, сбылись, всех радостей ему досталось в полной мере...

- Они отведали огня наших пушек и решили избегать прямых столкновений, - убежденно проговорил он. - Так я полагаю.

Захарьин не признался, что когда он сам впервые увидел действие огня этих пушек, его стошнило. Страшные видения растерзанных человеческих тел постоянно преследовали его, и ему даже пришлось в течение нескольких недель принимать на ночь настойку опия.

Давыдов вытер пот с внутренней стороны своей украшенной галуном фуражки и надел ее, надвинув козырек на глаза, чтобы защитить их от солнца, припекавшего все сильнее.

- Господа, ясно одно, - проговорил он, - если горцы собирались устроить нам засаду, то уже упустили свой шанс. Там, позади.

Головин решил высказаться:

- Ваше превосходительство, - сказал он, изо всех сил стараясь быть как можно убедительнее, - если и дальше дело пойдет столь же мирно и спокойно, мы могли бы проследовать к побережью на Адлер, сделав в Николаевском форте лишь короткую остановку, только чтобы пополнить запасы продовольствия.

Давыдову было приятно, что Головин принимает участие в разговоре и, похоже, освободился от губительного влияния Марлинского. Генерал лично знал дядю Головина еще со времен польских кампаний, и ему не хотелось бы, чтобы этот молодой человек оказался вне почетного реестра членов своей замечательной династии.

- Именно это я и хотел вам предложить, - проговорил Давыдов со скупой улыбкой одобрения в адрес Головина. - Будем двигаться дальше. Постараемся добраться до крепости к наступлению темноты.

Давыдов сложил карты и отдал их Григоровичу.

Колонна, прикрытая боковыми дозорами, двинулась вперед - все быстрее, все увереннее. Теперь солдаты смогли перестроиться по четыре в ряд, и ломать голову, почему им так повезло.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Наблюдая, как представители черкесских кланов собираются на меджлис, Джон Лонгворт радовался замечательной возможности испытать свои способности в области литературы. Сидя под раскидистым тенистым деревом, он делал заметки и краткие наброски на будущее, для более внушительных мемуаров, которые он напишет дома.

Съезд должен был проходить на зеленой лужайке у поселка Аденком. Здесь на живописном лугу, тянущемся примерно с полверсты вдоль берега реки, пышные кроны деревьев нависали над зарослями камыша, стебли которого достигали иногда высоты в сажень. Здесь было пристанище бесчисленной дичи и хорошее укрытие для воинов," совершавших весной и летом набеги на станицы, лежащие к северу от реки.

Однако сейчас здесь происходили мирные события - на лугу собрались лучшие из благородных джигитов, прибывшие на меджлис. Разбитый ими лагерь едва умещался на нем. Круглые островерхие шатры были украшены яркими знаменами знатных родов. Перед этими сарацинскими, в глазах европейца, жилищами, пестрели роскошные навесы и подушки. Слуги участников меджлиса хлопотали вокруг шатров,нося воду, ухаживая за лошадьми и начищая оружие.

На краю луга молодые прислужники знатных воинов и юноши, сопровождающие старейшин, развлекались борьбой, скачками и джигитовкой. С напускной небрежностью они показывали редкостное мастерство. В тени гигантских дубов было устроено состязание в стрельбе из лука. С течением времени азарт участников все более и более разгорался.

На противоположном конце луга поджаривались ножки ягнят, готовились мучные блюда и аппетитные соусы.

Вот-вот должно было начаться утреннее заседание. Лонгворт услышал звуки рога - знак тем, кто еще не подошел к назначенному месту. Он быстро собрал свои бумаги и поспешил к великолепной поляне посреди гигантских дубов, очищенной от валежника. На нижних ветвях деревьев были развешаны кама и огромные черкесские мечи, рядом находились привязанные лошади в красивой сбруе. Лонгворт с облегчением обнаружил, что хотя все присутствующие старейшины во время обсуждения должны были сидеть на обыкновенных циновках, для него самого был приготовлен европейский походный стул на трех ножках, на который его вежливо пригласили присесть и вести записи по ходу событий.

Собравшихся было так много, что некоторые из них взобрались на деревья, откуда им было лучше видно и слышно происходящее, или сидели верхом на конях за спинами тех, кто расположился на земле.

Основных участников было около двадцати - они представляли все кланы западных адыгов. Джеймс Белл рассказывал Лонгворту о тех, кого он знал, либо переводил то, что шепотом говорили собравшиеся друг о друге. Здесь находился хаджи Даниль, которого все знали, как друга и соратника Великого Казбека - он представлял племя шапсугов; Карим-бей приехал от абазахов, Альсида-бей - от бжедугов. Напротив, в окружении" своих советников, сидел Мансур-бей, который и открыл меджлис. Среди прочих приветственных слов он сказал:

- Сегодня мы приветствуем находящихся среди нас двух английских джентльменов, друзей Дауд-бея, друзей черкесов. Надеюсь, они сообщат нам новости о планах своего правительства в отношении срочной помощи для нас...

Мансур-бей склонился к Беллу в знак уважения:

- Афанди Белл, не могли бы Вы попросить Вашего друга сообщить нам то, что ему известно - мы все с нетерпением ждем этого.

Хотя Джеймс Белл уже довольно сносно говорил по-черкесски, но взволнованный торжественностью происходящего, в этот раз он несколько запинаясь:

- Да, Мансур-бей. Если Вам будет угодно... Мой друг говорит только по-английски. Я и Ис лам Гери... Мы будем переводить, хорошо?

Мансур-бей любезно улыбнулся. Белл обменялся взглядом с Джоном Лонгвортом:

- Говорите. Только помедленнее, чтобы мы успевали Вас переводить. И не вставайте.

Джона Лонгворта прошиб пот. Однако он быстро успокоился, когда понял, что в устах одетого в великолепную, шитую золотом черкеску Ислам Гери, его смущенное неразборчивое бормотание становится плавным потоком незнакомой, но прекрасной черкесской речи, лишенной шипящих и свистящих звуков.

- Господа! Уважаемые старейшины черкесских племен! Для меня большая честь быть сегодня с вами и принести вам добрую весть... Как вы знаете, я и мой друг мистер Белл не являемся официальными представителями нашего правительства. Поэтому мы можем говорить с вами только как частные лица...

Здесь Лонгворт посмотрел Мансур-бею прямо в глаза: ему хотелось быть полностью уверенным в том, что этот человек сознает степень личной ответственности и, в то же время, представляет себе секретность будущей операции.

- Действия Дэвида Эркорта, которого вы на зываете Дауд-беем, а также наше скромное участие направлены на то, чтобы постепенно убедить британское правительство напрямую заняться вашим вопросом, - сейчас он не мог говорить яснее.

Лицо Мансур-бея ничего не выражало. Однако старик медленно и задумчиво поменял положение - теперь он сидел, опираясь локтем на колено и перебирая четки свободной кистью руки. Его поза, казалось, воплощала спокойную расслабленность, но это не могло обмануть Лонгворта. Когда Мансур-бей пересаживался, англичанин обратил внимание на его хромоту. Она казалась сломанной, и сегодня была перебинтована иначе, чем вчера. То, что этому человеку удавалось выглядеть совершенно хладнокровным несмотря на несомненно мучившую его боль, говорило о силе его характера.

Лонгворт перешел к самой существенной части своей речи:

- Вы, несомненно, слышали о шхуне «Виксен»- британском судне, которое доставило к вашему побережью оружие и другие необходимые припасы. Его зафрахтовал присутствующий здесь мистер Белл. Вы слышали также, что в прошлом году, когда «Виксен» пыталось прорвать блокаду, оно было перехвачено русским флотом, который претендует на господство в прибрежных водах. Так вот. Этим сейчас занимается британское правительство, и есть все основания надеяться, что дело шхуны «Виксен» приведет к снятию русскими морской блокады и к признанию независимости вашей страны британским правительством.

Когда слова Лонгворта были переведены на язык адыгов, ответом им послужил одобрителный ропот собравшихся, продолжавшийся, однако, недолго. Один из них, представляющий шапсугов, поднялся, чтобы выразить мнение большинства. Это был высокий, худощавый человек с мускулистым, напряженным как струна, телом. Голос его был неожиданно низок, а удлиненное лицо напоминало лик древнегреческой статуи. Он гордо произнес свое имя - Шамиз-бей.

- Наш английский брат говорит хорошо, но туманно, - сказал он, - мы окружены постоянной опасностью, а надежда на помощь очень слаба, неясна и далека. Мансур-бей, пожалуйста, попросите нашего гостя высказаться более определенно. Не стоит говорить нам красивые слова. Мы хотели бы услышать правду, какой бы она ни была.

От себя Мансур-бей добавил еще несколько слов. Он обращался непосредственно к Лонгворту и Беллу, у которых пот градом бежал по спине: нелегко быть представителями страны, равно прославившейся как вероломством, так и честностью.

- Со дня приезда сюда Дауд-бея, вашего великого соотечественника, все свои надежды мы возлагаем на Англию. Три года протекло. Три года лишений и кровопролития, но мы все лелеяли эти надежды в наших сердцах...

Из рядов слушавших раздались сердитые голоса. Мансур-бей поднял руку, требуя тишины:

- Это верно, что Дауд-бей ничего не обещал определенно... однако он воодушевил нас своей верой в успех. Уезжая, он взял с собой послание, подписанное главами всех адыгских кланов. Там были перечислены все беды и надежды наших народов. Эта бумага предназначалась для английского короля, ее должны были положить к подножью его трона...

После этих слов наступила полная тишина. Лонгворту стало ужасно стыдно за трусость своего правительства. Но ведь черкесы ничего не знают о столкновении интересов при британском дворе и в парламенте, и, наверное, не поймут, если даже попытаться им объяснить...

- Мы пережили много бед и знаем, что и в дальнейшем нам не избежать их. Но мы все еще ожидаем помощи, все еще надеемся ее получить, - Мансур-бей говорил прямо, не прибегая к изысканным оборотам дипломатического языка. После того, как Лонгворт перевел его слова, он посмотрел ему прямо в глаза, как будто стараясь заглянуть в душу иностранца.

Лонгворт понимал, что черкес хотел получить ясный ответ на главный вопрос: собирается Британия остановить русскую экспансию на юг? Или нет? В конце концов, Дауд-бей так и не опубликовал в своем «Портфолио» Декларацию независимости кавказских народов, не появилась там и карта, изображающая Кавказ как самостоятельное государство. Учреждение в английских торговых портах неких «черкесских комитетов», занимающихся сбором средств и посылкой книг этим страдающим горцам, не имело ничего общего с тем, чего они ждали. Для них Кавказ был домом, который надо было защищать, а для английского правительства являлся лишь одной из сцен в куда более масштабном спектакле: борьбе с Россией за сферы влияния в Азии.

Мансур-бей явно не собирался позволить Лонгварту отделаться общими фразами:

- Мы были откровенны с тобой. Просим тебя, столь же честно и искренне растолкуй, - чего нам следует ждать. Укажи день - неважно как скоро он наступит, когда мы могли бы надеяться на реальную помощь от твоей страны, день когда мы сможем, наконец, спокойно пасти стада, когда нашим домам не будут грозить пожары, а детям - смерть!

Лонгворт бросил отчаянный взгляд на высокие, статные фигуры людей, ждущих от него чуда. Могло показаться, что они молятся: в скрещенных руках они держали хлысты, опущенные вниз, их головы были слегка наклонены вперед в суровой сосредоточенности.

- Во имя любви к Аллаху! - резко воскликнул Мансур-бей. - Только не обманывай нас. Скажи правду, какой бы она ни была!

Внезапно Джон Лонгворт ощутил страстное желание открыть Мансур-бею жестокую правду и предупредить, что не следует рассчитывать на Британию, и что единственное, что им остается - надеяться на собственные силы. Но едва он встал, чтобы заговорить, Джеймс Белл сделал упреждающий жест и быстро вскочил на ноги. Голос у него слегка дрожал, но никто из слушателей не усомнился в его искренности:

- Когда я при поддержке Дауд-бея собирался ехать сюда, к вам в горы, мной двигало чистое любопытство и желание получить личную выгоду... ведь я негодичант! - он говорил быстро, так быстро, что Талустан не успевал переводить, и в волнении дергал его за черкеску.

Белл набрал воздуха в грудь и продолжил уже спокойнее:

- С тех пор, как я вступил на вашу чудесную землю, и испытал на себе щедрость и доброту вашего народа, с тех пор, как увидел отвагу ваших парней и начал сознавать всю отчаянность вашего положения - с тех самых пор я понял правоту вашего дела и ваше искреннее стремление к свободе. Это так близко нам, англичанам.

Лонгварту оставалось лишь энергично кивать в такт этим словам. Сердце у него бешено колотилось - отчасти из симпатии к откровениям Белла, отчасти же из-за мысли о том, что они зашли слишком далеко и теперь неизвестно, чем все это кончится.

- Я не хочу вселять в вас несбыточных надежд или давать бессмысленные обещания, - продолжал Белл. - Искренне надеюсь, что оправдаются наши общие надежды, и что моя,

страна направит сюда необходимое вам оружие и припасы, а также установит дипломатические и торговые отношения со свободной Черкесией...

Послышались одобрительные возгласы.

- Я верю, что так оно и будет, - продолжал Белл, распаяясь все сильнее, - и останусь здесь, в горах, до тех пор, пока эти надежды не осуществляются. Я буду сражаться вместе с вами плечом к плечу.

Волна одобрения усилилась.

- Кроме того, - заявил Белл, - я передаю вам в дар все принадлежащие мне запасы свинца и пороха, которые мой товарищ привез на продажу! .

Между тем, Мансур-бей выглядел все более утомленным и измученным. Его лицо стало серым - сказывалось бремя власти, да и рана давала себя знать. Лонгворт заметил, что он не принимает участия во всеобщем ликовании, вызванном речью Балла. Не хотелось радоваться и ему, в то время как он слушал ответную речь Мансур-бея.

- Мы благодарим тебя, брат, за подарки. Однако не в наших обычаях подвергать опасности жизнь гостей, позволяя им участвовать в сражениях. Мы сами обязаны защищать своих гостей. Таковы наши Хабза. Мы воюем с русскими уже не один десяток лет и будем воевать еще столько же, даже если Британия станет нашим другом. Мы уже потеряли многих отважных бойцов, но, как видишь, есть еще много других, способных встать на место павших.

Особенное волнение охватило Лонгворта, когда молодые воины в знак клятвы стали один за другим касаться своих кинжалов, висящих у пояса. Молодые воины-адыги были бесстрашны, фанатичны и безнадежно безрассудны.

Тем временем Мансур-бей продолжал:

- Хуже всего то, что наши винтовки бесполезны, если нет пороха. Но пока у нас есть сабли, мы никогда не сдадимся гяурам!

Лонгворт не стал ничего добавлять к тому, что сказал его товарищ, и он сидел молчаливый и уставший, в то время как вокруг бушевал ураган радости. У каждого возникло желание поговорить, обсудить произошедшие перемены. Со всех сторон стоял гул голосов. Однако Лонгворт заметил, что некоторые из участников меджлиса бросают на них с Беллом сердитые взгляды. Значит, хотя бы некоторые из них все же поняли: широкие жесты - еще не официальная политика. А свинца и пороха, привезенных Лонгвортом, может хватить отсилы на неделю боев.

- Да, вам безусловно удалось воодушевить со брание, - заметил он сухо Беллу, сидевшему рядом, поджав под себя ноги, и с удовольствием наблю дающему за результатами своего красноречия.

Впрочем, постепенно то здесь, то там возникали яростные споры, сталкивались мнения. Образовывались отдельные группки. Единое собрание распадалось, разваливалось, погружаясь в пучину словесных баталий.

Мансур-бей слегка постукивал четками по руке. Лонгворт понял, что ему хочется поскорее спровадить отсюда англичан. Ему было неясно только, почему Мансур-бей и другие старейшины допускают такую перепалку в ходе официального собрания, однако Белл, кажется, считал эту ситуацию вполне нормальной.

- Пойдемте, друг мой. Лучше предоставить их самим себе..., - бодро проговорил Белл, очевидно, очень довольный своим выступлением.

Он повел Лонгворта прочь, похлопывая по плечу:

Мне нужно с Вами поговорить. Давайте прогуляемся до вон того холма, годится? Поможете мне привести ысли в порядок.

Белл так бодро направился вперед, так что Лонгворту пришлось весьма энергично поработать ногами, чтобы не отстать. Они не разговаривали, пока не добрались, наконец, до вершины холма. Там они растянулись на траве в тени огромного дуба.

- Вам довелось воевать вместе с ними, Белл - и каковы впечатления? У них есть субординация, дисциплина, подобная той, что существует в регулярной армии? - в сущности

же Лонгворт хотел спросить совсем о другом: есть ли у них шансы на успех?

Белл грубо захохотал. События этого утра заметно разрядили то напряжение, в котором он жил последнее время:

- Вы спрашиваете как раз о том, чего у черкесов нет и никогда не было. На поле брани у них нет ни дисциплины, ни единства. Субординация же, в том смысле, в каком мы ее понимаем, у них просто отсутствует. Они выведут из себя любого начальника или командира советами, что ему надо делать и как поступать, чтобы не нарушить Хабза. Сначала я принял это за дух свободной демократии, достойный восхищения, но теперь начинаю думать иначе.

Он замолчал, думая, видимо, о событиях последних недель.

- Что мы здесь делаем, Белл? Я вдруг почувствовал себя довольно неловко, - изрек Лонгворт.

Белл подскочил, ухватившись за траву, да так резко, нетерпеливо, что с корнем выдрал два пучка. Он казался Лонгворту молодым и задорным, и в то же время упрямым и несговорчивым.

- Что меня больше всего поражает, - воскликнул Белл, - это мелочный эгоизм, раздирающий их - что поразительно! - даже сейчас, перед лицом серьезных испытаний. Они теперь будут болтать, спорить между собой днями, даже неделями, в то время, как русские войска пядь за пядью отнимают их земли. Извините. Сейчас я мало похож на оптимиста, но вы - первый человек, кому я поведал о своих разочарованиях.

Какое-то время Белл сидел молча, издали наблюдая за продолжающимся меджлисом.

- Ну вот, посмотрите-ка, - вдруг сказал Белл и горько рассмеялся.

Джон Лонгворт перевернулся на живот и оперся на локоть. Возвышенность, на которой они находились, была очень удобна для наблюдения: с этой точки меджлис выглядел как картинка из приключенческого романа для подростков, как полотно художника, изображающего, средневековье, крестовый поход. Живописные фигурки беспорядочно двигались туда-сюда, солнечные блики отражались от сабель. То и дело мелькали разноцветные одеяния: всякий оратор, собирающийся сделать «историческое» заявление для пущей важности отбрасывал назад полы своего плаща. Какой-то незнакомец обращался к толпе, однако, по всей видимости, изъяснялся очень невнятно или прибегал к доводам, встречаемым не слишком благосклонно. Один за другим старейшины поднимались и отходили от этого человека, продолжавшего разглагольствовать. Старики тем временем образовали уже новые группки и начали все сначала.

- Это смелый народ! - патетически воскликнул Белл. - Вы не найдете людей отважней и честнее, чем они. Но если кто-то из них вдруг окажется способнее других, они начинают изводить его злыми придирками.

Лонгворт очень удивился:

А как же все эти вожди - Мансур-бей, Карим-бей и другие, которых я еще не знаю? Белл снова опрокинулся на спину и уставился в небо.

- Во всякой другой стране эти люди были бы первыми лицами: князьями, царями, которые умеют заставить подчиняться себе. Но только не здесь. Здесь у каждого вождя по одному стороннику и по пять недоброжелателей. Они, по существу, бессильны... Самостоятельно они не в состоянии принимать никаких важных решений, - он указал огрубевшей рукой вниз, на продолжающийся меджлис. - Им приходится проводить такие встречи каждый раз, когда нужно выступить в поход, принять важное политическое решение или посоветоваться с другими вождями. Это не только бессмысленно, это просто разрушительно, губительно для их дела...

Лонгворт был огорчен. Такой материал не годится для читателей «Тайме», он способен свести на нет все надежды на официальное признание законности борьбы этих людей.

- Пока я не могу предложить ничего нового, - удрученно сказал он. - Эркарт заверил меня, что ситуация здесь тяжелая, но поддающаяся контролю. Быть может, нам выпало сыграть

здесь свою роль: научить их организации, объяснить все выгоды и преимущества, которые дает на войне жесткая дисциплина...

Белл посмотрел на собеседника с сомнением:

- В некоторых племенах и сейчас живут искушенные в военном деле дезертиры из русской армии. Особенно много поляков. Я встречался со многими из них. Они не меньше горцев ненавидят захватчиков, однако, ничего не могут сделать. Невозможно заставить черкесов воевать в соответствии с правилами современной войны. Уверен, что постепенно поляки исчезнут отсюда.

- Но ведь в Индии местные племенные формирования успешно действовали против наших войск! - возразил Лонгворт.

- Да, но там они не разбежались после каждого сражения, не так ли? Не то в следующий раз, когда могла понадобится их сила, им тоже пришлось бы собирать подобный «меджлис», чтобы на что-то решиться!

Однако Лонгворт не сдавался:

- Нет ничего невозможного. Война против регулярной армий может, наконец, заставить их сформировать какое-то подобие командования, объединить все племена ради спасения родины. В конце концов, это происходит сейчас в Дагестане у Шамиля. А почему бы здесь не случиться тому же?

Белл уже собрался возразить, пуститься в дискуссию об особенностях Хабза племен, населяющих восточную и западную части Кавказа, но тут к нему подошел Талустан и начал что-то быстро говорить по-черкесски.

- Что там такое? - поинтересовался Лонгворт.

- Пойдемте назад, по дороге расскажу, - ответил Белл, и мужчины стали поспешно спускаться с холма.

- Ногай Исмаил восстанавливает старейшин против нас и выдвигает серьезные обвинения против Дэвида Эркорта, - сказал Белл, когда они уже преодолели значительную часть пути.

- Ого! - встрепнулся Лонгворт. - А именно?

Суть в том, что он утверждает, будто Эркорта отозвали в Англию вследствие того, что были раскрыты его тайные связи с русскими. Ну и мы с Вами, конечно, предстаем как агенты гяуров...

- Но я думал..., - в отчаянии Лонгворт дернул Талустана за рукав и попытался заговорить по-черкесски. - Исмаил... не читать письмо от Сафар-бей? Письмо... Стамбул?

Ни за что на свете он не мог бы объяснить по-черкесски, что такое «рекомендация» или «рекомендательное письмо». К счастью, Талустан был догадлив.

- Письмо Сафар-бея у него, но его еще не читали. Прочитают позже, при всех, - Талустан говорил медленно, чтобы Лонгворт смог его понять.

Белл остановился, переводя дыхание. Ему явно пришла в голову какая-то мысль:

- Талустан, беги вперед и скажи Мансур-бею, что мы идем... что мы будем защищать себя перед собранием. Иди и скажи так... быстро!

Затем он повернулся к Лонгворту:

- Будет лучше, если мы придем сами, предупредив Мансур-бея о наших намерениях.

Лонгворт обхватил руками голову:

- Ничего не понимаю...

- Послушайте, - быстро и деловито заговорил Белл. - Этот человек сеет семена подозрительности в отношении нас. С подобными трудностями мне уже приходилось сталкиваться, но никогда такого не происходило прямо на большом меджлисе, как сегодня. Я не хочу, чтобы вся моя работа, все завоеванное мною за год, рухнуло в одночасье! Да и кроме того, это слишком опасно. ..

Он смахнул пот со лба, в полной мере ощущая зыбкость сложившейся ситуации, и продолжил быстрые размышления:

- Ведь отзыв Дэвида Эркорта в Лондон и в самом деле не предвещает ничего хорошего, Лонгворт. Его могут отстранить от службы в министерстве иностранных дел, хотя я всегда думал, что лорд Понсоби целиком на нашей стороне в черкесском вопросе...

У них было слишком мало времени. Меджлис ждал их. Лонгворт также лихорадочно пытался найти какой-нибудь выход:

- Да, верно, они не смогли простить ему то, что он начал действовать по собственному усмотрению. Я знаю, что случай с «Викеем» вызвал бурю в Англии. Нынешнее пребывание Дэвида в Лондоне, возможно, приведет к тому, что вопрос о «Викеем» будет серьезно обсужден в парламенте...

- Прекрасно... Хотя бы ради этого стоит постараться ...

Мужчины быстро шли вперед. Лонгворт снова взял Белла за руку:

- Вы здесь немало наобещали, Белл. Конечно, никто не сможет заставить Вас в точности все исполнить...

- Сколько времени Вы собираетесь оставаться здесь? - вместо ответа спросил Белл. - Мне хотелось бы знать... ну, для себя. Надеюсь, Вы понимаете меня...

Лонгворт посмотрел на оживленное, пылающее лицо своего соотечественника. Его влажные от пота рыжеватые волосы были гладко зачесаны назад. Если уж этот юноша так стойко держится и не сдается, то он Джон Лонгворт, просто из принципа готов полностью посвятить себя благородному делу.

- Я намерен поступить именно так, как сказал. Останусь здесь до тех пор, пока мы не увидим положительного результата. Дэвид уверил меня, что он сможет добиться солидной поддержки в парламенте. Мы сможем многое здесь сделать, особенно если Палмерстон проявит настойчивость и уговорит Турцию начать войну. В этом случае мы окажемся на передовой линии боевых действий объединенных сил против России, - глаза Лонгворта блеснули, говорил он быстро, запальчиво, но тем не менее, разборчиво.

- Тогда наши связи и наш опыт могут оказаться здесь просто бесценными. Кто знает, может быть, это дело позволит Вам получить личные торговые льготы, а мне - материал для кучи рассказов... Белл горячо поддержал его:

- Отсюда много чего можно вывозить. А сколько английских товаров можно сюда импортировать...

Тут они увидели, что в их сторону галопом скачет Ислам Гери, причем его вид являл такое сочетание стремительности и спокойного достоинства одновременно, что Джон Лонгворт завистливо ухмыльнулся, понимая, что ему никогда не достичь таких вершин наезднического искусства.

- Не волнуйтесь, братья, - сказал он, подехав к ним и кладя руку Беллу на плечо. - Ногай Исмаил разносил трижды перевранные сплетни, да еще прибавлял кое-что для красоты от себя. Послание от Сафар-бея полностью доказывает это. Он очень хорошо отзывается о вас обоих и рекомендует меджлису прислушаться к вам. Мансур-бей послал меня, чтобы успокоить вас - все в порядке. Вы можете возвращаться в дом для гостей...

Белл облегченно перевел дух.

- Ну и прекрасно, прекрасно, Ислам Гери. Мы возвращаемся...

Ислам Гери взмахнул рукой на прощанье и галопом поскакал прочь. При этом он поразительно напоминал королевского конюшего времен средневековья, которым он, в сущности, и являлся...

* * * * *

Белл и Лонгворт плохо спали в эту ночь. Они почувствовали облегчение, когда горцы, наконец, приняли их, и потому с особым удовольствием участвовали в пире, который был устроен вечером. Лонгворт и Ислам Гери завязали оживленное, хотя и не слишком

профессиональное обсуждение различных способов ведения войны: Лонгворт когда-то преподавал историю, и ему удалось увлечь Ислама Гери рассказами о наполеоновских сражениях, планы которых великий полководец разрабатывал при свете походных костров. Смесь из жестов, мимики, черкесских и татарских слов, подсказанных Георгию, привела Ислама Гери в восторг. Затем они перешли к обсуждению способов артиллерийской стрельбы, с чем Георгию был знаком не понаслышке. Он же, в свою очередь, сообщил присутствующим массу полезных сведений об особенностях сражений в горах. Беседа закончилась далеко за полночь.

На следующий день Лонгворт проснулся рано - его разбудил муэдзин, сзывающий мусульман на молитву. Утро в горах представляло собой еще одну незабываемую идиллию. От воды поднимался легкий туман, женщины вели на пастбища только что подоенных коров, стайка детей весело носилась буквально под ногами черкесских лошадей, стоящих в импровизированных загонах. Джон заметил, что несмотря на озорство, малыши, тем не менее, были готовы в любую минуту выполнить распоряжения взрослых.

Лонгворт искупался и весьма приятно провел этот утренний час, развалившись на подушках под ранними солнечными лучами и записывая увиденное. Он даже пожалел, что у него нет с собой дагерротипа, но затем вспомнил, что его все равно нельзя использовать в этих условиях.

После завтрака к нему присоединился Белл, и оба англичанина пораньше заняли свои места: сегодняшние решения меджлиса должны были стать определяющими и для их будущего.

Когда все расселись, Мансур-бей открыл сумку с документами, лежащую у него на коленях. Документы были написаны по-турецки, но этот дипломат мирового класса, каковым со вчерашнего дня считал его Лонгворт, прочел их, одновременно переводя на черкесский. Лонгворт почувствовал, как у него учащается пульс, когда Белл и Георгию шепотом переводили ему.

- Сафар-бей пишет из Константинополя, что с ним в Адрианополе встретился господин Керр, британский консул, который обратился к нему от имени своего посла. В связи с этим, Сафар-бей сообщает нам следующее...

Все собравшиеся затаили дыхание.

- Первое: мы должны отослать белый флаг русскому генералу, требуя немедленного прекращения войны и предложить условия будущего мирного договора. Второе: нам следует воздержаться от вторжений на русскую территорию и впредь соблюдать границу, проходящую по Кубани, в то время как русские, со своей стороны, должны отойти за реку и разрушить укрепления, которые они построили в Черкесии. Третье: британский посол уполномочен дать от имени своей страны гарантии соблюдения этих условий.

По рядам собравшихся прокатился гул облегчения и удовлетворения. Мансур-бей быстро поднял руку, призывая всех к тишине.

- Это еще не все, что сообщает Сафар-бей... Данное предложение следует повторить три раза. Если оно все же будет отвергнуто русской стороной, сообщение об этом должно быть передано британскому послу в Константинополе...

Мансур-бей снова посмотрел на Белла и Лонгворта своим холодным взглядом, затем оглядел остальных участников собрания, которые принялись оживленно обсуждать услышанное.

- Я вижу в этом руку лорда Понсоби, - пробормотал Лонгворт, - Вы согласны со мной?

Белл был озадачен. В письме было оказано гораздо больше, чем он мог надеяться, и все-таки, сказанного было недостаточно...

- Он не сможет действовать в соответствии с этими предложениями без ведома и согласия Лондона. Надеюсь, мы увидим оригинал этого послания.

Неужели Вы думаете, это подделка? Боже мой! Это могло бы быть началом дипломатических отношений между Черкесией и Англией! Разве это не означает, что Англия теперь связана конкретными политическими обязательствами?

Пожалуй, это действительно выглядело слишком хорошо, чтобы быть правдой. Белл и Лонгворт сидели рядом, размышляя о тех событиях огромной важности, которые могут произойти, если черкесы последуют советам, изложенным в письме...

В толпе участников меджлиса тем временем поднялся невероятный шум, и Белл с Лонгвортом невольно поднялись на ноги вместе с остальными. Из-за спин собравшихся послышалось пение, и вдали показалась толпа слуг и гостей, бегущая перед высоким белобородым всадником, которого сопровождали светловолосый европеец и маленький русский мальчик. Пение стало более отчетливым, и хаджи Даниль, услышав знакомое имя, пошел через поляну навстречу к всадникам, чтобы поприветствовать их.

- Казбек! - на мгновение хаджи Даниль сжал своего старого друга в крепких объятиях, затем повел его через толпу к Мансур-бею.

Достоинство Казбека ничуть не страдало от того, что за ним следовал, стараясь казаться как можно выше, маленький мальчик в новенькой черкеске, да к тому же следом вышагивал какой-то европеец (в котором Джеймс Белл сразу же распознал поляка). Это трио олицетворяло собой то главное, ради чего и собирался меджлис: мудрость старости, надежды молодости и необходимость честного союза с друзьями на западе...

Казбека быстро представили главным старейшинам, присутствующим на собрании, а в конце познакомили с Джеймсом Баллом и Джоном Лонгвортом.

- Этих двух друзей нам прислал Дауд-бей...

Лонгворт и Белл съежились, приготовившись

выдержать пронзительный, всепроникающий взгляд пришельца: общение с Казбеком, безусловно, представляло из себя не меньшее испытание, чем встреча с Мансур-беем. А может быть, и большее, ибо этот гигант, исполненный поразительной жизненной энергии, вел себя поразительно спокойно, молчаливо, отчего им уже через несколько секунд стало не по себе. Потом Казбек смягчился: поздоровался за руку, двинулся дальше. Оба англичанина издали хорошо различимый вздох облегчения.

Талустан оскалился в горделивой улыбке:

- Этот человек - Казбек из Кабарды. Славный командир, отчаянный боец. Очень уважаемый. Всеми.

- Кабарда? - переспросил Лонгворт.

У Белла появилась приятная возможность передать кому-то свои с трудом добытые знания:

Это еще одно племя черкесов, имеющее неписанный мирный договор с Россией, так что я склоняюсь к мысли...

- Точно! Я помню! Кабардинцы... Фон Клапрог много писал о них. Предполагается, что они наиболее политически зрелые из кавказских племен, имеют феодальную форму правления и жесткую иерархию... Конечно же, я встречал кабардинцев в Стамбуле! Об этом следует как следует поразмыслить... Он производит сильное впечатление...

- Сам-то я редко встречался с ними, но много слышал об этом человеке, - сказал Белл. - Означает ли его приезд то, что готовится новый союз между западными племенами и центральным Кавказом?

Этот быстрый разговор происходил как раз в то время, когда Мансур-бей представлял Казбека почтенному собранию и кратко пересказывал ему новости, изложенные в письме Сафар-бея.

Затем он попросил высказаться всех желающих, и меджлис вновь погрузился в пучину раздоров. Какой-то молодой абхазах вскочил и принялся резко обличать все эти разговоры о дипломатии и поиске союзников среди гяуров.

- Что он говорит? - спросил Лонгворт. Ему быстро перевели, и он начал делать заметки.

Несколько старейшин и предводителей кланов одновременно поднялись и заговорили, перебивая друг друга. Белл старался уследить за логикой спора. Прошло несколько часов. Даже Лонгворт, плохо понимавший, о чем идет речь, одурел от потока слов, и у него было такое ощущение, что его долго колют в одно и то же место - хорошая метафора для

пустопорожного занятия.

Наконец, меджлис вынес единственное всеми одобренное решение: пора заканчивать. Был уже полдень, стояла сильная жара, но для англичан день только начинался. Казбек пересек лужайку и передал им через своего слугу Ежи, что хочет поговорить с ними отдельно. Стараясь не привлекать особого внимания (ибо слухи и сплетни быстро рождались в этой накаленной атмосфере) трое мужчин и их помощники удалились в гостевой домик Белла.

Нахо сидел на красной подушке рядом с дедушкой. Он еще ни разу не закапризничал, за это утро, несмотря на то, что его подняли за четыре часа до рассвета - дедушка решил пораньше отправиться в путь, чтобы успеть на меджлис в этот заключительный день. Он всю рассматривал странных светлокожих людей, сидящих напротив. Нахо решил, что это совсем необычные люди, однако у высокого с каштановыми волосами, одетого в черкеску было доброе лицо, и он все время что-то писал на маленькой подушечке, а второй, что был потемнее и говорил по-черкесски, смотрел на Нахо такими хитрыми проказливыми глазами... -Мальчик был поражен.

Казбек рассказал им немного об истории кабардинцев - о том, как во времена Ермолова его народ мирно уживался с русскими, избегая кровопролитий, о том, что они не грабили русских (или, по крайней мере, грабили не очень часто) и не давали казакам повода устраивать набеги.

- Но ведь известно... русские оккупировать земли Кабарта, - заметил Белл, - и вы - жители эта земля... надо освобождать ее...

Казбек улыбнулся, услышав эту ломаную фразу из уст иностранца, однако ответ его был совершенно искренен, и он говорил медленно, чтобы Джеймс мог лучше его понять.

- Ты ошибаешься, мой друг. Русские не захватывали земли Кабарды. У них нет для этого ни желания, ни повода...

Вмешался Лонгворт:

- Спроси-ка у него насчет русских крепостей вдоль всего Терека - ведь это точно кабардинская земля!

Белл перевел вопрос. Казбек посерьезнел.

- Русские построили крепости вдоль границ нашей территории, и они имеют право ездить по ней. Все это согласовано с нашими князьями, одобрено ими, и князья сполна получают за это звонкой монетой. И мы не платим дань, как некоторые другие племена.

Услышав объяснение, Лонгворт удовлетворенно кивнул и обратился к Беллу на их родном языке:

- Насколько я понял, кабардинцы уже используют дипломатию как инструмент внешних отношений. Для меня это любопытное открытие. Было бы интересно узнать их получше, может быть съездить к ним. Посмотрим...

Лонгворт поймал на себе блестящий взгляд Нахо. Чем-то мальчик, напоминал старичка, хотя у него были светлые волосы и глазенки светились любопытством, точно так же, как у любого лондонского мальчугана. И все-таки, в его чертах и поведении было что-то особенное.

- Спроси хаджи Казбека, зачем он взял мальчика в такое далекое путешествие - не слишком ли он юн для таких испытаний? - попросил он Белла.

Казбек ответил, объяснив что Нахо - его внук, сын его сына Имама, убитого казаками, и теперь он несет при мальчике обязанности аталика. Он заметил, что трагические подробности его жизни тронули англичанина. Однако Лонгворт тут же недоуменно поинтересовался кто такой аталик.

- Англичанину это трудно понять. Может быть, он когда-нибудь и сможет разобраться в наших традициях, - тихо сказал Казбек Ежи.

Некоторое время Казбек, Лонгворт и Белл попивали чай в вежливом молчании. Казалось, что сейчас не время обсуждать вопросы культуры, хотя и англичане, и кабардинец чувствовали все возрастающий взаимный интерес. Это обнадеживало...

Казбек удивился, когда Нахо дернул его за рукав и попросил разрешения подойти к англичанам. Он кивнул, и Нахо с очень важным видом направился к Лонгворту. Осторожно, будто спрашивая позволения, он нагнулся над его плечом и заглянул в блокнот.

Лонгворт воспользовался случаем завязать дружбу и нарисовал блокноте картинку для мальчика. Он изобразил корабль. Однако Нахо никогда не видел кораблей и с удивлением держал картинку в руках, ничего не понимая.

- Вы глупец, Джон. Нарисуйте мальчику то, что ему знакомо и сделайте подпись на английском, - рассмеялся Белл.

И вот Джон Лонгворт, лондонский корреспондент «Тайме», составил для Нахо персональный алфавит в традиционной, выверенной временем форме: А (ant) - муравей, В (Бее) - пчела... Нахо отнесся к этому очень серьезно: каждый листочек сложил вчетверо и спрятал в газыри.

Однако эта идиллия длилась недолго. Внезапно вошел Талустан:

- Они уже здесь. Посланцы уже вернулись! - объявил он.

Казбек быстро поднял голову:

- Ты хочешь сказать, что меджлис напрямую отправил условия русским?

Да, да, - Талустан торопил их вернуться на меджлис как можно скорее, потому что не хотел пропустить ни одного слова. - Они вернулись с ответом, и Мансур-бей хочет, чтобы все присутствовали, когда он будет читать его.

Белл многозначительно посмотрел на Лонгворта:

- Это должно быть интересно. Послы вернулись довольно быстро...

Лонгворт тоже был возбужден: он не сомневался, что русские с порога отвергнут все претензии горцев, а это, безусловно, подстегнет их к сближению с Британией.

Мансур-бей ждал, пока соберутся все. У него был очень измученный вид. Было ясно, что его терзает сильная боль, которая особенно усиливается в минуты гнева. В руках он держал лист бумаги с печатью и подписью русского генерала Давыдова. Руки у Мансур-бея слегка дрожали, поэтому он, не желая, чтобы присутствующие видели это, сильно потряс бумагой в воздухе, будто в негодовании, а затем с гримасой отвращения уронил письмо на колени:

- Братья, это ответ русских. Написан на турецком, весьма вызывающе. Поэтому я лишь перескажу содержание, стараясь не оскорблять ваш слух... - он внимательно всматривался в бумагу, подняв брови, будто разглядывал на подошве сапога раздавленное насекомое. - Датировано 29 мая 1837 года. Генерал пишет: «Вы, черкесы, не имеете прав на территории от Каспийского моря до Анапы. Вы вторглись в российские владения и занимаетесь грабежами... Если вы желаете мира, то должны начать с возвращения награбленного. Верните нам всех дезертиров и пленных. Кроме того, вы должны согласиться на то, что Россия будет назначать вашего князя - правителя.»

Страшный шум поднялся в толпе. Мансур-бей вздрогнул. Лицо его посерело и покрылось испариной. Он поднял руку, призывая к тишине. Люди тотчас же подчинились этому жесту. - Впрочем, - продолжал Мансур-бей, преодолевая страдания, причиняемые раной, - это еще не все... «Англичане, которые находятся у вас, - мошенники. Прекратите всякую переписку с Англией и другими европейскими странами. Станьте верными подданными императора. Только так вы можете добиться мира.»

Это была публичная пощечина. Со всех сторон снова послышались возмущенные голоса.

- Дайте мне договорить..., - на этот раз голос Мансур-бея упал до хриплого шепота. Воцарилась полная тишина, и все подались вперед, чтобы услышать последние слова:

- «Если вы хотите мира, то должны усвоить твердо, что на свете есть лишь две силы: Бог на небе и Царь на земле.»

Мансур-бей поднял глаза. Его взгляд был ледяным и бесстрастным.

- Таков ответ. Остальное - лишь повторение сказанного, да брань.

Он посмотрел на Джеймса Белла и Джона Лонгворта. Увидев, что Лонгворт быстро пишет в своем блокноте, Мансур-бей одобрительно, кивнул:

- Двое наших друзей, находящихся здесь, станут свидетелями наших действий, - он передал письмо русского генерала Беллу, чтобы тот смог прочесть весь текст.

На какое-то время воцарилась тишина. Затем, тяжело опираясь на руки слуг, Мансур-бей поднялся:

- Английское правительство передало нам через Сафар-бея, что мы должны послать русским мирные предложения три раза. Поэтому мы пошлем еще одно письмо этому нелюбезному русскому генералу, чье перо столь же грязно, как и его меч. Что вы на это скажете, братья мои?

Лонгворт и Белл были удивлены тем, что это предложение явно не вызывало особого одобрения собравшихся. Ими, казалось, овладела мрачная покорность судьбе. Старейшина Шамиз-бей, который так жарко говорил за день до этого, снова встал, чтобы выразить мнение большинства:

- Мы должны поступить так, как вы предлагаете, Мансур-бей. Сделаем так, как нам было сказано. Но мы не должны показывать себя слабыми перед этим генералом-гяуром. Нам следует проявить решительность. Давайте объясним ему, что мы продолжаем выдвигать мирные предложения не из страха перед ним, а по просьбе нашего союзника, английского короля.

Другой воин, помоложе, бывший, однако, в свои тридцать лет уже ветераном, вскочил, размахивая сжатым в руке кнутовищем:

- Мы теряем драгоценное время! - воскликнул он. Голос у него был грубый, что необычно для бжедуга - его соплеменники славилась умением говорить красиво. - Именно сейчас русские продолжают захватывать наши земли и селить казаков в наших аулах. Я только что узнал, что мы потеряли селение Абун. Русские войска маршируют по нашей возлюбленной родине, словно их генерал -какой-нибудь султан! И никто не стоит у них на пути...

Этот молодой вождь по имени Асланджери был, по словам Тулустана, одним из самых смелых воинов-бжедугов. Он вместе с другим таким же смельчаком смог заманить в засаду и уничтожить целый отряд казаков. Это был отчаянный человек. У не имел семьи, и был одним из тех горцев, для которых борьба с захватчиками стала единственным смыслом существования. Несмотря на его суровость и бескомпромиссность, многие молодые бжедуга следовали за его знаменем, ибо казалось, что он был отлит из чугуна и имел девять жизней. Черкесам был нужен такой вождь, а самому Асланджери была нужна лишь война. Он призывал снова и снова: - Братья, мы только теряем время! Наши юные воины рвутся в бой, дайте им только свое благословение!

Шум нарастал. Участники меджлиса явно разделились на два лагеря: одни выступали за продолжение дипломатических переговоров, предложенных через посредство Сафар-бея, другие были готовы немедленно бросить боевой клич, призывая взяться за оружие всех своих соплеменников, от мала до велика.

Старик с мудрым лицом, в белых одеждах поднялся и некоторое время стоял молча, пока сам его вид не заставил собравшихся прекратить шум. Это был Хаджи Али, представитель абазачов. Он говорил просто, тщательно выговаривая слова, чтобы каждый мог ясно слышать его:

- Нам следует проявить мудрость. Настали тяжелые времена. Мы должны действовать по справедливости и поступать так, как решили вначале. Если мы хотим получить помощь от английского правительства, нам надо последовать решению Мансур-бея.

Старик взглянул на Казбека:

- Надеюсь, наш кабардинский друг выскажет свое мнение... Он здесь один из самых уважаемых гостей, и у него большой опыт в делах войны и мира...

Весь свой путь от Терека до этих мест Казбек думал только о том, что он скажет меджлису. Он молился Аллаху, прося его подсказать нужные слова. И теперь, после стольких лихорадочных размышлений, он вдруг почувствовал спокойствие и уверенность.

- Благодарю Вас, Хаджи Али. Я присутствую здесь всего лишь как друг... Вряд ли я

понимаю в этих вопросах больше, нежели собравшиеся здесь благородные вожди. Я нахожусь здесь, по тому что верю в ваше дело и скорблю о ваших лишениях. Ни один черкес не предпочтет войну, если возможен мир. Сейчас вы, старейшины, должны решить следующее: какую цену вы готовы заплатить за такой мир?

Задав этот вопрос, Казбек сделал паузу. Присутствующие опустили головы. Все знали о трагедии, постигшей Казбека и о той непримиримой борьбе, которую он вел уже много лет в землях шапсугов. Это были слова не осторожного дипломата, но человека, много пережившего и достаточно мудрого, чтобы осознавать, какое мрачное будущее ожидает его народ:

- Наш народ многочислен, но у нас нет единства. Одни из нас заплатят свою цену кровью, другие - унижениями и покорностью. А кто-то еще будет сидеть дома в нерешительности, пока и ему не придется заплатить и той, и другой монетой. Это приведет всех нас к беде.

Казбек посмотрел на Мансур-бея. Он слушал с закрытыми глазами, руки его, сжимающие четки, неподвижно лежали на коленях. Его можно было бы принять за настоящее каменное изваяние, если бы не больная нога, подвернутая под необычным углом. Казбек уважительно понизил голос:

- Я не могу призывать уважаемое собрание к решительным действиям. Вы должны сами принять такое решение, ибо оно повлияет на судьбы вашей земли и ваших семей. Если суждено быть войне, я здесь, чтобы сражаться бок о бок с вашими смелыми воинами, как и прежде. Если же вы выберете мир, я буду удовлетворен и вернусь к моей семье.

Казбек раскинул руки, словно пытаясь обнять присутствующих:

- Чтобы вы ни решили, я с вами. И пусть Аллах даст вам мудрость.

Шамиз-бей не раз сражался вместе с Казбеком. Сейчас он встал и поблагодарил его за дружбу и верность. Затем, однако, он задал неизбежный вопрос:

- Если начнется большая война, Казбек, сможем ли мы рассчитывать, что кабардинцы объединятся с нами против гяуров?

Казбек повременил, тщательно подбирая слова. Он не считал себя в праве говорить от имени своего народа. И с точки зрения стратегии, и с точки зрения политики, кабардинцы находились в труднейшем положении: они были беззащитны и, формально, нейтральны. Однако Мансур-бей помог Казбеку избежать неловкости. Он начал с похвалы Шамиз-бею:

- Это было ценное предложение, - сказал он любезно. - Мы должны надеяться на поддержку всех наших братьев-адыгов всей нашей огромной страны. Но оглянитесь вокруг. Если мы сами не можем объединиться, как мы можем ожидать, что мирные кабардинцы придут к нам, рискуя пятнадцатью годами спокойной жизни, и будут воевать за наше дело? Наши собственные абаты в эту минуту сотрудничают с врагом. Мне сообщили, что они попросили у захватчиков защиты и служат им в качестве лазутчиков.

Собравшиеся зашумели, выражая презрение к столь низкому поведению.

- Шамиз-бей, друг мой, - решительно продолжил Мансур-бей, - Пока мы не объединимся между собой, никто не поможет нам. Теперь, давайте вернемся к нашему делу - мы снова должны отправить к русским послов с мирными предложениями.

Шамиз-бей больше не спорил. Он почувствовал ту поддержку, которую собравшиеся оказывали Мансур-бею. В любом случае, вопрос заключался только во времени. Шамиз-бей, как и все остальные, понимал, что русские отвергнут любые, самые тщательно разработанные предложения о перемирии. По сути дела, рано или поздно, но война начнется всерьез.

Джон Лонгворт вдруг вновь почувствовал вчерашнее желание быть беспощадно откровенным и объяснить Мансур-бею, что тот не должен полагаться на Англию, что ему необходимо с еще большей, настойчивостью укреплять собственные силы. Но вновь, едва он собрался заговорить, Джеймс Белл остановил его и быстро встал:

- Я приехал сюда ради торговли, однако, по терю и свое состояние и состояние моего брата.

Я намерен сражаться. Давайте, сделаем это сами. Я научу вас всему, что сам умею. Пусть это будет делом совести каждого из нас.

Его слова как нельзя лучше соответствовали настроению собравшихся. Многие черкесы покинули меджлис, но большинство поднялось на ноги, громко приветствуя Белла, пообещавшего им поддержку.

* * * * *

Маленький Нахо был доволен собой. Он ехал верхом на почетном месте, во втором ряду после своего деда Казбека и хаджи Даниля, сын которого Аслан скакал по одну сторону от него, а Ежи - по другую. За ним двигались основные силы отряда - около тридцати всадников. Нахо не раз слышал от своего прадеда Ахмета рассказы о сражениях. Ему было трудно поверить в то, что теперь и он сам, уже почти взрослый мальчик, собирается участвовать с одним из них. Он поглядел на спину своего деда с ружьем, перекинутым через широкие плечи, на его длинный меч, пристегнутый сбоку и раскачивающийся в такт движения лошади. Этот человек, который познакомился с ним совсем недавно, когда вернулся домой, теперь являл собой центр его вселенной. Он на всю жизнь запомнит этот день и это чувство - гордость, восторг, страх - все вместе. Он ощущал, что Казбек ведет его навстречу самым захватывающим приключениям, о которых мечтает каждый мальчишка...

Голос хаджи Даниля прервал его мысли.

- Казбек! - крикнул он, - Нам надо ждать здесь. Здесь мы договорились встретиться с англичанами.

Казбек приподнялся в стременах и оглянулся.

- До побережья еще далеко? Хаджи Даниль покачал головой:

- Три часа езды. Не больше.

Даниль приказал воинам спешиться. Маленький Нахо быстро соскочил с коня. Он совсем не устал. Хаджи Даниль сел рядом с ним на траву, подстелив свою дорожную одежду. Он представил мальчику своего младшего сына. Это был красивый двенадцатилетний паренек по имени Аслан. Хаджи Даниль испытывал симпатию к внуку Казбека, отчасти потому, что тот так сильно любил своего деда, отчасти из-за того, что его собственные сыновья уже почти выросли.

- Иди-ка сюда, маленький воин.

Нахо с удовольствием повиновался этому большому улыбающемуся человеку, который так нравился его деду.

- Когда мой сын Аслан был в твоём возрасте, - продолжал хаджи Даниль, - я подарил ему его первый кама. Но тебе... Тебе я подарю кое-что получше...

Он порывлся в переметной суме, лежавшей на земле рядом с ним. При этом он с улыбкой поднял брови, как бы говоря мальчику: «Угадай, что это?»

Нахо даже и представить не мог, что бы это могло быть, и, когда хаджи Даниль достал красивый вышитый кожаный пояс и кобуру с маленьким револьвером, у него глаза полезли на лоб. Будучи хорошо воспитанным, он не взял подарок сразу, а с мольбой посмотрел на Казбека, ожидая его разрешения. Казбек улыбнулся и кивнул. Нахо взял в руки пояс и погладил великолепное оружие так осторожно, словно это была пойманная им птичка. Хаджи Даниль удовлетворенно усмехнулся и велел своему сыну Аслану помочь Нахо приладить пояс.

- Ты действительно собираешься воевать вместе с нами? - спросил Нахо Аслан. - Мы ведь с тобой еще совсем молоды, - добавил он. Вид младшего товарища словно уменьшил его собственные страхи. Ведь он был лишь немногим старше.

- Да, но у меня хорошая подготовка, - скромно сказал Нахо.

Казбек наблюдал за ним со смешанным чувством. Конечно же, он гордился, что Нахо так смел. Однако ему было больно от того, что внук слишком сильно напоминал ему погибшего сына Имама.

- Тебе не стоило так беспокоиться, - сердито сказал он хаджи Данилю. - Но в любом случае, большое спасибо.

Хаджи Даниль был в прекрасном расположении духа:

- Мне кажется, что Нахо уже пора иметь свое собственное оружие. Ведь он скоро примет участие в своей первой битве.

Казбек внезапно почувствовал, что все его существо сопротивляется этому.

- Не знаю, как насчет участия, - сурово сказал он. - Мальчик будет смотреть на бой из безопасного места. Думаю, что он получит представление о том, что это такое.

Хаджи Даниль почувствовал тревогу в голосе Казбека, и не стал отвечать ему. Он принялся показывать Нахо, как действует оружие, каким образом спускается курок. Но в этом не было необходимости. Внезапно Нахо резко повернулся, прицелился в дерево и метким выстрелом сбил с него небольшую ветку. Аслан издал торжествующий крик. Казбек невольно почувствовал удовольствие, а Нахо был в восторге.

На полянку выехали всадники. Это были Лонгворт, Белл и Талустан.

- Мы слышали выстрел, - с тревогой сказал Талустан.

Хаджи Даниль рассмеялся:

- И мы тоже. Это наш маленький воин учится стрелять. Вы ничего не видели?

У Белла тоже было прекрасное настроение, благодаря чему его черкесский язык стал более беглым:

- Мы видим много войска. Строят укрепление... Много ружье... Внизу - берег море...

Он отчаянно жестикулировал, пытаясь объяснить, что русские быстро сооружают еще одну крепость на побережье Черного моря, где они только что провели разведку.

- Ехать? - предложил он. - Воевать сейчас? Казбек улыбнулся стараниям Белла.

Молодые люди все друг на друга похожи, неважно, на каком языке они говорят.

- Да, англичанин, мы пойдем и сбросим русских прямо в море. Может быть, Вы и Ваш друг останетесь позади? Так будет безопаснее.

Белл перевел его слова Лонгворту. Тот был неприятно поражен:

- Скажи ему, что я воевал не меньше, чем он. В Индии, - он вынул саблю и полоснул ею в воздухе, чтобы всем стали ясны его намерения. Все поняли.

- Веди, Талустан. Ты знаешь дорогу лучше нас, - велел Казбек.

Отряд двинулся вперед.

Когда они подошли к русским укреплениям, наступали сумерки. С вершины утеса Казбек и его товарищи наблюдали идиллическую картину: красивый залив с песчаным пляжем был защищен скалами со всех сторон. По дну единственной расщелины бежал ручей, впадающий в море. Только этим путем можно было атаковать русских с тыла.

- Да, а как насчет этого? - вздохнул Хаджи Даниль, указывая кнутовищем на оружейную позицию, где располагалась самая тяжелая пушка, какую он когда-либо видел. Жерло ее, на правленное на скалы, было готово немедленно отразить любую атаку с тыла.

- Ну, что ж, - сказал Талустан, - какой-нибудь спуск ведь здесь должен быть. Давайте посмотрим.

Пять или шесть человек поползли к кустам, растущим на краю утеса, остальные стояли на прежнем месте, ожидая распоряжений.

Через некоторое время Казбек остановил разведку.

- Нужно дождаться темноты, - сказал он, - Участок слишком ограничен.

Белл и Лонгворт поняли его и согласились. Лонгворт достал хорошую подзорную трубу, чтобы предводители отряда могли наблюдать за местом расположения русских и поставить своих воинов в наиболее выгодную позицию.

- Орудие прикрывает единственный спуск к бухте. Есть соображения? - спросил Лонгворт у Белла шепотом, прежде, чем передать Казбеку подзорную трубу. Тот рассмеялся.

Казбек понял, что они замышляют.

- А вы сможете сделать это? - спросил он спокойно.

- Да, друг. Сможем. Мы пойти поздно... темно... мы пойти стрелять ее...

После быстрого обсуждения, отряду было приказано стоять на своих позициях, подготовившись к атаке и ждать полного наступления темноты. Было разрешено есть только холодную пищу. Никаких костров. Как можно меньше шума.

Ежи подошел к Казбеку. Он был обеспокоен.

-Тхамата, позвольте мне участвовать. Нахо сможет остаться здесь, наверху, разве нет?

Казбеку было жаль лишать Ежи случая побывать в бою - он был профессиональным военным.

Но Нахо...

Вмешался хаджи Даниль:

- Давай повременим, Ежи. Сейчас твоя задача - держать маленького Тхамата в безопасности. Понимаешь?

Но Ежи горел нетерпением.

- Русский генерал отверг мирные предложения три раза... Да кто он такой?! Сегодня мы научим его вести себя! - он потряс кулаком.

Казбек жестом успокоил его.

- Будем надеяться на это, Ежи, - тихо сказал он. - Наши люди должны вернуться домой с доброй победой. Теперь тебе тоже, надо отдохнуть. Бери Нахо и идите под те деревья.

Потом он сам лег на землю и прикрыл глаза.

Казбек обладал огромной силой воли и умел держать себя в руках. Он и не мог иначе: роль предводителя обязывала его всегда быть твердым, уверенным в себе и передавать это чувство подчиненным.

Белл и Лонгворт, наблюдая за Казбеком, растянувшимся на травянистой лужайке, не могли не восхититься его хладнокровием.

- Доложу Вам, дружище, - проговорил шепотом Лонгворт, - что это все чертовски здорово. Напоминает мою непродолжительную службу в Пенджабе... Аж слюнки текут...

Беллу уже приходилось видеть черкесов в бою, и он пребывал в менее восторженном настроении. Он перевернулся и улегся таким образом, чтобы удобно было смотреть со скалы вниз, где вовсю кипела работа: русские солдаты-новобранцы устанавливали частокол, рыли траншеи. Внутри лагеря жизнь шла своим чередом, и это тоже было хорошо видно: лошади стояли у импровизированной кузницы, несколько поваров сутились у костров, часовые дежурили у сооружения, где находился, по-видимому, штаб. Все выглядело так мирно, домашнему. В замершем вечернем воздухе разносились спокойные приветливые голоса, где-то пели или насвистывали. Бедняги и не подозревали, какой удар им уготовлен.

- Не знаю как Вы, но я волнуюсь. Как мы спустимся, туда, к этой пушке так, чтоб нас никто не заметил?

Лонгворт хитро подмигнул ему:

- Я все продумал, старина. Только сначала все это нужно обсудить с нашим кабардинским предводителем. Помогите мне с переводом, идет?

Англичане направились к тому месту, где отдыхал Казбек. Белл осторожно кашлянул. Казбек открыл глаза, и Лонгворт начал излагать свой план.

Несколько часов спустя Казбек со своим отрядом в полной темноте ждал сигнала к атаке.

Англичане обещали незаметно подкрасться к пушке с охраной, «освободить» ее, а затем развернуть, направив жерло на лагерь. Было условлено, что услышав сигнал, основные силы перейдут в атаку на укрепления.

Лошадь хаджи Даниля плясала, нервничала и ему пришлось осадить ее.

- Сейчас они должны были уже дать выстрел, - сказал он нетерпеливо.

- Пушка тяжела. С ней придется повозиться, - отозвался Казбек.

- Боюсь, никто из нас не смог бы сделать этого. Только инглизы, или никто.

Хаджи ничего не ответил на это. Белл и Лонгворт сейчас как раз должны находиться около пушки. Над черкесами повисла такая густая тишина, что ее, казалось, можно резать

ножом.

Казбек взгляделся во мрак и ему удалось, наконец, различить маленького Нахо, который сидя рядом с Ежи и юным Асланом, играл со своим пистолетом. Каждый раз, когда он поднимал руку, блики лунного света играли на рукояти. Еще блик, еще и еще... Он ловко управлялся с оружием...

- Слава Аллаху! - воскликнул хаджи Даниль, когда вдруг оглушительный взрыв потряс утес, на котором они стояли. Это выстрелила пушка – и тут же весь лагерь, лежащий внизу, был охвачен огненным заревом. Палатки разлетались на куски, страшная сила подбрасывала в воздух человеческие тела.

Ночную тьму пронзили душераздирающие крики. Засверкали клинки, со всех сторон загрели ружейные выстрелы. Кони бросились вперед, в лунном свете сверкала их упряжь. Воины Казбека беспорядочно понеслись вниз, к лагерю.

Лонгворт и Белл занимали ключевую позицию. Услышав сзади нарастающий топот лошадей, они начали быстро перезаряжать оружие.

- Прицеливай! - орал Белл. - Устроим им преисподнюю!

Лонгворт, потев, как землекоп, нацеливал оружие на небольшую палатку, где, по его предположению, находился склад боеприпасов: солдаты оттуда панически разбежались во все стороны. Он выстрелил вновь - и все вокруг содрогнулось от ужасного взрыва, наполнившего воздух пороховой гарью, запахом крови, дыханием ада.

- Господи! - выдохнул Белл, видя как черкесы черными волнами обтекают его с двух сторон и просто косят русских налево и направо. Противник был парализован не столько пушечным огнем или превышающей численностью нападающих, сколько быстротой и яростью атаки.

Маленький Нахо наблюдал за происходящим с вершины утеса. Едва услышав грохот пушечного выстрела, юный Аслан канул куда-то во тьму. С Нахо остался только Ежи. Мальчику казалось, что сейчас у него остановится дыхание, так сильны были его возбуждение и ужас. До него доносились звуки, совершенно незнакомые ему раньше, среди дыма и огня он успевал разглядеть жестокие сцены, запомнившиеся ему навсегда: вот покатила голова, а тело продолжает дергаться в конвульсиях,- вот одним ударом сабли перерубили винтовку в руках солдата, вот штык легко прошел сквозь человека и пригвоздил его к дереву... И в самом центре этого пекла он видит своего дедушку в белой бурке, каракулевой папахе, с руками до локтей в запекшейся крови. Это зрелище парализовало мальчика.

Ежи слегка встряхнул Нахо и посадил его к себе на колени.

- Добрая битва, а? Правда, малыш? Твой дедушка - великий воин. Легендарный.

Нахо и до этой ночи боготворил дедушку, но сейчас он стал его обожаемым кумиром. Мальчик и раньше не сомневался в доблести деда, но эта битва навеки отпечатала в его душе преклонение перед Казбеком - так раскаленное железо выжигает клеймо. Он продолжал смотреть, пока не упал в изнеможении на широкую теплую грудь Ежи.

Когда Нахо проснулся, то сразу почувствовал, что его тело задеревенело от холода и утренней росы. Некоторое время мальчик не мог понять, случилось ли все, что он видел на самом деле, или было лишь ночным кошмаром. Однако, протерев глаза, он увидел длинную череду перемазанных кровью пленников, тяжело бредущих по тропинке вверх на гору. Рядом цепочкой двигались черкесы-охранники, а замыкали шествие хаджи Даниль, Аслан, невозмутимые англичане и Казбек.

- Вставай, Ежи. Иди сюда, Нахо, - почерневшее лицо Казбека озарилось улыбкой, блеснули зубы. Он нагнулся, подхватил мальчика и посадил его на луку своего седла. - Прокатись со мной немного, сынок.

- Мы едем домой, дедушка? - тихо спросил Нахо.

- Да, мы едем домой.

Нахо прислонился к груди Казбека. Его ноздри затрепетали, услышав острые запахи пота, крови и металла.

Казбек повернулся к хаджи Данилю и англичанам:

- Нам нужно двигаться быстро. У русских могут быть подкрепления неподалеку. Нельзя, чтобы нас прихватили за умыванием, господа англичане!

Белл с Лонгвортом подъехали поближе.

- Теперь нам надо попрощаться, инглизы, - сказал Казбек, протягивая руку. - Мы с внуком едем домой.

- Да, хаджи, мы есть готов... ехать, - кивнул Белл.

Лонгворт толкнул его:

- Спросите, зачем они уничтожили такую хорошую пушку? Ее можно было бы использовать потом. У них появилась бы своя артиллерия...

Белл улыбнулся:

- Я сам могу ответить. Как Вы думаете, они смогут затащить пушку на эти скалы? Ладно, давайте двигаться.

- Искренне сожалею о вашем отъезде, - сказал Белл, прощаясь с Казбеком. - Если вернетесь, проведем еще одну битву, ладно?

- Да, инглиз, - согласился Казбек. - Мы еще повоюем. Иншаллах!

Они двинулись вперед. Маленький Нахо, сидя на коне, протянул руку Аслану, который выглядел таким же потрепанным и утомленным битвой, как и взрослые.

- До свидания, сын хаджи Даниля, - вежливо сказал он.

- Прощай, меткий стрелок! - выговорил Аслан с большим усилием, но улыбка расцвела на его закопченном лице.

Потом Нахо выглянул из-за плеча Казбека и долгим внимательным взглядом посмотрел на уезжающих иностранцев. Он смущенно поднял руку и помахал вслед доброму англичанину. Лонгворт коротко салютовал пареньку. Что ждет его на жизненном пути?

Белл толкнул его в бок:

- «Ну, инглиз», - проговорил он низким, рокочущим голосом, подражая Казбеку, - «тебе нравится битва, мне нравится битва... ненавижу кровь!»

Лонгворт улыбнулся.

- Поехали, - небрежно бросил он. - Пожалуй, я с удовольствием просплю целую неделю.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

1857 год

Когда Дэвид Эркарт снова оказался в Константинополе, его охватили смешанные чувства. Ничто так не напоминает пожилому человеку о несбывшихся планах, как возвращение в места, где прошла его полная приключений молодость. Невесело было холодным туманным утром смотреть на оживленную улицу, дознавая, как мало ты смог сделать. Какие надежды когда-то он питал...

За те двадцать лет, что Эркарт не был на востоке, он превратился из молодого идеалиста в мрачноватого, разочарованного в жизни мужчину среднего возраста. Он, самой судьбой предназначенный для высокой дипломатии, колесил замысловатыми маршрутами по Европе и занимался чтением лекций в продуваемых сквозняками залах, затевал дискуссии, произносил бесконечные тирады, разоблачая агрессивные намерения русских.

Ничто не смогло поколебать его страстной веры в правое дело черкесов. Ничто не могло переубедить его в том, что лорд Палмерстон, министр иностранных дел времен конфликта вокруг шхуны «В иксен», предал его и вынудил лорда Понсо-би также от него отвернуться. Эркарт не виделся со своим старым другом с того дня, как уехал из Галаты.

Он очень надеялся на то, что после Крымской войны Британия решит развить успех и отправит экспедиционные войска на Западный Кавказ. Однако после падения Севастополя английская печать стала уверять общественность, что война выиграна. Крымская кампания стала первой, ход которой широко освещался прессой. Репортажи с мест боевых действий, свидетельства очевидцев заставили людей увидеть правду: война - это бездарное, бессмысленное и бесчеловечное дело.

Только что взошедший на трон российский император Александр II также не хотел продолжать эту войну, обреченную на поражение. Он вовремя начал мирные переговоры, в результате чего западные союзники прекратили поддержку турецкого наступления на Кавказе. Был заключен Парижский мирный договор.

Однако англичане, проголосовавшие за окончание войны, были одурачены. В соответствии с условиями Парижского договора Россия оставалась столь же мощной, как и раньше: она едва ли заплатила за поражение! Эркарт полагал, что причина кроется в том, что и редактор «Тайме», и лорд Палмерстон, состояли на содержании России. В результате, русские получили возможность окончательно «решить кавказский вопрос» и смелее выстраивать планы в отношении Средней Азии. Это было совершенно ясно. Но политика вообще - забота о собственном престиже, а не о справедливости.

А западные черкесы после тридцати лет ожесточенного сопротивления все продолжали воевать, безнадежно ожидая помощи от Британии и ничуть не приблизившись к свободе и спокойствию.

Нынешний приезд Давида Эркарта в Константинополь после столь долгого отсутствия был связан с новым, весьма отчаянным планом, разработанным группой польских повстанцев, который предполагал создание освободительных сил среди соотечественников, живущих за рубежом, для того, чтобы вместе с черкесами бороться против России. Эту поездку, как и многое другое, финансировали «черкесские комитеты», основанные Эркартом. Это были фактически клубы, занимающиеся изучением реальной зарубежной политики Британии и созданием фондов для решения конкретных задач. Их заслугой был и этот офис, где он сейчас находился - штаб-квартира Черкесского комитета в Константинополе.

Эркарт со вздохом посмотрел на свой рабочий стол: он был большим, но уже выдавшим виды, с поверхностью, обтянутой облупленной марокканской кожей. Как всегда, он был завален горой нераспечатанной корреспонденции. Напротив него, грея руки у небольшого камина, сидел полковник Лапинский, а рядом - его помощник Клемент, тоже поляк, офицер,

изъявивший желание обучать черкесов артиллерийскому делу.

Дэвид долго и внимательно всматривался в своих гостей. В отношении их плана у него были большие опасения, навеянные большей частью его добрым знакомым, эмигрантом-поляком из Парижа князем Жарторуцким. У поляков своя долгая история, полная мятежей и интриг. Эркарт сомневался, что их союз с черкесами будет плодотворным.

- Вот лучшее, что я могу вам предложить, - начал он с некоторой неохотой, вынимая откуда-то из кипы бумаги заранее приготовленное письмо. - Этого человека, обладающего огромным влиянием среди горских племен, зовут Керн Оглы Шамиз-бей. Это предводитель шапсугов. Он хорошо читает и объясняется по-турецки. Я от правил ему записку, где растолковал цель вашей поездки и попросил о вашем участии в руководстве военными операциями. Увидите, что это надежный союзник и крепкая опора. Я подчеркиваю, джентльмены, что вы должны действовать только с полного одобрения черкесов. Вы не сможете выиграть их войну вместо них. Это бессмыслица.

Лапинский просмотрел рекомендательное письмо, которое Эркарт подал ему через стол, аккуратно сложил и спрятал в свою кожаную дорожную сумку.

- Мистер Эркарт, у нас по-прежнему нет ответа на вопрос: будем ли мы получать припасы регулярно, и если да, то каким образом?

Эркарт нахмурился:

- Не очень понимаю, что Вы имеете в виду. Этот вопрос Вы хотите задать нашим друзьям на Кавказе или здесь, в Константинополе? Мне казалось, что, наоборот, в ваши намерения входит оказание помощи черкесам.

Капитан Клемент нетерпеливо подался вперед:

- Полковник Лапинский имеет в виду боеприпасы, порох. Винтовки, а позже, может быть и пушки.

Эркарт обошел стол, чтобы сделать беседу более конфиденциальной:

- Война, по крайней мере устранила блокаду русскими черноморских портов. Турки хотят наладить переправку черкесам оружия на регулярной основе. Ищут корабли, уже есть капитаны, готовые ими командовать. Я со своей стороны делаю все возможное, чтобы собрать средства для закупки боевого снаряжения для моих старых друзей... Но ничего конкретного пока обещать вам не могу.

Этот ответ лишь едва ли удовлетворил капитана Клемента:

- Ходят слухи, - естественно только слухи, но все-таки, - что некоторая часть оружия, вывозимого англичанами из Крыма, может быть направлена на Кавказ. Так ли это?

Эркарт насторожился:

- Вы слышали о том, что было бы нам очень желательно. Кое-кто ведет сейчас переговоры об условиях закупки этого оружия, но до успешного завершения этих переговоров пока далеко.

Полковник Лапинский вздохнул. Ох уж эти англичане со своими обещаниями... Он не мог понять, почему этот Дэвид Эркарт такой холодный и вялый.

- Ну хорошо, - примирительно сказал поляк.

- Кажется, мы все обсудили. Полагаю, что жилье и питание нам обеспечат горцы.

Эркарт закусил губу: да понимают ли эти солдаты удачи, с кем им придется иметь дело? Он посмотрел полковнику прямо в глаза:

- Гостеприимство для черкесов – требование кодекса чести. Могу Вас заверить, они хорошо заботятся о тех, кто им помогает, - он тяжело вздохнул. - Джентльмены, в своем письме князю Жарторуцкому в Париж я заверил его в наших честных намерениях и готовности сотрудничать и помогать вам всеми имеющимися у нас средствами. Честно говоря, вопросы вашего питания и размещения - не самые трудные в этом предприятии...

Немного поколебавшись, он решил говорить более откровенно. Даже если эти люди - русские агенты, то что он теряет? В любом случае он не может помешать им действовать.

- Самая важная часть Вашей миссии, полковник, состоит в том, чтобы собрать вместе

поляков, дезертировавших из русской армии, и сформировать из них отдельное подразделение под единым командованием для поддержки и помощи повстанцам. Полноценное подразделение, понимаете? Необходимо внимательно относиться к тыловым службам. - Он подался вперед, желая особо подчеркнуть сказанное. - Я даю вам гарантии.

Капитан Клемент пожал ему руку:

- Хорошо, Дэвид. Полагаю, что мы обо всем договорились. Если больше вопросов нет, то нам остается лишь откланяться.

Однако Лапинский не спешил уходить:

- Еще один вопрос, мистер Эркарт. Простите за солдатскую прямоту, но как у вас обстоит дело с разведкой? Есть ли какие-либо конкретные сведения о передвижениях войск противника или его планах? О концентрации сил? Что-нибудь в этом роде?

У Эркарта упало сердце. Если это действительно русские агенты, пытающиеся выяснить, насколько эффективно поставлена разведка у черкесов, то, пожалуй, их обвели вокруг пальца.

Впрочем, он совершенно не сомневался, что Шамиз-бей устроит этим двоим хорошую проверку в полевых условиях. А сейчас нужно было что-то отвечать, и он решил отделаться общими фразами:

- Мы знаем только, что генерал князь Барятинский полностью скован отрядами Шамиля в Дагестане. Поэтому можно предполагать, что на Западном Кавказе не предвидится никаких значительных передвижений войск. У вас будет достаточно времени для перегруппировок и обучения. Может быть, вы даже научите их действовать против русских крепостей и поселений!

Поляки, кажется, удовлетворились его ответом. Однако у Эркарта оставались большие сомнения насчет истинности их намерений.

- Ваш отъезд запланирован на конец следующей недели. Вы будете готовы к этому времени? - спросил Эркарт.

Лапинский натянул перчатки:

- Мы готовы и сейчас. Все мои люди - ветераны, эмигранты. Они всегда полны стремления воевать с русскими.

Эркарт проводил гостей до дверей.

- Это весьма вдохновляет, - спокойно заметил он. - О развитии событий я буду полностью информировать ваше здешнее представительство. Перед вашим отъездом мы встретимся снова. - И тут Эркарт задал вопрос, который намеренно приберегал до последней минуты. - Кстати, а сколько у вас сейчас людей?

На несколько секунд воцарилась тишина. Поляки переглянулись, но потом Лапинский все же ответил:

- Сейчас у нас семь опытных ветеранов из регулярных войск. С их помощью мы надеемся привлечь десятки, а, может быть, и сотни дезертиров. Таковы наши планы. Когда поляки ушли, Эркарт снова уселся на стул, развернув его к окну. «Семь польских добровольцев будут спасать Кавказ!» - вслух подумал он и покачал головой.

Неужели Кавказ превратится в рассадник интриг, шпионажа и контр шпионажа? Неужели черкесов впутают в грязные делишки влиятельных политиков? Их война всегда была делом понятным и справедливым, но чем дольше продолжается она, тем больше вокруг нее путаницы и грязи.

Может быть, это было уже возрастное. Дэвид уже никому не верил, и незримый список имен предавших его людей, казалось, удлиняется с каждым днем. У него были свидетельства этого, были доказательства. Они постоянно стекались в офисы Черкесского комитета со всех сторон: секретные донесения, украденные письма, признания мелких чиновников - турок, поляков, черкесов, французов - массы людей, желающих раздуть скандал или попросту «утопить» своих бывших покровителей. Иногда у него голова шла кругом и охватывало страстное желание сделать так, чтобы каждый простой англичанин понял, как мало правды об этом мире им позволено знать.

Если б он мог открыто осудить Палмерстона! Видит Бог, тогда бы людям все сразу стало ясно! В дверь постучали. Вошел Сафар-бей, его старинный приятель, в сопровождении еще одного преданного делу добровольного сотрудника Черкесского комитета Питера Малкольма.

- Экспедиция в полной готовности, джентльмены, - объявил Эркарт. - Лапинский был здесь как раз перед вами. Что нового из Лондона, Малкольм?

Малкольм повертел головой:

- Абсолютно никакого интереса к тому, чем мы занимаемся. У меня сложности с поставкой товара из Крыма. В военном министерстве есть некто Далглиш... Очень несговорчивый. Вообще ничего не хочет знать.

Услышав это имя, Сафар-бей тут же отреагировал:

- Вы говорите Далглиш? Но он нам известен. - они с Эркартом уныло переглянулись. - Дэвид вам расскажет, - тихо добавил Сафар-бей.

- Это было во время войны. Группа наблюдателей - английские и французские офицеры - прибыла на кавказское побережье после того, как Франция предложили нам провести на Кавказе совместные операции, - начал Эркарт.

- Среди англичан был и этот Далглиш..., - вставил Сафар-бей.

Эркарт продолжал:

- Эти офицеры отнюдь не воодушевились перспективой совместных действий с черкесами, как и состоянием турецких войск в Армении. Они рекомендовали не предпринимать никаких действий. Этот Далглиш совсем не друг черкесам.

Малкольм покачал головой:

- Я должен был знать об этом до того, как мы обратились в министерство.

Мы не думали, что Далглиш займет там важный чин, - печально проговорил Эркарт.

- Мы сделали все возможное ради него, - вспоминал Сафар-бей. - Он приехал сюда ко мне с письмами от вашего посла, и мы организовали ему на берегу прием, достойный принца. Не понимаю, что ему могло не понравиться?

Эркарт едва удержался от смеха. Он вспомнил экспедицию Белла и Лонгворта и их отчаяние, когда они попытались сплотить в движение сопротивление вождей различных кланов. Он мог только догадываться, какое впечатление должен был произвести черкесский меджлис на британских гвардейских офицеров.

- Нечего плакать о пролитом молоке! В нашем-то деле..., - Эркарт разложил бумаги на столе, а Малкольм и Сафар-бей придвинулись поближе. - Я договорился с поляками; что мы передадим им все имеющееся оружие, когда они поплывут туда. Сафар-бей, я хочу, чтобы ты связался с предводителями племени убых...

Эркарт продолжал распоряжаться. У него было тяжело на сердце, но он горел решимостью не отступать от начатой так давно упорной борьбы. Его надежды на успех с каждым годом таяли, но он силой воли заставлял себя не думать об этом, никогда. Несмотря на плохое самочувствие, он намеревался вернуться в Англию и продолжать борьбу, чтобы люди там все-таки смогли узнать правду о войне на Кавказе.

* * * * *

Хаджи Даниль тяжело оперся на посох и закинул повыше мешок, который нес на плече. Он напрягал каждую жилку в своем теле, чтобы не сбиться с шага, не отстать от колонны. Рядом молча двигались его жена Мариам и сын Асцан. Старая Мариам не обладала крепким сложением: когда она совсем ослабевала, Аслану приходилось почти нести ее на себе.

Как Аллах позволил народу шапсугов дожить до этих дней?! Казаки выгоняли людей из домов целыми деревнями, сжигали постройки, а жителей заставляли покидать землю предков. Кроме шапсугов, еще несколько племен: абазахи, нату-ки, бжедуги - вереницами потянулись с насиженных мест через западные равнины к побережью Черного моря.

Выселением руководил генерал Евдокимов, тот самый, который в 1837 году спас жизнь генералу Клюге фон Клюгенау, во время знаменитых переговоров с Шамилем. Получивший дворянство за победоносную кампанию против имама Дагестана Евдокимов теперь полновластно распоряжался Западным Кавказом. Выселение местных племен было его идеей, в места, покинутые черкесами, он собирался переселить семьи казаков.

Общая численность казачьего войска вблизи черноморского побережья приближалось теперь к ста пятидесяти тысячам. Кроме казаков на освобождавшиеся благодатные земли хлынули разнообразные «инородцы», радующиеся возможности продемонстрировать преданность русскому самодержавию. Кавказ был теперь перенаселен еврейскими и армянскими торговцами, украинскими крестьянами, солдатами - ветеранами николаевских войн.

Шамиль был взят в плен. Сорока тысячам русских солдат под командованием графа Барятинского удалось, наконец, окружить его в горном убежище Гуниб, где он скрывался с немногими сохранившимися ему верность мюридами, а также с женами и детьми. Ряды его сторонников таяли на протяжении тридцати лет сопротивления гяурам. Тем не менее, понадобилось сорок тысяч солдат, чтобы принудить к сдаче его и его четыреста мюридов. Граф Барятинский принял капитуляцию Шамиля 25 августа 1859 года, в день тезоименитства государя.

Известие об этом распространилось по всему Кавказу со скоростью степного пожара. Черкесы сразу поняли, чем чревато это событие. Теперь русские смогут сосредоточить все свои силы на западе и довести завоевание Кавказа до его трагического конца.

Тяжело шагая, хаджи Даниль тихо произносил слова гимна, сочиненного Шамилем, и выражавшего сейчас его мысли лучше, чем все мирские песни:

Слуги господни, люди господни!

Помогите нам во имя Аллаха!

Дайте нам руку помощи!

Может быть, с милостью Господней, мы победим.

Во имя Аллаха, слуги Господни,

Помогите нам, во имя Аллаха

- Шевели ногами, старик, а то «Трехглазый» тебе задаст! - со смехом прикрикнул казак на хаджи Даниля.

«Трехглазый» - фантастическое имя гяурского чудовища... Этим прозвищем горцы наградили Евдокимова - так его стали называть после того, как пуля мюридов оставила след на его лице. Жуткая кличка делала генерала еще более устрашающим.

Шапсуги медленно брели мимо сожженных до тла селений, мимо полей, вытопанных казачьими лошадьми, мимо ручьев, на отмелях которых громоздились останки домашних животных.

Новые поселенцы уже сооружали временные жилища на опустевших лугах вдоль ручьев. Их дети стояли и смотрели в след плетущимся мимо шапсугам, которые несли за плечами свои валкие пожитки или тянули за собой тележки со скарбом и больными родственниками. Для всех была очевидна разница между гористыми землями Дагестана и здешним краем - цветущим и плодородным. Именно поэтому русские так стремились сюда и были готовы на все, лишь бы изгнать отсюда мятежных жителей этих мест. Мюриды могли оставаться затворниками в своих горных аулах сколько им было угодно - до них никому не было дела, лишь бы не мешали. Но долины шапсугов могли приносить доход, находясь в руках законопослушных подданных.

Казачий командир приказал всем остановиться. Хаджи Даниль со стоном упал на землю. Мариам рухнула рядом с ним.

- Дай матери оды, - прохрипел хаджи Даниль своему сыну Аслану.

Мариам быстро подняла голову, и Аслан обнял ее за плечи.

- Помедленнее, мама, а то тебе станет плохо, - сказал он.

Двое казаков обходили вереницу горцев. Изможденные люди почти не разговаривали.

Беспорядочно растянувшийся караван был странно тих. Даже дети почти не плакали - они слишком устали, и молча отдыхали, сидя на земле и лишь держали своих родителей за руки.

Хаджи Даниль, лежавший рядом с сыном, прошептал ему на ухо:

- Сегодня ночью, Аслан, ты должен попытаться снова. Захватить казачью лошадь будет не трудно. Скачи на запад, спрашивая дорогу к деревне Хапца. Я помню только, что она на берегу Терека. Но про Казбека все слышали, и как только ты...

Аслан покачал головой:

- Не мучь себя, отец. С нами все будет хорошо, но мы должны держаться вместе. Я нужен тебе здесь. Скажи ему, мама. Что толку строить несбыточные планы?

Мариам слышала этот спор уже в сотый раз. Она закутала лицо шалью и закрыла глаза. Хаджи Даниль крепко схватил Аслана за руку и в глазах его сверкнул гнев.

- Ты не понял, мальчик мой! Казбек – наша единственная надежда. Иначе мы погибли. Нас выселяют в Турцию. У нас не останется надежды, если ты не сделаешь так, как я говорю.

Сегодня ночью.

Удар казачьей нагайки заставил их вскочить на ноги:

- Вставайте, вставайте, пошевеливайтесь! Давайте, поднимайтесь!

Казаки скакали вдоль колонны, и их нагайки свистели над головами шапсугов. Если кто-нибудь падал, то никому не позволялось выходить из колонны, чтобы помочь. Аслан крепко держал мать. Может быть, к ночи старик, что лежит в идущей впереди повозке умрет, и тогда Мариам сможет занять это место. Аслан молил Аллаха о прощении за такие мысли, однако, если этого не произойдет, он не сможет выполнить волю отца...

Хаджи Даниль оглянулся. Двадцать трупов осталось лежать на лужайке, где они только что останавливались на отдых. По крайней мере, эти люди умерли на родной земле. Может быть, это лучший выход.

* * * * *

Нахо ловко управлялся со своей новой лошадейю. Казбек смотрел на него, опершись на изгородь загона. Это был один из тех моментов, когда прошлое зримо встает перед глазами: он вспоминал, как его сын Имам старательно объезжал своего белого Саглави, которого Казбек привез из Аравии. Это было так давно, несколько десятков лет назад. Тогда Имам был юн, подавал большие надежды. Имам погиб молодым, но вот его сын, еще более красивый, чем отец, стройный, серьезный, грациозный молодой кабардинец, очень похожий на отца, и к тому же перенявший от своей матери Сатани немало изящества. Скольких мужчин из их семьи уже нет в живых, остались лишь двое: Казбек и его неженатый внук Нахо.

- Нахо, - позвал Казбек, - ты забыл о тех десяти лошадях, которых мы продали Мисостей. Их нужно скорей доставить покупателю.

Нахо круто развернулся. Его дедушка слабел на глазах. Он уже ходил, опираясь на посох, однако для своего внука он навсегда останется великим воином-предводителем. Неважно, что он уже дважды за эту неделю напоминал ему об этих лошадях для Мисостей, Нахо прощал ему эти внезапные провалы в памяти.

- Нет, дедушка, я не забыл, - спокойно ответил Нахо. - Я собираюсь ехать завтра. Не волнуйся - все в порядке, уверяю тебя...

- Что, что? - переспросил Казбек, трясая головой и приставляя ладонь к уху. Ему

показалось, что он услышал стук лошадиных копыт: воспоминания о смерти Имама и казачьем налете некстати взбудоражили его душу. - Что? - расстроено повторил он, стараясь избавиться от навязчивых видений. - Что же в порядке, если ты забываешь честно выполнять свои обязанности. Немедленно отправляйся!

- Нахо снова улыбнулся, и Казбек, наверное, рассердился бы на своего легкомысленного внука, если бы вдруг откуда-то не появился всадник - какой-то юный незнакомец.

- Хорошо, дедушка, я сделаю это немедленно. Но посмотри, у нас гость, - он встал рядом с Казбеком и положил свою сильную бронзовую руку на сжатый от напряжения кулак старика.

Внезапно Казбек успокоился. Все замечательно. Нахо уже не ребенок, ему можно доверять.

Одинокий всадник направил своего усталого коня во двор. Один из слуг принял у него повод и указал на Нахо и Казбека. Лицо незнакомца выразило облегчение, хотя и было покрыто потом и пылью. От сильного ветра на щеке юноши показалась слеза. Он соскочил с коня и поспешил представиться хозяевам.

Как часто сюда, к Казбеку, на его вору у Терека, приезжали незнакомцы, охваченные горем. Сердце старика сильно забилося, когда он понял, что сейчас услышит нечто ужасное. Без сомнения, этот юноша провел в дороге много дней, спал кое-как, не снимая одежды, может быть, голодал. Ясно, что это беглец.

- Я Аслан, сын хаджи Даниля. Хаджи Казбек, я...

Он не успел продолжить. Казбек отбросил клюку, обхватил юношу старыми жилистыми руками и сжал его в крепком объятии.

- Ну конечно, это ты! Я сразу узнал! Я видел тебя еще ребенком, но ты не изменился... В тебе я вижу твоего отца! Это мой внук Нахо. Ты должен помнить его.

Аслан и Нахо пожали друг другу руки. Трудно было представить себе двух настолько непохожих людей. У Аслана, как и у его отца, было крепкое телосложение, широкое лицо. Несмотря на то, что сейчас он выглядел как человек, которому пришлось поголодать, его вид недвусмысленно говорил о недюжинной силе и мужественности. Он был просто создан для битв, как и его отец. Нахо же выглядел совсем иначе: более хрупкий, изящный, склонный к размышлению. Осина и молодой дубок. Зато Нахо обладал цельностью характера и задатками лидера, доставшимися ему от Казбека.

Казбек положил свою ладонь на руки юношей.

- Добро пожаловать, Аслан! Приветствуем тебя! - тепло проговорил он. - Ты проделал большой путь... Как поживает отец? Вся ваша семья? Они приехали вместе с тобой? - Казбек окинул взглядом тропинку у ивняка, не питая, однако особых надежд.

Но Аслан, казалось, был близок к обмороку. Его покрасневшие глаза вновь наполнились слезами и он тяжело оперся на сильное плечо Нахо!

- Я... мы... Хаджи Казбек, это было ужасно!

Казбек поднял свой посох:

Веди его в дом, Нахо. Из-за старости я совсем забыл о приличиях. Пусть этот молодец сначала придет в себя, а потом поговорим...

Час спустя Казбек и двое парней снова собрались в гостиной и сели за трапезу. Аслан преобразился: помывшись, побрившись и сменив одежду, он стал еще больше походить на своего отца. Гость рассеянно попробовал некоторые из множества изысканных яств, что стояли перед ним.

- У меня нет особенного аппетита, - сказал он извиняющимся тоном, когда один из слуг подал новое угощение.

- Правильно, ни к чему пировать после долгих ограничений в еде..., - проговорил вдруг слуга.

Этот голос с характерным акцентом заставил Аслана вздрогнуть. Он быстро поднял глаза:

- Боже мой, Ежи! - воскликнул он. - Ты, бывало, брал меня на рыбалку, когда я был еще ребенком, помнишь? - сам он хорошо запомнил польского дезертира, бывшего невольника, который так привязался к Казбеку за годы войны в горах.

- Конечно помню, - ответил Ежи, радуясь тому, что его узнали. - А ты весь в отца - его-то я хорошо помню! Ну ладно, мне придется покинуть вас, пане... Поговорим позже, юный шапсуг. Как приятно-то!

Ежи пошел заниматься своими делами. Казбек наблюдая, как он прибирается в комнате, кивнул в знак благодарности. Окружающие всегда считали, что лишь Ежи предан Казбеку и зависим от него, однако за долгие годы Ежи стал надежной и необходимой опорой для самого Казбека, так что их преданность была полностью взаимной.

Наступила небольшая пауза. Хозяева сделали все, чтобы Аслан почувствовал себя как дома, передохнул, но вот пришло время поговорить о серьезных вещах.

- Если можешь, Аслан, расскажи нам что произошло, - сказал Казбек.

- Весной наша деревня и все земли вокруг были заселены русскими крестьянами, - начал Аслан. - А три недели назад казаки объявили, что мы должны убраться из родной деревни. Сначала мы решили, что нас вышлют в другое место на Кавказе, как это уже случалось с некоторыми племенами..., - он помолчал, собираясь с мыслями. - Потом... нам велели приготовиться к долгому походу. Нам объявили приказ этого русского генерала Евдокимова... Объявили, что мы направляемся в Анапу, а оттуда - в Турцию...

У Казбека упало сердце. И сразу же мысль о предательстве пришла ему в голову. Весь его богатый жизненный опыт давал основания с подозрением относиться к Турции. Его отец Ахмет всегда не одобрял, когда люди покидали землю предков: его невестка Сатани, вдова Имама, уехала в Константинополь, и с тех пор они потеряли с ней всякую связь. Лучший друг его юности, Аслан Гирей, крымский князь, был предан турками и кончил свои дни, сражаясь среди мюридов под предводительством Шамиля. Казбеку даже начинало казаться, что не одни гяуры виноваты в творящемся вокруг зле. Весь этот край погряз в заговорах и интригах. Почему, спрашивается, русские гонят теперь горцев, как стадо, в земли своих давних и заклятых врагов?

- Некоторые пытались сопротивляться, - грустно продолжал Аслан. - Их отвели в сторону и расстреляли. Остальные - в основном дети, женщины и старики - были вынуждены отправиться в долгую дорогу пешком...

Казбек закрыл глаза. Он так отчетливо представил себе, как казаки принудили целое племя пуститься в долгий и скорбный путь...

- И вот, когда мы были в пути, - заключил Аслан, - отец настоял на том, чтобы я бежал и отыскал Вас.

- Когда это было? - быстро спросил Казбек. Аслан стал считать в уме эти тяжелые дни дороги, полные страха, голода и лишений:

- Может быть, две недели. Более десяти дней...

- Плохо. Возможно, слишком поздно. Но надо попробовать. Не беспокойся, Аслан. Мы отправимся рано утром. Может быть, еще настигнем их. Такая большая колонна людей не может двигаться быстро...

Нахо сидел тихо, о чем-то напряженно раздумывая. Потом очень почтительно и осторожно спросил у Казбека:

- Но дедушка... Что мы будем делать, когда встретимся с ними? Мы же не можем сражаться со всей русской армией?

Рука Казбека сжалась в кулак. Всю жизнь ему приходилось выслушивать подобные «голоса разума». Почти тридцать лет назад они с хаджи Данилем очертя голову сражались за освобождение шапсугов. Разве они хотели такого исхода?

- Предоставь это мне, - резко ответил Казбек.

- Мы возьмем с собой золото. Если никак не сможем помочь им скрыться, то просто купим их свободу. Немногие из гяуров устоят перед подкупом. Деньги для них - это все...

Нахо подался вперед:

- Это хороший план, дедушка. Но ведь ты сам уже вряд ли сможешь осилить такой длинный путь. Ты же знаешь, каковы горы. Ты же понимаешь, что без тебя мы с Асланом сможем быстрее добраться куда следует.

Казбек почувствовал, как раздражение растет у него в груди. В короткой внезапной вспышке гнева он ударил себя кулаком по колену. Нахо был просто ошеломлен и потупился, ожидая хорошей взбучки. Однако Казбек ничего не сказал и лишь еще раз хватил по колену.

Лишь Ежи, благоразумно переживающий эту сцену у дверей, понял, что означали эти удары: озлобленность на свое тело за то, что старело и подводило хозяина; на боль, появляющуюся вновь и вновь; на то, что потеряно столько хороших друзей; на русских, отравивших всю его жизнь... Наконец Аслан отчаянно попытался заговорить:

- Нахо прав, Тхамата. Мы вдвоем проделаем путь гораздо быстрее, и, может быть, успеем добраться до моей семьи до того, как колонна дойдет до Анапы. Дай Аллах Вам здоровья и многих лет жизни...

Казбек ничего не ответил, но его лицо походило на грозовую тучу.

Воодушевившись от поддержки, Нахо предложил:

- Мы могли бы заехать к дяде Азамату и взять его с собой. Его деревня лежит как раз у нас на пути вдоль Кубани.

- Оставьте меня. Я подумую, - Казбек был очень расстроен.

Молодые люди почтительно удалились. Ежи сделал один-два шага вперед. Казбек сразу понял, что тот чего-то ждет.

- Говори, что хочешь, - проворчал Казбек.

- Хозяин, мой старый друг... Юный Нахо прав. Пора молодым мужчинам испробовать себя в бою.

- Я знаю это, Ежи. Не эта истина сердит меня.

- Тогда что же, хозяин?

Понимаешь... Во-первых, я - адыг, потому что так мой народ называет себя уже тысячу лет. Во-вторых, я - кабардинец, ибо мой отец основал здесь мою родовую ветвь, и здесь родились уже три поколения нашей семьи. В-третьих, я мусульманин. Какое же право имеют русские заставлять меня, либо кого-нибудь из моих братьев переселяться в страну османских турок? Зачем мне это? В Коране сказано: «Запад и Восток - в руках Аллаха; где бы ты ни был, милость Господня с тобой.»

- Не понимаю, господин.

- Знаешь, почему я чувствую предательство? Ежи помедлил с ответом. Он понимал, что Казбек разгневан, что он пытается сладить с собой и успокоиться. Ежи не раз видел его таким.

- Сам Пророк, слава Аллаху, сказал: «В исламе нет монашества». Я боюсь священников. Мой отец боялся их, и я тоже.

Ежи, выросший в католической Польше, закивал в знак согласия:

- Да уж, священников и монахов мне пришлось повидать!

Услышав такое искреннее заявление, Казбек улыбнулся:

- Ты хороший человек, Ежи. В каждой вере, несомненно, есть и плохое, и хорошее.

- Да, хозяин, - согласился Ежи, радуясь, что гнев Казбека прошел.

- Теперь оставь меня, мне надо помолиться. И пришли потом ко мне Нахо, хорошо?

Ежи отправился по своим делам. Позже, когда жители селения собрались на вечернюю молитву, он пошел прогуляться на берег Терека. Ему нравилась эта вечерняя пора - звуки молитвы коленопреклоненных мужчин, бесконечный ропот реки, мычание вернувшегося в загон скота. Он присел под ивами и предался тревожным размышлениям о том, что узнал сегодня. Ежи был страстно привязан к своему хозяину и желал только, чтобы тот закончил свои дни в мире и спокойствии.

Больше всего он боялся, что история повторится. Он приехал в деревню Хапца с Казбеком более двадцати лет назад. Тогда они их быстрое возвращение из страны шапсугов было напрасным - они опоздали, отец Казбека умер до их приезда. Сын не успел ни успокоить его, ни попрощаться с ним. И теперь Ежи молился о том, чтобы судьба Нахо не оказалась такой же, если ему придется отправиться на Запад. Лишенный отца и матери, еще не обретший жены, Нахо так много потерял в своей жизни. Казбек - это было все, что у него оставалось. Жаль, что юноша должен уехать, что он не сможет заботиться о старейшем и знаменитейшем человеке своего рода.

Казбек терпеливо ждал прихода Нахо. Он чувствовал себя усталым - печальные вести принес этот день. «Как могло дойти до этого?» - беспрестанно спрашивал он себя.

В комнату вошел Нахо:

- Ты хотел поговорить со мной, дедушка?

- Да, Нахо, садись.

- Что ты решил, Тхамата?

Казбек заговорил, тщательно подбирая слова:

- Хаджи Даниль - мой самый преданный друг. Мы вместе совершили поход в Мекку. Мы воевали плечо к плечу в землях шапсугов. Много раз мне приходилось спасать ему жизнь, и еще чаще он спасал мою. Сейчас он взывает к моей помощи, и во имя моей чести, я должен помочь ему.

Нахо торжественно склонил голову, признавая справедливость этих слов.

- Однако, - продолжал Казбек, тяжело вздыхая, - здесь очень важно выиграть время, в этом ты прав. Вдвоем без меня вы проделаете трудный путь гораздо быстрее.

Нахо не таил своего облегчения: - Мы уже снарядили пару вьючных лошадей, приготовили припасы. Можем выехать хоть сейчас, - решительно заявил он.

- Подожди, Нахо. Ты даже не знаешь, что тебя ждет. Все эти годы, пока ты был маленьким мальчиком, ты жил здесь, в безопасном месте. Конечно, ты хорошо обучен военному искусству, но все же... все же...

- Я понимаю, что ты хочешь сказать мне, Тхамата. Я не посрамлю тебя. Я буду смел и отважен.

- Нет! Это еще не все! - голос Казбека за звучал резко. - Ты должен поклясться мне, что будешь рядом с Асланой до тех пор, пока вы не спасете его семью, пока не спасете мою честь. Понимаешь, когда хаджи Даниль взывает ко мне о помощи, я должен жизнь отдать за него. Ради этого я пойду на край света. А он готов сделать ради меня то же самое.

Нахо все понял:

- Я торжественно клянусь Тхамата, что сделаю все так, будто сам хаджи Казбек отправится в путь завтра на рассвете.

Нахо и Казбек внимательно посмотрели друг другу в глаза. Казбеку хотелось передать этим взглядом внуку свою ярость, мужество, приверженность идее. Нахо же хотелось успокоить деда, доказать ему свое стремление быть достойным возложенной на него задачи.

Он никогда не мог забыть страшной сцены битвы, виденной им в детстве. Поход в Черкесию оставил такой глубокий отпечаток в его сознании, что и до сего дня Нахо воспринимал дедушку безжалостным истребителем гяуров, скачущим на белом коне в своих одеждах хаджи, с окровавленной рукой, поднятой вверх, неутомимо наносящим смертельные удары врагам. Вглядываясь внимательно в морщинистое, седобородое лицо Казбека, Нахо по-прежнему видел перед собой непримиримого воина, которому он поклялся не возвращаться, не исполнив свой долг до конца. Знает ли кто-нибудь, где будет этот конец?

- До свидания, Тхамата, - Нахо не осмелился произнести слово «дедушка» из боязни еще больше расстроить Казбека. Внук прекрасно сознавал, что может никогда больше не увидеть его.

- Прощай. Нет ни времени, ни нужды втягивать в наши дела твоего дядю Азамата. Храни тебя Аллах, Нахо.

Нахо кивнул и быстро отвернулся, чтобы скрыть слезы, покотившиеся вдруг^ по щекам. Казбек сжал его в объятиях со сверхъестественной силой, и вдруг Нахо почувствовал, что его поднимают в воздух: возникло такое же ощущение, как в детстве, когда Казбек вздымал его и сажал перед собой в седло. Грудь юноши наполнялась радостью оттого, что любимый дед гордится и любит его. Его чувства были подобны тем, что испытываешь, взойдя на вершину горы, и делая вдох полной грудью, наслаждаешься величественной картиной, расстилающейся внизу.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Нахо с Асланом быстро ехали по горам. Нахо по дороге доставил проданных лошадей людям кланов, живущих у реки Лабы. Здесь он знал кратчайшие пути по едва хоженным тропинкам. А за Лабой сам Аслан, умело подмечая местные ориентиры, обеспечил их дальнейшее продвижение без задержек. В день они покрывали иной раз более пятидесяти верст. Помогало и то, что вьюки на лошадях заметно полегчали.

Всадников потряс вид местности, по которой пролегал их путь. Всюду царили заброшенность и опустошение: необработанные поля, покинутые деревни, блуждающие домашние животные, собаки, сорвавшиеся с привязи. Долины, где проживали шапсуги и бжедуги, казались пустынными, жители исчезли. Однако по берегам Лабы, где возникла вереница казачьих поселений, наоборот, наблюдалось оживление. Вокруг маленьких крепостей семьи новых поселенцев расширяли свои хозяйства, распахивали поля, ставили изгороди. Путникам приходилось дергаться подальше от главных тележных дорог, чтобы не быть замеченными. Внезапно появляющихся горцев считали мятежниками, и не раз уже бдительные дозорные на наблюдательных постах стреляли по ним, в то время как те старались быстро проскочить от одного укрытия до другого.

Однажды, когда Аслан ехал вверх по узкой песчаной тропинке на горном склоне, он вдруг понял, что они уже почти достигли цели. Заросли орешника и плодородный краснозем свидетельствовали о приближении побережья.

- Думаю, что мы подъезжаем к Анапе, - сказал он. - Когда-то, еще мальчиком, я бывал здесь с отцом. Тогда здесь была турецкая гавань. Быстро добрались, - заметил Нахо.

- Благодаря тебе. Хаджи не выдержал бы столько в седле. Я и сам-то притомился.

Нахо выпрямился: он тоже очень устал от долгого пути, все его тело ныло.

- О, дедушка бы справился с этой поездкой. Он еще крепок, но тогда мы должны были бы во всем подчиняться его воле - такой уж это упрямый медведь.

Аслан улыбнулся:

- Ты будто про моего отца говоришь. Они все одинаковые, эти старики...

Юноши дружески улыбнулись друг другу. В таких мимолетных разговорах проявлялась их глубокая привязанность к старшим: они оба были словно осенены тенями великих людей, которые отважно сражались и заслужили завидный авторитет и уважение. Видимо поэтому им было так легко путешествовать вдвоем. Очень быстро они стали настоящими друзьями.

Вдруг, откуда ни возьмись, появился какой-то лесной житель. Он брел по дороге, одной рукой опираясь на посох, а другой вел на поводу ослика, навьюченного корзинами. Наверное, он собирал здесь орехи и теперь возвращался в свою хижину, прятавшуюся где-то в глубине леса.

- Бог в помощь, приятель. Не подскажешь ли, проедем мы так к Анапе или нет? - спросил встречного Аслан на его родном языке.

Черкес ответил:

- Сейчас увидите развилку. Поезжайте налево мимо расщепленной скалы. Но зачем вы,

юноши, едете туда? Это опасно для...

- Не беспокойся за нас, дедушка. Большое спасибо, - сейчас, оказавшись совсем близко от своих родных, Аслан вдруг утратил всякую осторожность. - Поехали, Нахо. Уже недалеко...

Друзья устремились вниз по дороге к гавани. Не доезжая версты или около того до берега, они наткнулись на лесные завалы, сделанные для того, чтобы помешать горцам-мятежникам атаковать Анапу с крутых утесов, возвышающихся к востоку и югу от гавани. Солдаты ездили в ту сторону за свежей водой из горных ключей для своих гарнизонов: в Анапе - селении возле плохонькой бухты с единственной отмелью для якорной стоянки, не было хорошей воды. К северу вдоль побережья лежали болотистые низины дельты Кубани, патрулируемые казаками в то время года, когда там можно было проехать. Юноши все ехали вниз вдоль маленького ручья, пока не достигли края леса.

Нахо вдруг осадил свою лошадь:

- Подожди, Аслан. На всякий случай, нам надо принарядиться. Помни, что с кабардинцами русские не ссорились. Давай переоденемся здесь, и тогда мы спокойно сможем въехать в Анапу. Насколько я знаю, торговля их законом не запрещена.

- Ладно, Тогда ты с ними и разговаривай. А то я легко выхожу из себя.

Навьюченные лошади щипали густую траву, пока путешественники передевались в чистое платье. Теперь они выглядели, как два кабардинских торговца, едущие по своим делам, если не считать того, что Аслан, следуя традициям своего племени, носил бороду, а Нахо был гладко выбрит.

Анапа являла собой жалкое зрелище. Годы противостояния и войн между русскими и турками за обладание этим портом отнюдь не принесли ему процветания. По своему стратегическому положению он уступал Сухум Кале, расположенному в двадцати верстах к югу. Однако политика требовала от превосходящей стороны непременно удерживать его, ибо он являлся воротами Кавказа. Здешнее побережье было чрезвычайно удобно для высадки десанта с моря - отсюда был прямой и открытый путь к Кубани.

Небольшое подразделение русских солдат потрепанного вида трудилось в порту, укрепляя мол и бастионы и создавая некое подобие защитных сооружений на случай атаки с моря. Некоторые из работающих подняли головы и смотрели вслед двум суровым молодым всадникам, проезжавшим мимо, однако не их делом было останавливать горцев и выяснять, кто они такие. В гавани стояли всего два судна. Рыбачьи лодки уже побывали здесь и снова ушли в море. Несколько рыбаков чинили сети у одного из причалов.

Нахо бил обеспокоен. В Анапе парил дух, апатии и безразличия, поразивший его. Не было и следа суеты и приготовлений, неизбежных при отправке морем нескольких сотен людей.

- Подожди здесь, Аслан, - тихо сказал Нахо, спрыгивая с коня недалеко от гавани.

Аслан взял обеих лошадей за поводья и отвел в тень будки судовладельца, а Нахо стал пробираться в толпе землекопов, пленных, празднующих солдат и торговцев, стараясь привлечь к себе как можно меньше внимания.

Он присел на корточки рядом с двумя рабочими, раздетыми до пояса, которые разбивали камни тяжелыми молотами. Интуиция подсказывала ему, что это были абаты - представители маленького черкесского племени, которое перешло на службу к русским.

- Вы черкесы? - спросил он шепотом. - Вы меня понимаете?

Один из рабочих украдкой взглянул на Нахо:

- Да, незнакомец. Мы абаты. Чем можем тебе служить?

- Я кабардинец. Ищу здесь своего друга, шапсуга. Его должны были отправить отсюда вместе с большой группой в Константинополь. Вы знаете что-нибудь об этих людях?

Другой абат принялся быстрее бить по камням. Он искоса глянул на мол, где расположились русские солдаты, очевидно часовые. Они, однако, не замечали этой беседы, потому что спокойно курили и разговаривали.

- Ты говоришь о людях, которых Трехглазый пригнал сюда, чтобы отправить в Турцию?

- резко спросил абат.

- Да, - ответил Нахо.

- Ты говоришь, что ты кабардинец. Но мне кажется, что ты один из них. Если так, то тебе опасно здесь находиться. Те люди отплыли на прошлой неделе на трех турецких судах. Некоторые пытались бежать. Их застрелили, - сказал один из абатов.

Он оглянулся. Караульный офицер на пирсе загасил окурок каблуком и собрался в очередной обход.

- Уходи, пока мы все не попали в беду, - прошипел каменотес, и Нахо ничего не оставалось, как удалиться.

Как только он вернулся к Аслану, тот схватил его за руку:

- Где они?

Нахо вскочил в седло:

- Отплыли в Турцию. Давай-ка убираться отсюда, пока на нас не обратили внимания.

Они быстро поскакали прочь от крепостных стен Анапы и остановились только оказавшись вблизи холмов, подступавших к городу с востока. Лишь теперь Нахо и Аслан сообразили, что не запаслись в Анапе едой. Их обоих мутило от голода. Хотя, скорее, их мутило с досады. Они опоздали.

Аслан упал на землю и хлестнул камень кнутом.

- Сорвалось! Я не должен был уезжать от них!

Нахо погладил его по руке:

- Ты выполнил желание твоего отца. Любой сын поступил бы также. Еще не все кончено, Аслан. Мы их найдем.

- Как?

Несмотря на физическую мощь, характер Аслана не был столь тверд, как у его кабардинского друга. К тому же, шапсуги много месяцев подвергались издевательствам Евдокимова. Прежде чем совершить побег, Аслан прошагал много дней без остановки, потом скакал на восток, потом на запад, через весь Кавказ, тщетно пытаась помочь своим.

Принимать решение приходилось Нахо. Он некоторое время сидел молча и заговорил лишь после того, как они с Асланом допили остатки воды из его фляги:

- Прежде всего, нам надо найти убежище. А потом мы постараемся попасть в Константинополь со следующей партией черкесов. Может быть, нам удастся вернуть твою семью на родину.

- Но ведь на море - блокада русских и турецких кораблей! Не говори ерунды.

Нахо посмотрел на Аслана долгим взглядом.

- Что ж, по крайней мере, ты сможешь скрасить их изгнание. Если ты хочешь этого, Аслан, отправляйся за ними в Турцию. Но ты можешь вернуться со мной в Хапца.

Аслан оглядел густой лес, где росли дубы и буки, всмотрелся в сияние ярко-голубого моря на горизонте.

- Не знаю, - наконец сказал он, - Теперь не знаю. Похоже, у меня нет выбора.

- Давай больше не будем говорить об этом. Что бы ты ни решил, я останусь с тобой. Клянусь, Аслан, теперь твое будущее - это мое будущее, - он помог Аслану подняться, и они пешком направились к лесу, надеясь найти там дом или хижину, где им могли бы предложить еду и ночлег.

Даже в эти тяжелые времена в горах был жив дух взаимопомощи. Вскоре молодые люди набрали на лесную поляну, где расположились несколько домиков. Здесь под надзором казаков жили семьи углежогов. Аслан и Нахо получили по миске горячей каши, а затем их отвели в одну из хижин на ночлег. Они почти не разговаривали.

Прежде чем лечь спать, друзья немного посидели у тлеющего костра в компании древнего старика. Ему было лет девяносто, а может быть, и все сто. Казалось, что он уже не имел возраста, не знал страстей. На его одежде и сединах будто оставило свой след само время. Он был весь иссохший, словно продубленный, и выглядел, на первый взгляд, таким

же бесстрастным, как деревья в лесу, окружающем его селение.

- Тхамата, - обратился к нему Нахо, - Вы слышали что-нибудь о шапсугах, которые недавно пришли в Анапу?

- О да. Они шли. Их было тысячи. Их увезли на трех кораблях. Их загнали туда, как скот. Многие умерли по дороге. Этот шайтан Евдокимов... Страшное дело он сделал. Страшное!

Аслан в отчаянии обдумывал какой-то план.

- Где же наши вожди? Должен ведь кто-то сопротивляться всему этому! Может быть, мы сможем отыскать их... Шамиз-бея, например

- Вожди, ха! - Старик презрительно сплюнул. - Они только болтают, болтают и болтают! Да, шапсуг Шамиз-бей здесь, и еще один - Мехемет Индар. Я слышал, они все отправились в Сочи на меджлис... Но это ничего не меняет. Все продолжается ...

- Что продолжается? - быстро спросил Аслан, холодея от волнения.

Глаза старика заблестели от негодования:

- Этот шайтан согнал сюда целое племя убых и приготовился грузить на корабль! Одна болтовня - и никто не сражается с этим гяуром!

Старый черкес поднял кулак с искривленными узловатыми пальцами. Было ясно, что и последний вздох этого старого человека будет сопровождаться проклятиями в адрес захватчиков. Удивительным образом сам вид этого неукротимого лесного жителя наполнял юношей силой и отвагой.

- Желаю вам доброй ночи, - сказал он, вставая. Он подождал, пока молодые люди, благодарили его и побрел в свою избушку.

- Я еду в Сочи, - проговорил Аслан, заворачиваясь в бурку. - С теми деньгами, что твой дедушка дал мне, я могу добраться до Турции.

- Давай об этом утром поговорим, - Нахо зевнул, и через несколько минут парни крепко заснули. Их не тревожили ни скорбное уханье сов в отдалении, ни беспокойный шелест крыльев летучих мышей, низко скользящих над их скромным убежищем.

Проснувшись утром, Нахо обнаружил, что Аслан уже уехал. Он оставил вьючных лошадей, а сам отправился налегке. Нахо быстро привязал к седлам дорожные сумки и попрощался со стариком.

Он без труда проследил путь своего товарища: в густой росе следы проступали так же отчетливо, как на песке. Через пару часов пути Нахо заметил Аслана впереди на дороге, ведущей к побережью, однако теперь он направлялся к югу, двигаясь от Анапы к Сочи. Это был главный порт всего Западно-Кавказского района. Эти прибрежные земли были родными для племен абазах и убых.

Несмотря на мрачность обстановки, Нахо радовался ласковому утреннему солнцу и поразительной красоте ландшафта, открывшегося его взору. Он решил немного изменить маршрут. Окинув опытным взглядом покрытые лесом холмы и усыпанные благоухающими цветами долины, простирающиеся перед ним, Нахо пустил лошадей во весь опор и постепенно перегнал Аслана. Он двигался по холмам и, сократив таким образом путь, намного опередил товарища.

Через пару часов Аслан остановился и пустил коня в мелкий ручей, на другой стороне которого вдруг увидел Нахо: тот сидел на скале, любовно покачивая винтовку в руках, словно младенца.

- Я же тебе говорил, что поеду с тобой, - весело произнес он.

Аслан низко нагнулся и окунул лицо в воду.

- В этом нет необходимости. У тебя есть дедушка, за которым надо присматривать. Это не твоя война. Поезжай домой, Нахо.

Одним прыжком Нахо соскочил со скалы и взлетел в седло. Конь перемахнул через ручей, подняв тучи брызг - и вот Нахо уже возвышается над Асланом.

Шапсуг поднял глаза: силуэт Нахо растворялся в солнечном сиянии, и ему пришлось приложить руку ко лбу. На секунду Аслану показалось, что он уже где-то видел этого всадника, быть может в собственных мечтах... Этот всадник уже однажды являлся ему, еще

совсем мальчику, в лесах Шапсугу в образе Казбека. Это было много лет назад.

- Это моя война! Каждый адыг должен участвовать в ней! Иначе мы потеряем все, Аслан! Теперь я знаю, почему мой дед покинул нас на долгие годы... Он сражался плечо к плечу с твоим отцом. Мы должны быть братьями! – Нахо спрыгнул с лошади и крепко обнял Аслана.

После этого они долго молчали.

- А теперь - в Сочи. Надеюсь, старик указал тебе дорогу.

На закате они добрались до холмов, выходящих к гавани Сочи. Это было необыкновенно красивое место: над бухтой висел теплый туман, со всех сторон ее окружали буковые и дубовые рощицы. Под кронами деревьев таились цветущие растения, замысловато переплетающиеся и переливающиеся всеми цветами радуги. В золотистом мерцающем умиротворяющем воздухе была разлита божественная тишина, какой-то неземной покой.

Аслан приложил ладонь к глазам, чтобы солнце не слепило их, и начал рассматривать с высоты белый пляж, тянущийся вдоль моря. Он увидел сотни и сотни черкесских семей, расположившихся на ночлег прямо на мелкой гальке. Это была маленькая бухта, каких множество по всему побережью. Нигде не было видно ни лодок, ни шлюпок, ни больших кораблей, и нахождение множества людей на берегу казалось совершенно бессмысленным.

Кучку русских солдат можно было различить по их красно-зеленым мундирам и блеску винтовок за спиной. Они бродили меж горцев, сидящих на корточках группами, следя, чтобы не было беспорядков.

- Все выглядит так, будто меджлис и не принимал решения о войне, - сказал Аслан, но его голос дрогнул и он посмотрел на Нахо, словно ожидая от него подтверждения реальности всего происходящего.

Неужели несколько сот человек племени убых вот так тихо-мирно подчинились приказу оставить свои родные земли?

Аслан и Нахо умело спускались вниз по крутому склону утеса. Совсем недалеко от берега, где уже слышался морской прибой, они наткнулись на единственного часового, который, прислонившись к дереву, не отрываясь, словно завороченный, смотрел на море. Он даже не шевельнулся, чтобы наставить на них винтовку.

Аслан заговорил с ним на хорошем русском:

- Кто эти люди на берегу, солдат?

Солдат посмотрел на них очень странно, будто одурманенный. Его почему-то не поразило, что совершенно незнакомый всадник в черкесском наряде совсем не боится его и задает вопрос на русском языке. Без сомнения, солдат был не в себе, плохо соображал, что происходит вокруг.

Аслан повторил вопрос, ему казалось, что солдат его не слышит. Внезапно Аслан издал сдавленный крик - он бы бросился на солдата, если бы Нахо не остановил его. Резкое движение вывело солдата из забытья, и он сделал попытку вскинуть винтовку.

- Сюда нельзя! Нельзя спускаться!

- Мне нужно спуститься, - закричал Аслан, но Нахо снова удержал его.

Солдат рухнул на землю.

- Вы не сможете спасти их. И никто не сможет, - он зарыдал, обхватив голову руками. Тело его сотрясалось.

У Нахо перехватило дыхание. Предчувствуя что-то невероятное, он медленно двинулся вперед. Аслан побежал, но через несколько шагов упал на колени. Нахо медленно поравнялся с ним и увидел то, что его остановило.

Если бы он был здесь один, то не поверил бы собственным глазам. От этого зрелища можно было потерять рассудок. Но Нахо и Аслан были здесь вдвоем. Впившись друг в друга ногтями, они сознавали, что это явь, а не сон.

Вся прибрежная полоса была покрыта трупами. Смерть застигла людей там, где они сидели, где лежали. Они умерли от жары, от измождения, от болезней, от того, что были разбиты их сердца. Некоторые из них сидели прямо, с застывшей на лицах вечной заботой:

мать с ребенком на руках, старик, качавший маленького мальчика, другой, поднявший руку к небесам. Ветер развивал их одежды, поэтому издали они не выглядели неподвижными. Но это же легкое дуновение ветерка распространяло повсюду зловоние. Нахо и Аслана замутило от этого сладковатого приторного запаха.

Чья-то рука коснулась ноги Нахо.

- Оставайтесь... Давайте умрем в мире... Оставайтесь...

Это была молодая девушка в черкесской одежде. Ее юбка была разорвана, накидка висела лоскутками. Еще две недели назад она была прекрасным цветущим созданием Божиим. Теперь ее легко можно было спутать с трупом, если бы не шевелящиеся губы.

Нахо наклонился и приподнял ее голову:

- Я черкес, сестра. Ради Аллаха, скажи мне, что здесь произошло? Кто эти люди?

Ответа не было. Аслан бросился на землю, закрывая голову руками - рядом просвистели ружейные пули. Осторожно оглянувшись назад, Нахо увидел двух русских солдат, которые неторопливо заряжали ружья, медленно пробираясь между трупами.

- Убирайтесь отсюда, воры! - закричал один из солдат хриплым голосом.

Нахо отполз назад, заметив краем глаза, как Аслан убрал руку от руки девушки - она была мертва. Солдатские пули убили ее, а может быть Аллах забрал ее к себе... Какое это имеет значение? Сейчас она уже не страдает.

Еще одна пуля просвистела и ударилась в песок совсем рядом. Нахо поднял голову, чтобы поглядеть, не задело ли Аслана, и с удивлением увидел, что его друг поднял руки, будто сдаваясь, и медленно поднимается.

- Я должен знать, - пробормотал он. - Оставайся здесь, если хочешь.

Но Нахо тоже встал.

- Лучше я с ними поговорю, - быстро сказал он.

Солдаты подошли ближе и лениво показали стволами винтовок, что Нахо и Аслану следует повернуться кругом и идти. Черкесы подчинились, ожидая выстрелов в спину. Но эти двое, очевидно, уже пресытились смертью, им не хотелось больше убивать. Пройдя по жуткому, заваленному трупами пляжу, пленники вскоре увидели небольшой лагерь, расположенный на опушке кедровой рощи. После всего увиденного лагерь поразил их своей обыденностью. В наскоро сооруженной деревянной постройке за грубо сколоченным столом сидел унтер-офицер. В стороне на лавке пытел закипающий самовар. Картина чаепития вызывала у черкесов тошноту.

- Вы говорите, что вы кабардинцы? Докажите! - грубо сказал унтер-офицер. - Что вы здесь делаете?

- Мы с родственником направляемся в Турцию, - с расстановкой проговорил Нахо. Он старался сделать так, чтобы унтер-офицер не задавал вопросов Аслану и не смог обнаружить, что тот шапсуг: оба юноши были одеты по-черкесски, но выглядели совершенно по-разному. - Мы заблудились, мы не знаем этой местности. Нам нужно добраться до порта, откуда мы могли бы отплыть в Константинополь.

- Ха! Порт отсюда далековато. Вам надо ехать в Анапу. Так как же вы оказались здесь, и без документов? Думаете я поверю вашим рассказам?

- Мы говорим правду.

Унтер-офицер с удовольствием отхлебнул чаю. У него возникла блестящая мысль.

- Золото. У вас должны быть деньги на дорогу. Я слышал, у кабардинцев дела идут хорошо...

Аслан готов был закричать. Нахо сдержал его.

- У нас только несколько монет, чтобы заплатить за проезд. Это все, смотрите..., - он начал выворачивать карманы, но его собеседника обуяла жадность.

- Значит, золота нет. И вы думаете, что я поверю вашим небылицам?

Аслан, ругаясь по-черкесски, потянулся к кинжалу. Момент был очень опасный. На счастье, открылась дверь и вошел офицер.

- Что здесь такое? - оживленно осведомился он. - Кто эти люди?

- Говорят, что они кабардинцы, Ваше превосходительство. Будто бы заблудились. Собираются отплыть в Турцию из Анапы, поэтому оказался здесь, - унтер ухмыльнулся, изо всех сил стараясь выразить свое презрение к пленным.

Полковник, однако, не обратил внимания на его тон и сосредоточился на сущности дела:

- Он едет в Турцию? Что ж тут особенного? - сказал он бодро. - Почему же ты задерживаешь его?

На лице унтера застыло выражение тупости и непонимания:

- Я... э-э... Я как раз собирался помочь ему, Ваше превосходительство. Ему нужно узнать дорогу...

Не обращая внимания на льстивый лепет своего подчиненного, полковник снова внимательно посмотрел на туземцев. Он прекрасно понял, что унтер-офицер собирался вытрясти из них деньги. Но у него не было сил устраивать разбирательство. Он устал.

- Покажи им дорогу и сразу возвращайся. Скоро прибудет полковник Калинин. Ты мне нужен здесь. Поторапливайся.

Нахо и Аслан покинули лагерь и вновь побрели к полоске пляжа. Быстро наступила ночь - это избавило их от страшного зрелища мертвых и умирающих людей, однако в густой темноте ночи они ясно ощущали незримое присутствие душ умерших. Что-то жуткое и мрачное висело над землей.

- Пошли отсюда, Аслан, - сказал Нахо.

- Нет! Еще раз я искренне говорю тебе: отправляйся домой, Нахо! Я освобождаю тебя от твоей клятвы. Я знаю и ты знаешь, что мои мать с отцом или уже умерли - да смилостивится над ними Аллах! - или умирают где-нибудь здесь, и можно лишь молиться, чтобы смерть быстрее оборвала их страдания!

- Что ты такое говоришь?!

- Я говорю, что ты должен возвращаться в Кабарду и передать нашим людям, чтобы не верили всей той лжи, которой нас потчуют русские. Нам нельзя ни в коем случае, ни за что на свете отдавать наши земли. У нас нет другого выхода, кроме как твердо стоять на своем и сражаться. Спасай свой народ, Нахо, а что касается меня - я пойду искать Шамиз-бея и последних повстанцев в Сочи. Я буду сражаться, пока смерть не настигнет меня!

Аслан вскочил на коня, отвязал поводья вьючных лошадей и исчез во мраке. Нахо в изнеможении упал на колени. Ему так и не удалось исполнить желание Казбека. Он мог лишь надеяться, что, когда вернется домой и расскажет об увиденном, дедушка простит его и поймет, что он имел право нарушить торжественную клятву.

* * * * *

Полковник Захарьин воспользовался недолгим отсутствием унтер-офицера: достал откуда-то фляжку с коньяком и сделал два-три добрых глотка. Ожидая своего товарища, полковника Калинина, он сидел, развалившись, на стуле. Одна его нога покоилась в разлитом на полу чае, другая - прямо на столе. Неужели для этого он и пришел сюда? Неужели?

Некогда он, пламенный юноша, переведенный сюда из гвардии, был искренне влюблен в Кавказ. Однако теперь горы лишились в его глазах бывшего романтического ореола. Карьера здесь ни в кавалерии, ни в пехоте не обещала ни чести, ни славы. Его некогда ярко-голубые глаза, горевшие жаждой приключений, потухли, налились кровью, веки опухли и покраснели. Единственным напоминанием об эпохе светлых надежд был его безупречный вид: те же белоснежные перчатки и идеально подогнанный мундир. Однако у Захарьина дрожали руки от чрезмерного потребления настойки опия, и от него на версту разило водочным перегаром.

Вошел Калинин. Он был на десять лет старше Захарьина. Последний с трудом

перегнувшись через стол, пожал руку вошедшему, и указал на стул, приглашая сесть. Недурная картина? Думаю, можно слегка развлечься, прежде чем приступить к сему ужасному делу...

Он сделал вид, что впервые сегодня открывает флягу, но Калинин хорошо изучил его и заметил, что стакан уже влажный.

- Мой бедный Захарьин. Вот уж когда не завидую тебе, так это сейчас. Зловоние чувствуется далеко за пределами пляжа. Как полагаешь управиться с этим?

- Должен подуть ветер с берега, - рассеянно ответил Захарьин. - Да уж, верно, дельце пренеприятное, - он задумчиво уставился в пустой стакан, будто пытаясь сообразить, кто осушил его. - Но приказ есть приказ. Не так ли, старина?

Калинин залпом выпил коньяк и не ответил.

- Наша похоронная команда работает денно и ночно, - дурашливо отрапортовал Захарьин, взмахнув стаканом. - Это работа не для солдат, но мы делаем ее.

Калинин недовольно скривился:

- Не могли, что ли, нанять местных? Захарьин сверкнул на него глазами:

- А ты хочешь, чтобы об этом узнали все вокруг? Думаю, что не хочешь. Придется потерпеть. По крайней мере, пока все эти бедняги не перемрут. Кстати, - продолжил он, вновь пытаясь показать свою деловитость, - как там дела в штабе?

Калинин вздохнул:

- Теперь они требуют подробный отчет. Это идет с самого верха. Хотят знать, как произошла эта трагедия. Виновата ли в этом армия...

Захарьин театрально фыркнул, изображая смехок:

- Боже мой, виновата ли армия! - он изумленно развел руками, а затем начал перечислять факты, загибая свои белые изящные пальцы. - А кто же еще? Сначала мы гнали их пешком восемь дней и ночей до самых кубанских болот почти без всякой кормежки. Они поглядели на эти скудные земли и объявили, что изменили свое решение и поедут в Турцию. Переселение... В штабе одобрили. Тем лучше. Второе: я получаю приказ гнать их опять в Анапу. Еще четыре дня. Даже солдаты устали сидеть в седлах! Но эти жалкие черкесы... Они мрут, как мухи. Еще бы: кормить не кормят и гонят без отдыха. Третье: мы добрались до Анапы - что же обнаружили? Судов нет! Нет этих чертовых судов! Четвертое: нам велят двигаться до Сочи. Черкесы добрались до Сочи и остановились. Теперь мы тут. Пятое: ныне черкесы отказываются перемещаться вообще. Наотрез. Многие из них уже мертвы, остальные безнадежны.

Захарьин выдохнул, безо всяких церемонии приставил фляжку к губам и изрядно отхлебнул из нее. Он уже был изрядно пьян, и ему нужно было лишь немного добавить, чтобы достичь желаемого состояния оцепенения.

- Скажи, Калинин: что мне делать? Перестрелять их за неподчинение приказам? Они предпочитают свернуться клубком и помереть прямо здесь на пляже.

Он катнул пустой стакан через стол. Калинин ловко поймал его.

- Ну и кого ты будешь винить тут, а?

Захарьин пьяно взирал на приятеля.

Калинин видел перед собой человека, находящегося на грани потери рассудка, у которого бывшее стремление исправно служить и подчиняться приказам сменилось холодным разрушающим ощущением краха.

- Не знаю, что тебе сказать, - ответил рассудительно Калинин. - Ну попробуй их силой заставить двигаться. Пригрози чем-нибудь.

Захарьин со злым смехом откинулся на спинку стула:

- Мы можем просто перестрелять их, но это будет пустой тратой патронов. Ты что, Калинин, не видишь, что здесь происходит? Они творят что-то невероятное, необъяснимое словами. Они совершают массовое самоубийство прямо у нас на глазах, и мы бессильны этому помешать!

Калинин понял, что с его другом началась истерика, и выставил вперед руку, пытаясь

остановить его. Но Захарьин уже полностью потерял контроль над собой и сотрясал воздух яростными матерными словами, кипя ненавистью к самому себе, приятелю, армии, ко всей этой жизни со всеми ее мерзостями.

- А теперь иди к черту отсюда и расскажи то, что видел своим генералам! - кричал он. - Посмотрим, найдется ли у них «радикальное решение» для подобной загвоздки!

Затем он рухнул на стол и впал в забытье.

* * * * *

Прошло совсем немного времени, и доклад полковника Калинина оказался в военном министерстве в Петербурге. Сам государь потребовал информации о трагедии.

Реакцией Александра II был испуг. Если об этом станет известно в Европе... Видит Бог, он вовсе не был кровожадным деспотом. Он считал себя европейцем, цивилизованным и гуманным. К войне он относился с отвращением, особенно после бойни в Крыму. Кроме того, на него большое впечатление произвел пленный Шамиль - в то время Александр Николаевич был еще цесаревичем и имел романтические представления о Кавказе.

Идея завоевания этой территории досталась ему в наследство от отца. Воплощение ее в жизнь он доверил пользующемуся его расположением наместнику князю Барятинскому, человеку легендарной мощи - военной, политической, интеллектуальной и физической.

Сейчас он писал ему в Тифлис:

«Я намереваюсь совершить поездку на юг и увидеть Вас в действии. Думаю, что мое посещение будет полезно в моральном плане. Огромные жертвы, связанные с переселением черкесов, и жестокость этой меры обескураживают русское общество...»

Это был продуманный план. Генерал Барятинский являл собой тот же тип командующего, что Потемкин и Ермолов: бесстрашный и жестокий. Как и они, он был наделен пылкостью и красноречием и понимал, что именно эти качества необходимы для того, чтобы внушить уважение и страх горцам.

Он прочел письмо из столицы с почтением и некоторой долей удовольствия. Барятинского даже забавляло, что его щепетильный монарх с мягкими, часто мигающими голубыми глазами должен будет выдержать трудные объяснения. Такое испытание могло пойти на пользу императору. Однако он, Барятинский, должен стать орудием окончательной победы в горах. Александр же будет лишь голосом совести и отвлечет людей от их страхов.

В глазах всего мира крайне важное значение имело то, что Александр отменил крепостное право по всей России и провел ряд важных реформ. Конечно, он хочет управлять цивилизованной страной цивилизованными методами. Но он не может не помнить слова, сказанные ему отцом на смертном одре: «Сохрани все. Сохрани все». К счастью, он смог переложить эту тяжесть на Барятинского. Чтобы достойно закончить эту войну, императору оставалось только предложить горцам последнюю, а, главное, очевидную для всех возможность компромисса.

Итак, осенью 1861 года еще один русский царь отправился на юг, для переговоров со строптивыми кавказцами - подобно его предшественникам Екатерине II, Александру I, и Николаю. Он решил встретиться с черкесами в старинной казачьей твердыне, построенной знаменитым Потемкиным на берегах Кубани и названной в честь великой императрицы Екатеринодаром - «даром Екатерины».

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Когда Дэвид Эркарт погружался и горячую ванну, ему становилось легче дышать. Раньше он не мог бы и вообразить, что утратит интерес к общественной жизни, однако же это произошло: ухудшение здоровья сильно сказалось на его энергичности, но не повлияло на интеллект. Как человек, привыкший мыслить логически, он смог объективно и спокойно оценить свое состояние и принять все меры для того, чтобы его самочувствие как можно менее сказалось на работе. Теперь ему просто необходимо было устраивать себе короткие передышки. С этой целью он даже устроил точную копию турецкой бани в своей скромной усадьбе в лондонском предместье Рикмансу-эрт. В последнее время он все больше времени проводил там: отчасти для того, чтобы заглушить пронизывающую боль, вызываемую жестокими приступами кашля, отчасти потому, что это был единственный уголок, явственно напоминавший ему тепло и негу Востока, которых он, к сожалению, лишился.

Его жена, тем временем, как всегда, спокойно и вежливо, разговаривала с группой неожиданных посетителей. Ее мелодичный, но твердый голос едва доносился сюда, напоминая негромкое журчание. Вздохнув, Дэвид повернулся на деревянной лавке, мечтая о том, чтоб его не беспокоили еще хотя бы десять минут. Голос супруги пробудил в нем приятные воспоминания.

Без супруги Эркарту очень не сладко жилось бы на этом свете. Конечно, он всегда имел приличный доход, на который можно было жить безбедно, однако только в эти последние годы Харриет Фортескью создала для него среди бурного моря жизни уютный островок доступных земных благ. Она мудро и рачительно распорядилась их средствами, следила, чтобы в доме всегда была чистота и вкусна еда, морально поддерживала мужа.

Дэвид долго боролся с жизнью в одиночку, он имел склонность к сплину, порой был подвержен приступам невыносимой слабости, однако, женившись, удивлялся тому, как он, закоренелый холостяк, легко привык к семейной жизни. Он очень ценил Харриет, ее заботливость, скромность и самоотверженность. На удивление всем и, главное, самому себе, Эркарт не мог не признать, что его поздняя женитьба на женщине, давно уже оставившей всякую надежду на замужество, оказалась необычайно удачной.

Он вспомнил свою первую встречу с Харриет. Она безвозмездно работала секретарем в одном из его «черкесских комитетов». Эта женщина принадлежала к среднему классу и выделялась скорее интеллектом, чем внешностью. Однажды Дэвид похвалил ее за хорошую работу, и до сих пор с удовольствием вспоминал, с какой благодарностью она взглянула на него, сказав, что считает это за честь для себя. Дэвиду понравились ее безупречные манеры, и взаимная симпатия стала основой взаимной любви.

Они были знакомы лишь шесть недель. И вот однажды после очередного заседания комитета, он сделал ей предложение. Они обвенчались в приходской церкви Риксмансуэрта.

Став хозяйкой в его доме, она первым делом разобрала его бумаги, и привела в порядок рабочий стол. Постепенно жена начала организовывать и планировать его работу: периодически писала ему маленькие записочки-напоминания, договаривалась о встречах на следующий месяц и т.д. Сам не очень привлекательный, если не сказать некрасивый, хотя и очень начитанный и набожный, Дэвид постепенно все привязывался к Харриет и вдруг однажды обнаружил, что ее невыразительная внешность, освещаемая внутренней красотой, становится для него все привлекательней и желанней.

Харриет подошла к двери и прервала его приятные размышления:

- Дорогой, тут к тебе мистер Ролланд и мистер Билз. Я усадила их в твоём кабинете, но сказала, что придется подождать до двух.

- Спасибо, Харриет.

- Я позову тебя. А пока отдыхай, хорошо?

- Хорошо.

У Дэвида не было ни желания, ни сил сопротивляться, и он тут же заснул.

Ему показалось, что прошло лишь несколько секунд, когда в дверь вновь постучали. Эркарт поднялся с лавки безо всяких усилий быстро окунулся в ванну с холодной водой, стоящую за у двери маленькой обделанной кафелем парилки. Если повезет, то теперь на несколько часов он избавится от боли и прочих неприятных ощущений.

Тем не менее, когда Дэвид оделся и предстал, наконец, перед Ролландом и Билзом, те поразились, как быстро ухудшается состояние человека, которого они всегда считали светочем и примером во всем. Дэвид Эркарт был болезненно худ: голубые глаза лихорадочно блестели, щеки ввалились, кожа была на лице была белой, как полотно, а от его мягких рыжих волос, которые и раньше не отличались густотой, остался лишь маленький смешной ободок на затылке. Из-за выступившей на лбу небольшой испарины он имел какой-то неестественный вид.

- Харриет угостила вас кофе... замечательно, - проговорил он голосом, сохранившим еще свое обаяние и удивительный тембр. - Итак, Эдмонд, насчет писем для последнего номера «Портфо-лио»... Полагаю, что именно это заставило Вас отправиться сюда, не так ли? Я собирался подвезти их в четверг, старина, так что не стоило, на самом деле...

Не беспокойтесь, Дэвид, - Эдмонд Билз, председатель Черкесского комитета в Лондоне, а также соавтор Эркарта по множеству политических памфлетов, потер руки и устроился поближе к огню. Он вел себя с чрезмерной веселостью, которая, впрочем, не могла обмануть его старых друзей и давних компаньонов.

- Мы хотели бы поговорить с тобой конфиденциально. Видишь ли..., - Билз согрелая руки, быстро глянул на Стюарта Ролланда, который был столь же долговяз, насколько сам Билз осанист, имел тонкие черты лица не в пример его крупным и был всегда гладко выбрит, тогда как лицо Билза покрывала густая растительность. Этим взглядом он словно бы советовался с ним, кому из них лучше сообщить Эркарту неприятное известие.

- Ну что там, друзья? Нечего ходить вокруг да около...

- Лапинский не послушал нашего совета, - коротко и мрачно проговорил Ролланд. - Он собирается приехать из Константинополя в Лондон с группой черкесов-делегатов. Сегодня утром мы получили сообщение об этом.

Дэвид тяжело опустился на стул рядом с Билзом:

- Я знаю. Но из этого не выйдет ничего хорошего.

- У нас есть ответ на петицию, которую они направили королеве в августе, - добавил Била. - Должен сказать, что упорство этих людей восхищает. Прочитать?

Эркарт снова поднялся. Он был из тех, кто не может усидеть на месте. Он принялся расхаживать по комнате, и Билз расценил это как разрешение прочитать ответ на августовскую петицию черкесов, полученный из министерства иностранных дел.

- Так... «Исполнено Эрлом Расселом... так... так... касательно поведения России в отношении Черкесии... так... так... так... Я уполномочен довести до вашего сведения, что Правительство Ее Величества не может вмешиваться в дела, о которых идет речь».

Эркарт поднял руки над головой в каком-то странном вычурном жесте:

- Они сыграли на руку министерству иностранных дел! Я вам предсказывал, каковы будут последствия. Просто ужасно, что эти люди должны будут получить такой ответ - резкий... как удар по голове. Прямое обращение к королеве дает парламенту возможность заявить, что «правительство не может вмешиваться...», будто отсылка Ее Величеством маленького любезного письма дорогому и далекому кузену, императору Российскому, есть дипломатическая акция, освобождающая их от ответственности...

- Хорошо сказано, - вымолвил Ролланд, также выглядевший очень расстроено. - Что мы можем предпринять, Дэвид?

- Кто эти прибывающие депутаты?

Ролланд надел монокль и заглянул в записную книжку:

- Хаджи Хайдар Хасан и Кустар Оглы Исмаил из Константинополя.

- Хаджи Хайдар! Я встречал его в Шапсугу. Это почтенный достойный человек. Печально, что ему выпало такое испытание.

- Не надеетесь уже ни на что хорошее, Эр-карт? Всем Вы всегда казались оптимистом...

Эркарт покачал головой:

- С годаптимизма все меньше, Эдмонд. Поэтому я изо всех сил старался заставить парламент внимательно отнестись к предательству Палмерстона...

Билз и Ролланд снова переглянулись. При всем их уважении к Эркарту, некоторые моменты всегда беспокоили их. Эта неизбывная ненависть к Пал-мерстону ни к чему не приведет и утихнет лишь тогда, когда один из противников ляжет в могилу. Это совершенно ясно.

Эркарт кружил по кабинету, глубоко засунув руки в карманы:

- Нам нужно сделать для черкесов все, что в наших силах, джентльмены. Давайте известим комитеты на севере, устроим поездку, проведем переговоры... По крайней мере, хаджи Хайдар и его спутник смогут кое-что понять о положении в Англии и ощутить сочувствие общества к их борьбе. Ведь наверняка все официальные двери в Лондоне будут закрыты для них. Вот увидите..., - он остановился у окна, мрачно взирая на раскисшие осенние лужайки и намокшие лавровые кусты своего сада. - Как только они приедут, приведите их сюда. Неплохо будет потолковать о прошлом. Но только чтобы полковника Лапин-ского я в этом доме не видел. Это ни к чему... Вы меня понимаете?

Ролланд согласился. Иногда он не мог понять, в чем, собственно, заключается болезнь Эркарта: то ли это паранойя в начальной стадии, то ли болезнь сосудов вследствие дипломатических трудов... Иногда ему казалось, что первое, и тут же, что скорее второе. Так было и сейчас, при обсуждении встречи черкесов.

- Хорошо, Дэвид. Им понравится Ваша парилка. Думаю, сначала сводить их пару раз в мой клуб, с Вашего разрешения....

- Армия и флот, Пэлл Мэлл? Им это придется по вкусу, - Эркарт снова повернулся к окну и, наконец, позволил себе быть довольным.

Когда посетители ушли, в комнату вошла Харриет. Эркарт взял ее за руку:

- Ты мне поможешь, дорогая? Нам надо будет договориться с представителями как можно большего числа комитетов... Нужно подсластить пилюлю - у меня печальное предчувствие, что эти люди уедут с пустыми руками. Неплохо было бы убедить их, что несколько высокопоставленных и хорошо информированных лиц - на их стороне.

- Хорошо ино^ормированных благодаря тебе, Дэвид, - сказала Харриет нежно. - А теперь, может быть, ты немного отдохнешь? Ты выглядишь усталым.

Жизненной целью и страстью Эркарта была борьба за справедливость. Любовь же Харриет вмещала и стремление к личному счастью, и желание делать добро людям. Она не любила думать о том, что произойдет, если ее муж когда-нибудь потеряет надежду. Она не считала, что ее присутствия достаточно, чтобы поддержать в нем жизненную силу, но знала цену своему влиянию на него, как знала цену и ему самому.

* * * * *

Эркарт был тронут видом двоих черкесов-посланников, которых привез к нему Стюарт Ролланд. Хаджи Хайдар был старшим из них, ему было лет шестьдесят, хотя в его волосах не было и намека на седину. Его спутник, Кустар Оглы Исмаил, был крепким пятидесятилетним мужчиной. Оба носили длинные бороды и предпочитали все время ходить в национальной одежде - черкесках, каракулевых папахах, мягких кожаных сапогах. На них были искусно отделанные пояса и кама. Хаджи Хайдар представлял шапсугов, а Кустар

Оглы - абазахов.

- Добро пожаловать! - воскликнул Дэвид Эр-карт. Он был искренне обрадован при виде столь яркого напоминания о его прежней жизни. Разрешите представить вам миссис Эркарт.

Харриет была само очарование. Эти грозные бородатые чужестранцы, вооруженные кинжалами, могли бы нагнать страху на обычную женщину. Ей же было приятно их видеть, и она отвечала на их природную учтивость и сдержанность простотой в обращении и хорошими манерами.

Гостей провели в скромную столовую. Им быстро удалось преодолеть сложности обеденного этикета. Горцы никогда в жизни не ели за одним столом с женщиной, но вели себя с большим тактом. Внимательно наблюдая за Харриет, все движения которой были намеренно замедленны, они благополучно освоились с европейской манерой еды. Естественно, предварительно она посоветовалась с мужем касательно меню: были поданы суп, жаркое, воздушный пудинг и сладкие кремы.

- Они просто прелесть, Дэвид, - тихо сказала она мужу через стол. - Ужасно, что министерство иностранных дел не устроило хотя бы одной официальной встречи с ними.

Дэвид перевел это замечание на турецкий для хаджи Хайдара, который ответил без обиняков:

- Я не удивлен. После нашей встречи с царем в Екатеринодаре мы поняли, что друзей у нас немного.

- Вы ведь не просили ничего сверхъестественного, - мрачно заметил Эркарт. - Вам нужно всего лишь право мирно жить на своей земле в обмен на признание власти русского императора.

- Да, но мы также просили его, чтобы все казаки были удалены из наших земель. Мы запоздали с этой просьбой, - за этими словами последовала небольшая пауза. Хаджи Хайдар ясно сказал о том, чего они больше всего боялись. Итак, Дауд-бей, сейчас в Черкесии проходит всеобщий меджлис. Мы избрали военный совет, призвали всех к оружию и провозгласили священную войну. У нас нет выбора. Или война, или насильственное выселение. Поэтому мы надеемся, что благородные англичане снабдят нас деньгами и убедят свое правительство оказать нам помощь.

- Послушайте, - Дэвид уже не впервые начинал этот разговор, - вы не должны возлагать слишком больших надежд на эту поездку. И должен извиниться, что не смогу поехать с вами. Мое здоровье... Я не могу ехать на север в это время года...

Хаджи Хайдар коснулся руки Эркарта, прерывая его:

- Конечно, конечно, мы понимаем, Дауд-бей. Но мы должны поступить так, как считаем правильным. Вы всегда были нашим преданным союзником. Мы только надеемся, что англичане не дадут Российской Империи властвовать над нами. Вы знаете, что это несправедливо, мы тоже это знаем. Благородные англичане к нам прислушаются. Теперь, если можно, мы бы хотели лечь спать. У нас был тяжелый день...

- Харриет проводит вас, - Дэвид объяснил все своей жене, и она увела гостей.

Эркарт сидел один за скромно сервированным столом и размышлял о собственных великих планах, о том как он мечтал завоевать славу для своей страны, победу для Турции и Черкесии. Он знал, что у него есть «дар предвидения», как это называли другие. Главным для него всегда была справедливость. И именно справедливость заставляла хаджи Хайдара говорить так, как он только что говорил. Однако Дэвид Эркарт знал и то, что его соотечественники устали от войны, и то, что для большинства из них Кавказ слишком далеко от Англии.

Тем не менее, Эркарт недооценил энтузиазм двоих черкесов. Они поездом отправились в Шотландию, посетив сначала Данди, затем Эдинбург, потом поехали на юг через Шеффилд, Ньюкасл, Престон, Манчестер, Маклсфилд и Лидс. С самого начала этого путешествия английская пресса воспылала симпатией к экзотическим джентльменам. Эркарт, Ролланд, Билз и другие члены черкесских комитетов по всей Англии, без сомнения, сделали многое

для гостей.

Дэвид следил за поездкой с огромным интересом. Он читал жене вслух то, что писала о его друзьях газета «Данди Эдвертайзер»:

- Ты только послушай, Харриет: «Оба вождя наделены необыкновенной внешностью. Их величественная осанка, романтические одеяния, их темные, мрачные, и в то же время, пронизательные ястребиные глаза, врожденное выражение спокойствия и собственного достоинства на лицах, - все это говорит, что перёд нами выдающиеся личности и заставляет задаться вопросом, как же получилось, что орды русских, прокатившись бесчисленными волнами к подножию Кавказских гор, вытеснили их с родины...» Или вот еще: «Волосы, цвета вороного крыла, черные бороды, широкие, черные как смоль брови вразлет...» О Боже, ну сколько можно! - Дэвид вздохнул. - Газетчики расписывают их так, словно это какие-то диковинные музейные экспонаты.

- Ты воспринимаешь все слишком буквально, - упрекнула его Харриет. Она вскрывала одно из писем, пришедших с утренней почтой. - Послушай, как это мило! Мне пишет переводчик хаджи Хайдара, юный Майкл. Он сообщает, что им безумно понравились пейзажи Йоркшира, и они остановились ненадолго, чтобы понаблюдать за пахотой.

Эркарт поднял глаза от газеты:

- Тамошняя местность должна была им понравиться.

- Да, Майкл пишет, что они попросили у фермера разрешения попробовать в работе невиданный ими плуг. Оба прошли с ним по очереди, и у них получилась превосходная борозда. Вот, почитай сам...

Дэвид прочел письмо своего ученика: - Они прекрасные земледельцы. Интересно, смогли бы они жить в Англии? - вяло спросил он. - У них на родине казаки сейчас собирают кукурузу, посеянную шапсугами. Выгодно, не правда ли? Достаточно въехать в опустевшую деревню, и через несколько недель поля сами начнут кормить тебя...

- Сообщения в прессе собирают людей на встречи с ними, дорогой, - мягко заметила Харриет. - В Эдинбурге их встретили особенно восторженно, и в конце концов им удалось собрать там более пятидесяти фунтов. Мистер Билз сообщил мне об этом с сегодняшней утренней почтой.

- Пятьдесят фунтов, - с горечью произнес Эркарт. - Это ничто. Абсолютный нуль. Сантименты и сотрясение воздуха. Лапинский поступил не правильно, толкнув их на эту поездку.

* * * * *

Очередную остановку посланники совершили в Престоне. Собрание должно было проходить в зале Зерновой Биржи - солидного старого здания, которое вовсе не было приспособлено для политических дебатов. Обычно здесь собирались мелкие фермеры в тяжелых ботинках, чтобы установить цены на зерно. Престонский черкесский комитет, как и другие, сумел организовать эту встречу, как и предсказывала Харриет. Зал был переполнен, оживленные разговоры эхом отдавались под высоким куполом. Белые стены с колоннами, скамьи из красного дерева и свинцовые переплеты окон не произвели впечатления на черкесов: архитектура различных общественных зданий, виденных ими за время трудного путешествия, уже начали сливаться в одно пятно. Их восхищали люди.

Принимая во внимание тот, факт, что первый черкесский комитет был образован Эркартом темным вечером 1854 года в маленькой комнатке одного из пабов Ньюкасла и объединил кузнеца, плотника и нищего слепца, ни один из которых ранее и в глаза не видел ни одного политического документа, то что происходило сегодня было более чем впечатляющим достижением. Сейчас только в северной Англии комитеты Эркарта насчитывали более трех тысяч постоянных членов, читавших его памфлеты и обученных искусной полемике; а общее число комитетов достигало полутора сотен. Но, конечно же, Эркарт не

был удовлетворен.

Один из членов престонского комитета, мистер Майрз, призвал собрание к порядку, как только черкесы в сопровождении Эдмонда Билза-и Стюарта Ролланда вошли в зал. Эркарт предоставил в их распоряжение в качестве переводчика своего знакомого студента, бегло говорившего по-турецки. Как всегда, появление горцев в полном национальном облачении вызвало оживленный обмен мнениями по всему залу. Быстро пересчитав в уме присутствующих, Эдмонд Билз, делавший заметки для Эркарта, определил, что в зале было около восьмисот, а может быть, и тысяча мужчин и женщин, преимущественно рабочих.

Мистер Майрз был типичным северянином с грубоватым добродушным лицом и громким голосом.

- Мне было поручено председательствовать на этом собрании, что я с удовольствием, и делаю, - сказал он. Его голос грохотал с такой силой, что присутствующие прекратили перешептываться и принялись внимательно слушать. - Надеюсь, каждый из собравшихся здесь готов протянуть руку дружбы угнетенным.

Это заявление было встречено оглушительными аплодисментами. Майрз снова поднял руку:

- Прошу тишины. Предоставляю слово мистеру Ролланду. Он ознакомит нас с вопросом, ради которого мы все здесь собрались.

Стюарт Ролланд пользовался неизменным успехом на подобных собраниях. Он оглядел аудиторию и определил, что в ее основную часть составляют несколько групп рабочих, многие из которых специально приехали из маленьких городов, чтобы увидеть черкесов своими глазами. Иквал аплодисментов обрушился на него после того, как он улыбнулся собравшимся в знак приветствия.

- Господин председательствующий, мужчины и женщины Престопа! Я вовсе не стремлюсь к красивым фразам, когда говорю вам, что ни разу в моей жизни я не был так потрясен, как сейчас. Теперь я должен объяснить, почему испытываю такие чувства, и почему каждый человек в этом зале должен быть взволнован так же, как и я.

- Правильно, правильно! - выкрикнул кто-то из задних рядов.

Своим красивым голосом, в манере, присущей выпускнику привилегированной школы, Ролланд изложил причины, по которым было устроено собрание. По мере того, как он говорил, голос его все больше и больше набирал силу. Он представил черкесов, рассказал их историю и сумел донести до слушателей всю сущность их драмы.

- Эти люди, численность которых меньше четверти населения Шотландии, безо всякой помощи извне смогли продержаться пятьдесят лет, не сдавшись и не отступив перед завоевателями. Прежде чем я перейду к истории их борьбы, позвольте мне попросить переводчика, чтобы он занял место рядом с ними и спросил их, почему они здесь и в чем состоят их беды.

Когда молодой студент наклонился к хаджи Хайдару, чтобы задать ему по-турецки вопрос, наступила полная тишина. В каждом уголке зала был слышен шепот пожилого черкеса, советуя-шегбся ему со своим спутником, в каких словах лучше выразить мысль. Затем он некоторое время говорил по-турецки со студентом, студент переводил Ролланду на английский и, наконец, Ролланд выпрямился и обратился к аудитории. Голос его звучал мощно и ясно. Слушатели замерли, и ему не надо было кричать.

- Я хочу сообщить вам их собственные слова: они чувствовали себя на грани отчаяния, насколько могут приблизиться к отчаянию отважные люди. Они день и ночь находились в огне, они чувствовали, как с каждым днем этот огонь подбирается к ним все ближе. Они искали путь к спасению. Они считали существующие в мире нации по пальцам своих рук. Они слышали об английском народе, что это великий народ, который всегда защищает угнетенных. Поэтому, их жены, дети и старики сказали им со слезами и стонами: «Вы должны отправиться к этому народу и попросить помощи для нас!»

Ролланд еще долго продолжал в том же духе. В письменном виде его речь заняла пятнадцать страниц, исписанных мелким почерком. Они были тут же тщательно переписаны

и отосланы его руководителю, которого всем так не хватало на этом собрании. Снова была пересказана вся история борьбы черкесов, начиная с предательства турок, и кончая судьбой шхуны «Виксен» и недостойным поведением лорда Палмерстона, союзника России.

Через несколько часов собравшиеся проголосовали, приняв решение, которое, как они надеялись, станет историческим. Они собирались направить петицию королеве, настаивая на выполнении условий Парижского договора, заключенного по окончании Крымской войны. Почему-то участники собрания были убеждены, что Парижский договор гарантировал черкесам суверенитет.

Петицию подписали тысяча четыреста двадцать восемь участников собрания.

* * * * *

Какой реальный вес могло иметь мнение менее двух тысяч человек в общем потоке официальной политики? В Лондоне Дэвид Эркарт читал протокол собрания, все больше раздражаясь. Он отметил, что полковник Лапинский вошел в зал в середине дебатов, но мудро уклонился от выступления. И хорошо сделал. Черкесы не выиграли бы, если бы в газетных отчетах их дело слишком явно было связано с интригами польских «солдат удачи». Это дало бы Палмерстону дополнительные основания отмежеваться от этого вопроса.

Что же касается Парижского договора, то он ничего не гарантировал черкесам. К тому же Россия с 1850 года вела борьбу за его денонсирование, причем довольно успешно.

Эркарт снова просмотрел протокол собрания в Престоне и отметил, что письмо, в котором он объяснял свое отсутствие, не было зачитано. Не удивительно. Оно не соответствовало общему и вполне объяснимому настроению благородного негодования и романтического сочувствия, которое горцы неизменно вызывали во время своей поездки по Англии. Харриет была права: ради хаджи Хайдара он должен был удовольствоваться и этим.

Он взял со стола копию своего престонского послания и пробежал несколько абзацев, где речь шла еще об одной дипломатической уступке, совершенной его главным противником и объяснявшейся тем, что Палмерстон, стараясь сохранить расположение Александра II не хотел «раскачивать лодку»:

«Принимая во внимание все, изложенное выше, вы сами сделаете выводы, однако любого здравомыслящего человека эти исследования не могут не привести к иной точке зрения, кроме той, что могущество Британии, обеспеченное стекающимися в ее казну налогами, заработанными гражданами страны в поте лица, становится средством ликвидации независимости других народов, что, в конечном счете, приведет и к потере вашей собственной независимости, если сам народ вовремя не приложит усилий к тому, чтобы контролировать действия властей...»

Другими словами, если англичане не проявят бдительности, Палмерстон и ему подобные будут всю тратить деньги налогоплательщиков на финансирование военных авантюр. Поддержка захватнических намерений России по отношению к Черкесии приведет и к падению Турции. Это откроет России прямой путь на Персию, навсегда изменит соотношение сил на Востоке. Вот почему даже идеалист и гуманист Александр II, был готов и дальше бросать людей в эту драку.

Прохладные ладони Харриет легли ему на глаза:

- Достаточно на сегодня. На следующей неделе посланники вернутся в Лондон, и у тебя должно будет хватить сил добраться до города.

Дэвид взял ее ладони в свои:

- Не знаю еще сколько я смогу выдержать.

- Зато я знаю. Нам нужно уехать. Нужно вернуться в Мелезес... Тебе ведь было там так

хорошо прошлым летом, правда?

Дэвиду сразу представился скромный шале в тихой уютной Швейцарии. Действительно, там было чудесно: альпийский рай, подобно Кавказу, зажатый меж могущественных держав... пока еще мирный. Почему бы и нет...

- Тсс! Дэвид! Когда ты думаешь так громко, я почти слышу твои мысли! - проговорила Харриет, пытаясь подбодрить его, и взяла престон-ское письмо из дрожащих рук Дэвида.

* * * * *

Стюарт Ролланд, Эдмонд Билз и посланцы встретились с Эркартом в помещении Черкесского комитета в Ист Темпл Чемберз, на Уайт Фразз, что в лондонском Сити. Здесь же находилось «Издательство свободной прессы», где Эр-карт выпускал номера своего «Портфолио» который столь успешно выходил все эти годы. Дни его жизни проходили в пыльных конторах, которые периодически менялись. Правда эта, нынешняя, была еще и холодной.

Атмосфера свидания была, мягко говоря, не очень радостной. Положение усугубляло и присутствие полковника Лапинского, а также еще одного поляка - Мазурского. Они оба представляли собой тот тип поляков-эмигрантов, которые всю жизнь проводят в дороге между Лондоном и Парижем - в этих городах находились штаб-квартиры движения сопротивления против России.

Как обычно, Эркарт сумел на людях запрятать свои личные переживания поглубже и принять деловой вид. Лишь Харриет умудрялась иногда подмечать его слабость, но и то нечасто.

- Полагаю, что и не следовало надеяться на какой-либо положительный официальный ответ, - Эркарт говорил сдержанно. - Но, в любом случае, мы должны быть очень благодарны за материальную поддержку, поступившую из столь многих источников. Мы должны решить, как распорядиться этими средствами с наибольшей пользой для Черкесии. Есть какие-либо идеи, джентльмены?

Он мог поклясться, что поляки будут едино, душно высказываться за отправку на Кавказ еще одного судна с оружием и отрядом добровольцев. Действительно, полковник Лапинский сразу же предложил этот вариант.

- Устроим еще одну польскую экспедицию? - начал он. Лапинский немного говорил по-турецки, и сам принялся объяснять посланцам, о чем идет речь.

Эдмонд Билз, некогда служивший адвокатом, смотрел на вещи более политически:

- Дэвид, а как насчет еще одной «Виксен»? Мы могли бы снарядить еще одно судно для отправки наших гостей домой и загрузить его военным снаряжением! Еще разок прорвем блокаду...

- Я не думаю, что у нас есть на это средства, - быстро отрезал Эркарт.

Однако Лапинского уже было трудно уговорить:

- Почему бы не совместить эти планы, джентльмены? Снарядить корабль и перевезти на нем добровольцев! Господин Эркарт, если вы обеспечите корабль, мы подготовим добровольцев и груз.

Ролланд проницательно посмотрел на него:

- Мне кажется, идея неплохая. А что думают об этом сами черкесы?

- Они разочарованы официальным ответом правительства, но с благодарностью примут любую помощь, - быстро ответил Лапинский.

Дэвиду не нравилось, что полякам удастся манипулировать черкесами, навязывать им свои

взгляды. Он подошел к посланцам и сел рядом. Эркарт говорил негромко и быстро на великолепном турецком языке, так что Лапинский, сидевший по другую сторону от хаджи Хайдара, едва ли уловил и половину сказанного:

- Послушай меня, хаджи. Если вы согласитесь на это предложение, то можете лишь повредить себе, связавшись с личностями, которые, преследуя собственные эгоистические интересы, неизбежно попадут в руки русских. Если вы рассчитываете на помощь, то она может прийти только из Турции. Но в этом случае вам нужно будет сделать так, чтобы Турция захотела вам помочь. Только так, - он нагнулся ниже, и на лице его появилось теплое, дружеское выражение. - Хаджи Хайдар, посмотри на это дело так: Турция похожа на старца, опирающегося на палку, которую грызут крысы. Так вот: Черкесия - это палка, русские - это крысы, и на их стороне вся Европа...

Хаджи Хайдар по-черкесски посоветовался со своим спутником Кустар Оглы Исмаилом. Однако, слушая их эмоциональный разговор, Эркарт начал понимать, что невозможно отнять у них эту маленькую надежду. Поляки на Кавказе преследовали свои интересы: наступление на русских стало бы важным маневром, отвлекающим силы России от их родины - поэтому поляки так рьяно рвались в бой. Однако и черкесам хотелось хоть что-нибудь предпринимать. Если не поддержать их конкретными действиями, они вернутся домой в отчаянии.

Эркарт посмотрел на Билза:

- Ты как считаешь? Билз энергично закивал:

- Обеими руками «за».

Стюарт Ролланд выразительно посмотрел на Дэвида, и трое англичан отошли в сторону для приватной беседы:

- Я понимаю твои опасения, Дэвид. Тебе хочется, чтобы черкесы смогли избежать тех опасностей, которых не миновала Польша: внутренний раскол и чрезмерная вера в правительства европейских держав. Но сейчас ситуация иная, не так ли?

- Иная? В силу того только, что племена собрали военный совет? Боюсь, что сейчас уже слишком поздно убеждать западные державы в том, что черкесы способны на согласованные, скоординированные действия. Ты помнишь доклад Далглиша для министерства иностранных дел, составленный после Крымской войны? Даже моего старого друга Сафар-бея встретили очень недоброжелательно, враждебно во время его поездки к шапсугам и бжедугам. Боюсь, что этот злополучный доклад, направленный нашему послу, до сих пор не забыт.

Билз кивнул:

- Да, я тоже слышал некоторые комментарии на этот счет в парламентских кулуарах. Парламентарии убеждали друг друга в том, что черкесский вопрос - исключительно внутреннее дело Российской империи...

Эркарт погрузился в размышления. Хаджи Хайдар и Кустар Оглы Исмаил по-прежнему были поглощены беседой. Полковник Лапинский и его польский друг присоединились к ним, подбадривая и обещая помочь войсками, которые они могли бы переместить из Парижа в Константинополь. «Кто я, в конце концов?» - думал Дэвид. - «Разве я не свободный человек, живущий в свободной стране? Почему я должен отказать черкесам в этой последней попытке?» Он прекрасно понимал, почему не может всей душой поддержать этот план. Весь его ум, интуиция, предвидение подсказывали ему, что полное покорение черкесов - вопрос всего лишь нескольких лет. И эта уверенность лишала его жизненных сил.

- Ну что ж, джентльмены, - начал он, и в его речи никто не мог бы услышать ни малейшего намёка на его сокровенные опасения, - Давайте надеяться, что теперь ситуация коренным образом изменилась. Все племена объединились, ведь на карту поставлено само их существование. Именно поэтому мы должны сделать все, что в наших силах, чтобы помочь им.

Хаджи Хайдар обратился к Дэвиду через всю комнату по-турецки:

- Значит Вы согласны, не так ли, Дауд-бей? - лицо его было мрачно. Возможно, этот

мудрый старик угадал мысли Эркарта.

Они были совершенно разные. В Дэвиде Эркарте все же всегда была какая-то сухость, несмотря на его пламенную любовь к Турции, исламу и, конечно же, к Черкесии. Сейчас хаджи Хайдар видел, как этот человек буквально угасал у всех на глазах. Сам хаджи Хайдар был старше Эркарта, но гораздо бодрее, решительнее, энергичнее. Может быть, беда Дауд-бея в том, что у него слишком много неба в голове и недостаточно земли под ногами? У него нет той горячей любви к своей родине, какую испытывают хаджи Хайдар и Кустар Оглы Исмаил. Его рука никогда не держала плуга. Он никогда не проводил по земле прямой, как стрела борозды.

- Мы благодарим вас, Дауд-бей. Теперь мы вернемся в свою страну, увозя прекрасные воспоминания.

Хаджи Хайдар и Дауд-бей обменялись жестами прощания и взаимного уважения. По своей давней привычке, которую он перенял у турков, Давид Эркарт никогда никому не пожимал руки. Он верил в равенство всех душ и всегда соблюдал дистанцию.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Возвращение Нахо домой пришлось на лучшую пору - осень, когда долины Кавказа наполнены жужжанием пчел и голосами птиц, когда так вкусны сочные плоды деревьев и кустарников. Это было время сбора урожая, но сейчас в этих краях работала лишь одна зловещая жница - смерть. Он оставил позади, на берегу Черного моря, страшную картину уничтожения, он возвращался домой ни с чем. Его преследовали кошмары. Они являлись к нему зловещими призраками, превращая это путешествие в тяжелое испытание. В одиночестве, звездными ночами, Нахо боролся с демонами, терзавшими его душу.

Многие его родичи прошли этот путь с надеждой. Сколько раз он слышал предания о том, как его славные предки путешествовали по этим высокогорьям: прадедушка Ахмет проехал этой дорогой от Кубани до высоких лесов Чечни. Тогда ему едва исполнилось восемнадцать и он был совершенно никому не знаком в этом краю. Потом, много лет спустя, его дедушка Казбек, будучи совсем маленьким, совершил свое романтическое, полное загадочного очарования, путешествие: путь его пролегал от долины Терека до двора Крымского хана. Казбека выбрали товарищем Аслана, сына хана Гирея, на время их обучения у кабардинского аталика. Рассказ об этом событии Нахо воспринимал всегда как волшебную сказку, одну из тех, что частенько слушал, сидя у дедушки на коленях, и это отношение не изменилось до сих пор, когда временами Казбек дополнял свой рассказ новыми свежими деталями, выплывающими из глубин его памяти.

Казбек совершал и другие переезды: ему пришлось ехать в Шапсугу после того, как он страшно отомстил убийцам своего сына. Казбек прославился как яростный борец за свободу. Потом он привез обратно, в деревню Хапца, своего брата Азамата, от которого столько лет не было вестей. Они не успели застать в живых своего отца, чтобы как следует попрощаться с ним. Каждый раз, вспоминая о дедушке, Нахо прищипывал коня: он сильно волновался о Казбеке. Въехав в деревню, Нахо заметил, что старик сидит на террасе своего дома в белой черкеске с наброшенной сверху своей любимой джадуг - толстой овчинной шубой, и в белой папахе на голове. За то время, что Нахо отсутствовал, его борода еще ярче засверкала белизной. При приближении внука Казбек не поднялся на ноги, так как еще издали заметил, что Нахо едет один и ведет за собой двух вьючных лошадей. Он сразу понял, что все это значит.

Нахо спешил и устало плюхнулся на землю у дедушкиных ног.

- Прости меня, Тхамата, я сделал все, что мог, но Аслан не позволил мне остаться с ним...

Казбек протянул вперед свою старческую, но еще такую сильную руку: она шумно порхнула вперед, словно крыло птицы. Старик коснулся светлых волос Нахо, упругих под его пальцами.

- Так-так... Они отправились в Турцию?

- Думаю, что так, дедушка, - голос Нахо звучал неуверенно: он вполне допускал, что Хаджи Даниль и его жена могли умереть во время трудного перехода, или где-нибудь на берегу или даже в вонючем чреве этого корабля мертвых...

- Сначала Аслан хотел плыть за ними с людьми из племени убых... потом передумал и решил присоединиться к оставшимся шапсугам и воевать вместе с ними, - вдруг Нахо почувствовал, что не может больше хранить свой секрет. - Дедушка, я должен тебе кое-что рассказать. Вот послушай. То, что я видел, не должно произойти ни с кем из нас...

Нахо кратко, но не упуская ничего важного, поведал Казбеку о жестокостях, творящихся на побережье.

Конечно, Казбек и раньше встречал такое: человека охватывает желание умереть, когда уже незачем жить. Он наблюдал это в Чечне после казачьих налетов на аулы, когда в живых оставались лишь старики. В этом было что-то поразительное, что-то величественное, когда столько человек, как один, решают покинуть сей мир. Массовое самоубийство, - последнее средство защитить правое дело, предпочесть смерть, но не рабство. Аллах благословляет этот выбор. Но только если это последнее средство. Здесь, в Кабарде, дела обстояли иначе.

- Ты сделал все, что мог, - смиренно проговорил Казбек. - Я буду молиться за то, чтобы Хаджи Даниль соединился со своей семьей. Если уж не здесь, то там, где Аллах наградит их вечной радостью.

Нахо трясло ото всего увиденного и от усилий, которые он прилагал, чтобы не показать своих переживаний.

Казбек понял, что клятва, которой он связал Нахо, оказалась непосильной ношей для внука. В этих условиях, когда русская армия и казаки все больше ограничивали свободу каждого отдельного человека на Кавказе, нельзя уже было действовать на свой страх и риск. Он молился молча, прося Аллаха простить его за то, что требовал так многого от юноши. Казбек чувствовал, что это поездка навсегда оставит след в душе Нахо.

- Помойся и отдохни. Хорошо, что ты вернулся, Нахо. Твоя бабушка сильно болела: твое присутствие в доме пойдет Нурсан на пользу.

Казбек говорил спокойно. Усталые покрасневшие глаза Нахо готовы были наполниться слезами, но он сглотнул их с усилием и поспешил уйти, чтобы совсем не раскиснуть.

Казбек не зря волновался. Нахо медленно возвращался к обычному состоянию, однако энергия юности и непосредственность характера, свойственная ему раньше, уже не вернулись. Эти перемены сблизили Нахо с двоюродным дедушкой Анваром, темноволосым, угрюмым человеком, которому в юности обязательства перед семьей помешали осуществить заветные желания и стать воином, как Казбек. Счастливая семейная жизнь с женой Закиси, большое семейство и богатый табун лошадей - все это постепенно возместили утраченные мечты, и он вместе с Казбеком и Нахо добросовестно работал: заботился о табуне, присматривал за слугами в конюшнях, следил за полями.

Общество этого старика Нахо предпочитал компании своих сверстников. Он знал то, чего не знали они: он видел на своем коротком веку такие ужасы, от которых они были избавлены здесь; в деревне Хапца.

Нахо начал ощущать, что склонность к уединению, которая всегда была свойственна членам его семьи, стала подступаться и к нему. Ахмет всегда был для него образцом сдержанности, Казбек - мечтателем и великим воином. Такому воину было нелегко, хотя, возможно, и не столь мучительно, после убийства сына проводить долгие часы в размышлениях вместо того, чтобы жить активной жизнью. Анвар же был не таков. Он рано научился осознавать реальность, не раздумывая много и постоянно находясь при деле.

* * * * *

Шло время. Нахо всюду трудился в своем хозяйстве: на уборке урожая, в конюшнях, помогая управляться с жеребятами; следил за торговлей. Он был почтительным внуком, много времени проводил со стариками, Казбеком и - Анваром, и никогда не забывал зайти на женскую половину навестить бабушку Нурсан, которая стала так стара и слаба, что большую часть времени проводила в постели. Иногда, наблюдая, как она дремлет в неверном свете сумерек меж днем и ночью, Нахо пытался вообразить, что было бы, если бы кабардинцев заставили брести пешком невесть куда подобно шапсугам. Он вглядывался в величественное лицо Нурсан, некогда самой прекрасной женщины Чегемской долины, и в нем поднималась горячая удушливая волна. Там, на прибрежном песке, он видел тела столь же хрупких и столь же красивых людей... Гяурам нет дела до чужих жизней. Ему начинало казаться, что его собственная жизнь здесь - нечто нереальное, искусственное,

ненастоящее. Нахо не мог отделаться от чувства тревоги: ведь он видел, что случилось с западными адыгами и движением сопротивления Шамиля - на востоке. Здесь, в Кабарде, они платили выкуп, шли на компромиссы и уступки. Другого пути выжить у них просто не было. Их табун славился по всей Кабарде. Принимая во внимание то, что русская армия стала наращивать свою численность для нанесения последних ударов по мятежным племенам, можно было предположить, что сейчас русским потребуется гораздо больше местных лошадок.

Возможно, именно близость гяуров явилась причиной его постоянной подавленности, уступчивости, нежелания завести роман или предаваться иным развлечениям юности. Он не мог забыть о том, на что способны русские.

Нахо все больше времени проводил с бабушкой Нурсан. Было ясно, что она не дотянет до конца зимы. После тяжелой дневной работы Нахо заходил в ее маленький домик и, если она позволяла, терпеливо сидел у ее ложа. Они не могли вести долгих бесед.

- Нахо? Нахо? - Нурсан уже не открывала глаз. Она протягивала руку вперед и нежно гладила его лицо. Потом ее рука падала на грудь и Нурсан отдыхала с улыбкой на лице. Присутствие Нахо успокаивало ее и старуха легко погружалась в сон.

Однажды, вскоре после Нового года, Нахо, как обычно, зашел к ней и увидел Казбека в передней домика Нурсан. Он сидел спокойно, держа в руках одну из вышитых женой накидок. Очевидно, он не слышал, как вошел Нахо: слух все больше изменял ему. Глаза Казбека были закрыты, он молился... Или Нахо это только показалось. Юноша немного подождал, чтобы не испугать дедушку, не нарушить ход его размышлений.

Казбек поднял накидку к лицу и глубоко вздохнул. Он улыбнулся, и глаза его открылись. Наконец он заметил Нахо, поднял к нему свое лицо, которое не выражало ничего, кроме облегчения. Сначала Нахо не мог понять, в чем дело. Его дед казался юношей - он словно держал в руках изумительной красоты розу, он словно только что вдохнул ее чудесный аромат, впитавший тепло солнечного дня. Старики все еще испытывали друг к другу трогательное чувство любви и привязанности.

- Она покинула этот мир, Нахо, - сказал Казбек. - Слава Аллаху... Он послал ей избавление. Они не стали говорить о том, от каких страданий была избавлена Нурсан.

Похороны прошли тихо. Нурсан упокоилась рядом с Цемой и Ахметом, недалеко от могилы своего убитого сына Имама. Теперь семья было почти в сборе. Нахо взглянул на Казбека: его дед смотрел на могилу со страстным желанием... Нахо был уверен, что это вовсе не плод его собственной фантазии. Как же он устал, этот старик...

* * * * *

Весной Нахо погнал большой табун лошадей во Владикавказ - они были предназначены для конюшен русской армии. Владикавказ стоял в Дарьяльском ущелье. За годы своего существования это небольшое когда-то поселение разрослось в крупный светливый город с широкими улицами. Небольшие скверы и постройки в европейском стиле придавали опрятный вид этим некогда грязным и убогим дорогам. Однако, в истинном предназначении города невозможно было усомниться. В его застройке преобладали казармы - длинные белые строения с тщательно выбеленными стенами. На улицах можно было видеть множество военных. Здесь в состоянии постоянной боевой готовности жили сотни русских солдат и казаков.

Нахо и его помощники доставили табун лошадей к армейским загонам. Унтер-офицер, охраняющий конюшни, велел ему подписать документы у дежурного офицера.

Нахо направился в штаб. Он был озабочен только тем, чтобы скорее справиться с умами и пуститься в обратный путь засветло. Однако дежурный офицер задержал его:

- Ты из Хапца, правильно?

- Да, господин, - вежливо ответил Нахо, избегая, впрочем, смотреть в лицо капитана. Он сделал вид, что разворачивает свои документы.

- Пройди сюда. Нахо удивленно взглянул на него:

- Зачем? Русский уставился на него:

- Пройди сюда, - повторил он, словно объяснения были бы чем-то совершенно неуместным.

Нахо был препровожден в кабинет офицера более высокого ранга. Судя по обстановке, ранг этот был очень высок. Увидев хозяина кабинета, сидящего за полированным столом красного дерева, Нахо догадался, что это командир гарнизона. Он был высокого роста, светловолосый, в форме генерала русской армии. Генерал был погружен и чтение какого-то отчета и что-то исправлял в нем.

- Ваше превосходительство, - обратился к нему капитан, - Это некий Нахо, из Кабарды, с Терека. Он только что доставил нам сорок лошадей, как и предусмотрено договором. Вы хотели сами подписать платежное свидетельство, Ваше превосходительство?

- Да, вернее, я хотел встретиться с Вами, молодой человек - генерал встал, вышел из-за стола и подошел к Нахо. Он протянул ему руку - необычный жест. - Добро пожаловать к нам. Я генерал-майор Кундуков. Знаком с вашим дедом. Как он себя чувствует?

Он говорил по-русски бегло, но с каким-то акцентом. Сам Нахо хорошо говорил по-русски, но не настолько, чтобы определить происхождение своего собеседника. Однако у него было чувство, что русский - не родной язык для генерала. - Неплохо, - сдержанно ответил юноша. Он смотрел на собеседника ровным и открытым взглядом своих голубых глаз, но взгляд этот был холоден, - с ним все в порядке. Спасибо, что спросили, генерал.

Кундуков обратился к адъютанту: - Подготовьте документы, капитан. Велите денщику приготовить настоящего кавказского чая. У меня особый случай - встреча с внуком Казбека. Капитан удалился, покосившись на Нахо, и тот понял, что он относится к этому проявлению дружелюбия с недоумением и крайне неодобрительно.

- Прошу, Нахо, садитесь. Пока готовят Ваши бумаги, мы побеседуем.

Кундуков вернулся на свое место за столом, а Нахо, после некоторого колебания, сел напротив него. К его удивлению, генерал бегло заговорил с ним по-черкесски:

- Я Кундук Муса, - губернатор Терского края. Да, я говорю по-черкесски, но по происхождению я осетин. Мой отец был алдар - благородный осетин из Тагаура - это к северу от Дарьяла. У тебя были затруднения, когда ты перегонял сюда лошадей?

- Нет, Тхамата, - ответил Нахо, инстинктивно употребив вежливую форму обращения к старшему - Кундуков годился ему в отцы. - Мне помогали наши кабардинские конюхи.

Кундуков откинулся назад, довольно улыбаясь. Теперь, взглядываясь, Нахо обнаружил, что это был типичный представитель своего племени: высокий, светловолосый, с удлинёнными чертами лица. Осетины (аланы) были древним горским народом, чьи земли лежали к югу от Кабарды, в высоких горах, окружающих Владикавказ. Говорили они на персидском языке. В прежние времена они строили у себя в горах необычно высокие башни - укрепленные жилища, и подобно своим соседям, чеченцам, считали домашний очаг священным. Как и часть кабардинцев, некоторые из осетин были христианами. У них были также древние обычаи, свидетельствующие о том, что когда-то все они исповедовали христианскую религию. И подобно кабардинцам, они были покорены русскими.

- Лошади твоего деда славятся по всему Кавказу, - говорил Кундуков. - Даже в наших краях, те, у кого есть кабардинская лошадь из Хапца, гордятся этим.

Принесли чай. Денщик Кундукова налил из красивого серебряного самовара чаю для гостя. Нахо был несколько озадачен.

- Скажи-ка, Нахо, - продолжал Кундуков, словно не замечая, что его собеседник ведет себя сдержанно, чтобы не сказать холодно, - как кабардинцы с Терека относятся к переселению в Турцию? В мусульманскую страну? «Бейт а. Ыв. Ислам», как говорится?

- Дом Ислама..., - пробормотал Нахо. Ему не хотелось говорить правду - он боялся обидеть русского офицера, к тому же, он не знал причин, по которым тот завел с ним этот

разговор.

- Говори, что думаешь, Нахо. Я спрашиваю тебя об этом не как русский генерал, а как мусульманин.

Это заставило Нахо ответить честно:

- Мой дед решительно против переселения. Я тоже так считаю, как и большинство кабардинцев.

Кундуков задумался:

- А ты уверен? Странно. А нам сообщают, что многие кабардинцы готовы переселиться, если им будут предоставлены хорошие транспортные средства. Так ты говоришь, что это не так?

Нахо охватили мрачные предчувствия. Он не знал, насколько может доверять этому человеку. Его собеседник не смог бы достичь столь высокого положения в русской армии, если бы не был предан русским душой и телом. В то же время, известно, что горцы никогда не переходят на сторону противника по-настоящему...

- Могу сказать вам, что думают люди у нас в Хапча, - твердо сказал Нахо. - Что касается остальных кабардинцев, о них я не могу судить.

Кундукову понравился этот ответ, и он стал откровеннее:

- Ага, значит, ты не знаешь. Так вот. Я сообщу тебе очень важные сведения..., - невольно он принял крайне самодовольный вид. - Я только что получил от командования поручение отправиться в Турцию для переговоров по поводу переселения туда черкесов. Оно коснется и моего народа - осетин, а также чеченцев и других мусульманских народов Кавказа. Понимаешь, не будет больше страданий для наших братьев - мусульман. Я долго и упорно добивался этого.

Нахо не верил своим ушам. Кровь ударила ему в голову. Видение сотен покрытых песком умирающих и уже мертвых вновь встало у него перед глазами.

Кундуков продолжал говорить дружелюбно, стараясь убедить своего собеседника:

- Вас война не коснулась, вы находитесь в безопасности у себя на Тереке, но другие черкесы повсюду на Кавказе, терпят страдания и гибнут ради того, чтобы соединиться со своими братьями- мусульманами в Турции.

Нахо инстинктивно покачал головой. Вовсе не ради этого...

Генерал продолжал:

- Ведь лучше организованное переселение, чем долгое ожидание и голод в портах и на станциях.

Но доброжелательная улыбка исчезла с лица Кундукова, едва он заметил холодный, не располагающий к общению взгляд Нахо. Юноша тут же понял это и отвел глаза. Ему было нечего сказать. Что может сделать маленький кабардинский поселок, если такова воля русских военных? «Организованное переселение»... Возможен двойкий исход захвата их земель: подчинение или изгнание. Но может быть, Кундуков пытается предупредить его? Тогда ему не следует вести себя так враждебно.

Вошел капитан с бумагами. Кундуков бегло просмотрел их, поставил подпись и передал Нахо. Разумеется, бумаги были лишь поводом для разговора.

- Ну хорошо, мой друг, - проговорил Кундуков со слегка двусмысленной интонацией. - Передай от меня привет дедушке. Поезжай сейчас мимо железнодорожной станции - и ты увидишь то, о чем я говорил. Капитан, проводите этого благородного кабардинца к казначею и проследи те, чтобы ему немедленно выдали деньги.

Капитан с любопытством взглянул на Нахо. Почему это генерал пожелал беседовать с этим молодым коневодом? Или хотел что-либо сообщить ему? Он мог предположить лишь, что Нахо - платный осведомитель высокого класса. Старательно откозыряв начальнику, капитан вывел «благородного кабардинца» из комнаты, двигаясь какой-то особенной пружинистой походкой.

- Не любишь таких типов? - панибратски спросил он.

- Осетин, что ли? Они не черкесы... Если Вы это имели и виду.

- Да так... удивительно... Я имею в виду, что Кундуков учился в Павловском училище... и все такое прочее. Быстро дошел до генерал-майора, но тем не менее., - капитан хмыкнул.

- Что удивительно? - Нахо не мог не втянуться в разговор. Капитан почесал нос.

- Его преданность. Нам всем хочется выжить. Ладно, закончим на этом, - он подмигнул Нахо и покинул его.

Вскоре Нахо нашел своих помощников, ожидающих его у кавалерийских конюшен.

- Поехали отсюда, - коротко сказал он. Нахо собирался ехать прямо домой, однако какое-то странное любопытство подталкивало его проверить, что таили намеки генерала. Он не мог поверить, чтобы чеченцы или осетины, а тем более, кабардинцы, согласились покинуть Кавказ добровольно.

Какой-то прохожий указал им дорогу. Быстро миновав переулочек, всадники оказались у железнодорожной ветки, проложенной по Дарьяльскому ущелью, мимо Владикавказа.

И тут Нахо стало страшно. Даже не десятки, а сотни, тысячи местных жителей стояли лагерем у полотна. Возле каждой семьи громоздились тюки со скарбом. Сверху на тюках сидели вялые ребяташки, другие играли и возились в грязных лужицах. Старики лежали, съезжившись, под тонкими одеялами. Осенью и зимой над Владикавказом всегда собирались тяжелые холодные облака, вот и сейчас, с наступлением сумерек грозил разразиться ураганный ливень. Переселенцы сидели под открытым небом: никакого укрытия, ни пищи, ни помощи, никакой заботы от тех, кто это устроил.

Эта чума расплзлась все шире. Всеобщая истерия, которую он наблюдал на западе, стала охватывать и жителей этого края. Они утратили веру в свое право оставаться теми, кем были, жить там, где они жили всегда. Неужели они действительно надеются, что вернуться к прежней жизни, покинув свои дома и отправившись к чужому незнакомому берегу?

, Но потом Нахо вдруг понял. Гяуры использовали идею «Бейт аль Ислам», чтобы избавиться ото всех этих нежелательных, бунтующих горцев. «Дом Ислама»... Неужели это возможно, чтобы заклятый враг России - Турция, приняла переселенцев с распростертыми объятиями? С какой стати? Ведь это обогатит Россию освобождающимися землями!

Нахо был растерян и очень испуган.

* * * * *

От Аслана не было вестей. Казбек пытался с помощью чеченцев-эмигрантов связаться с родственниками в Константинополе - с матерью Нахо Сатани, некогда вторично вышедшей замуж и осевшей там. Казбек так и не узнал, было ли получено его сообщение в Турции и вообще была ли у черкесов в Константинополе возможность наводить справки о недавно прибывших. Казалось, уже ничего нельзя сделать...

Несколько недель спустя в поселок Хапча заехал незнакомый черкес. Нахо работал в поле, когда этот человек, одетый в турецкие одежды благочестивого имама, подъехал к нему и спросил, как найти дом Казбека.

- У тебя есть новости для нас? - нетерпеливо спросил Нахо. - Мой дедушка будет так рад! Я отведу тебя к нему.

- Ага, а ты, значит, его внук? Нахо, не так ли?

Нахо сел в седло и кивнул, улыбаясь.

- Хвала Аллаху, ты симпатичный парень. Узнаю в тебе черты твоей матери, - гость, высокий худощавый человек лет около тридцати, с аккуратно постриженной бородой, дружелюбно улыбнулся Нахо.

Это замечание взволновало юношу: он не видел мать со дня ее отъезда, и у него сохранились лишь очень туманные воспоминания о красивой женщине с печальным лицом. Бабушка Нурсан всегда говорила ему, что он - копия своего убитого отца. То же самое говорил и Казбек. Нахо пустился галопом, раздумывая о таком противоречии. Возможно, дедушка с бабушкой говорили так, чтобы образ отца не угасал в его сердце.

- Меня зовут Тап Анвар, - представился незнакомец, - я не чужак в этих местах. Моя семья переехала в Стамбул с терской долины.

- Это совпадение, - вежливо ответил Нахо, не зная еще, как относиться к незнакомцу, но не решаясь из вежливости задавать вопросы.

- Я хаджи. . . Живя в Турции, я много лет изучал Коран и готовился стать имамом Хапца.

Нахо удивился:

- Имамом Хапца?!

Тапу Анвару не понравилась его реакция:

- Я чувствую, рядом с тобой не было святого человека, чтобы направлять тебя...

Нахо не ответил. Он вспомнил рассказы о мюридах, воевавших под предводительством Ща-миля, карательные налеты на кабардинские деревни, не пожелавшие участвовать в газавате. Он припомнил также, что его дедушка всегда говорил о больших заблуждениях турецких священников, ибо сказал Пророк: «Нет монашеств в Исламе...» Священники были призваны служить в мечетях, а не устанавливать законы.

- Нас направляют наши Хабза, - пробормотал Нахо, словно про себя.

Тап Анвар посмотрел на него долгим взглядом.

- Спасение в Аллахе, - проговорил он и потом добавил более будничным тоном, - турецкий султан - ваша последняя надежда на мирную жизнь.

К этому времени они уже добрались до дома Казбека, так что Нахо мог позволить себе не продолжать этого разговора. Юноша вошел внутрь, чтобы известить дедушку о приезде божьего человека черкеса - добравшегося сюда из самого Константинополя.

Казбек дремал на своем топчане, но тут же открыл глаза:

- Что-нибудь от хаджи Данила? Он ответил на мое послание? Зови этого человека сюда, Нахо, и вели слугам приготовить закуски.

Тап Анвар с торжественным видом вошел в комнату Казбека, и мужчины обменялись дружескими приветствиями.

- Хаджи.... Я удостоен чести посетить Ваш дом... Полагаю, вы знали мою семью, - Тап Анвар поудобней устроился на подушках и расправил полы своих шерстяных одежд.

- Тап Анвар? О, да. Ты, должно быть, сын Тана Хамида, который уехал в Турцию учиться...

Казбек вспомнил также, что Тап Анвар приходится родственником чегемским анзурицам - семье его жены Нурсан. Было так приятно встретить незнакомца, с которым, оказывается, его объединяет так многое...

- Хаджи... Я привез хорошие новости для Вашего внука. Его семья - я имею в виду новую семью его матери в Константинополе - процветает, - глаза Тапа Анвара блестели от гордости, когда он описывал роскошь богатых гостиных и внутренних дворишков дома мужа Сатани.

Он поведал, что Шамирза Омар очень преуспел при дворе турецкого султана, обрел влияние, положение в обществе, престиж.

- Я приехал сюда, чтобы убедить Вашего внука, хаджи, и Вас в том, что Нахо следует немедленно уехать в Константинополь. Он должен забрать с собой всю свою семью... Всех до одного. Там их ждет благополучие...

Нахо вспыхнул. В их семье не было принято обсуждать его положение холостяка. После всех перенесенных им трудностей, Казбек не хотел принуждать его жениться. Эта беседа казалась просто бестактной: он отнесся бы к ней именно так, если бы сидящий перед ним человек не был имамом.

Нахо посмотрел на дедушку. Как он и ожидал, старика начал обуревать гнев. Тап Анвар, очевидно, не замечал грозных признаков и продолжал рассуждать с очень самоуверенным видом, теребя пальцами свою холеную бородку, будто каждое его слово было откровением Божиим. Но только не в Кабарде, по крайней мере, не в терской долине!

- Вы сами, будучи хаджи, пожив в мусульманской общине, должны видеть все преимущества переселения. Здесь вы вынуждены слишком тесно

общаться с гяурами. Ваши обычаи разрушаются, - продолжал сладко петь Тап Анвар.

Казбек не мог больше сдерживаться. Он взмахнул своей клюкой и в ярости хватил этого святошу по плечу.

- Ты - осел! - рявкнул он. - Сын осла! - казалось, в его старых жилах вновь вскипела давнишняя неприязнь к чегемцам, сохраненная от юности. - Вон из моего дома! Я просто пристрелю тебя, если увижу еще раз!

Шатаясь, Казбек поднялся на ноги. Нахо вскочил, чтобы поддержать старика, который, взяв посох в более сильную руку, старался схватиться поудобнее, чтобы еще разок «попотчевать» элегантно священнослужителя. Однако Тап Анвар не был истинным мюридом, священником-воином. Это был лишь сладкоречивый говорун, привыкший сидеть, поджав под себя ноги, в уютной гостиной и наслаждаться собственной непогрешимостью. Он пулей выскочил из комнаты.

Нахо помог Казбеку вновь усесться на место. Старик тяжело дышал, жилы на его лбу вздулись и бешено пульсировали.

- Дедушка! Твой характер... твой яростный нрав! Когда-нибудь он погубит тебя. Отдохни, успокойся.

Нахо вытащил клюку из узловатых пальцев Казбека и ослабил его пояс.

- Нашему новому имаму надо еще многому научиться, - мягко проговорил он.

Он - кусок дерьма! - сплюнул Казбек. Грязь под ногами. Такие люди, как он, губят наш народ, ведут его к катастрофе.

Казбек схватил Нахо за руку и заговорил взволнованно, умоляющим тоном:

- Ты не будешь слушать этого негодяя, прав да, Нахо? Ты не должен и думать о том, чтобы покинуть свою страну, свою землю, свой народ!

Из глубины памяти Нахо выплыла сценка: он играет с маленькой собачкой у дома своего великого прадедушки Ахмета. Это одно из последних воспоминаний о матери... Мать стоит перед Ахметом и просит разрешения вновь выйти замуж, покинуть их селение на Тереке. Нахо запомнилось, каким грустным стал тогда старик. Нахо тогда по-своему, по-детски, был сердит на Шамирзу Омара за то, что тот увозит его мать и заставляет страдать старого Ахмета. Он не позволит, чтобы все повторилось вновь.

- Не волнуйся, дедушка, - сказал Нахо с какой-то новой ноткой решительности, твердости в голосе. - Я вовсе не собираюсь никуда уезжать. Но мне нужно пойти посмотреть, как там приезжий - все-таки не дело так обращаться с гостями! В самом деле, такой темперамент, в твоём возрасте, - он снисходительно улыбнулся Казбеку и поцеловал ему руку с искренней теплотой.

Нахо медленно вышел из дома. Настало время и ему пускать корни, подыскивать себе жену.

Казбек смотрел внуку вслед: походка юноши была решительной и упругой. Это согрело душу старика, но не уменьшило леденящего страха, который начал проникать в его жилы. Ему все время было холодно.

Нахо не сомневался, что встреча с Тапом Анваром оказала огромное воздействие на Казбека. Как выяснилось, этот священник совсем ничего не знал о местонахождении хаджи Даниля и не имел ни малейшего представления о том, как сложилась судьба первых переселенцев-шапсугов, доплывших до Турции. Его собственная жизнь в онстантинополе была сплошной чередой приятных бесед, научных изысканий и уединенной жизни в замечательном месте - медресе, расположенном в южной части города.

- Я извиняюсь за вспышку гнева моего дедушки, - сказал Нахо, провожая Тапа Анвара до границы поселка.

Тап Анвар выглядел сильно разочарованным:

- Я, разумеется, слышал, что Казбек пользуется у шапсугов славой отважного воина-повстанца. Ему, должно быть, очень горько. Эта война безнадежна, Нахо. Когда только черкесы поймут, что нужно прекратить эту бессмысленную борьбу против огромных сил гяуров и мирно поселиться среди братьев-мусульман?

Нахо долго смотрел под ноги, не зная, как лучше ответить этому неожиданному гостю. Сначала он готов был рассердиться на его речи, однако его личные переживания заставили вести себя иначе. Наконец, он прямо взглянул на своего собеседника:

- Ты видел мою мать и ее семью. Они счастливы в Турции? В самом деле счастливы? Она спрашивала обо мне?

- Конечно, спрашивала. Очень хочет встретиться с тобой, - сказал имам ободряюще. - Ты должен повидать ее, Нахо. Съездить хотя бы на время.

- Я не могу бросить дедушку прямо сейчас... Но я хотел бы поехать. Один генерал-осетин скоро отправится туда. Я мог бы присоединиться к нему, - слова Нахо звучали оптимистично. Он не стал добавлять, что сначала необходимо будет получить одобрение дедушки, что совсем непросто.

Мужчины расстались. Нахо поспешил домой, пытаясь представить, как выглядит сейчас его мать и как его могут принять в ее семье.

* * * * *

Подготовка к женитьбе почти полностью отвлекла его от мыслей о поездке. Казбек буквально ожил, когда Нахо объявил о своем внезапном намерении подыскать невесту. Закия с Анваром, а также, вся их многочисленная родня энергично занялись поиском достойных кандидатур.

Нахо собирался жениться вовсе не из-за любви. Он хотел многое доказать самому себе: чувство долга в нем было очень сильно. Он не мог чувствовать себя вполне счастливым, не выполнив этой обязанности. Он также понимал, что после свадьбы дедушка иначе отнесется к его желанию съездить в Турцию.

Нахо обрадовался, когда, наконец, семья князя Хапча заявила, что он может просить руки их двоюродной сестры из Мисосты, Дисы, живущей под их опекой во время обучения у аталика.

Диса происходила из семьи абрегов. Эта застенчивая девушка была на пять лет моложе Нахо. Женщины говорили, что она прекрасна, как жемчужина: темноволосая, светлокожая, хрупкая, кроме того, Аллах наградил ее светлым отношением к жизни. Она, как и Нахо, понимала, что этот союз двух фамилий, которые так сильно переплелись в прошлом, придется очень по сердцу старикам.

Нахо разрешили навестить Дису, лишь после того, как все формальности их помолвки уже были обсуждены. Казбек наблюдал с веранды, как его внук впервые в жизни совершает псалух - едет навестить свою невесту;

- В мое время все было не так, - проворчал он. - Мне пришлось сражаться за Нурсан...

Нахо взял в руки поводья своего замечательного черного коня и улыбнулся:

- Я знаю, дедушка. Эту историю о похищении невесты я слышал много раз.

- Но не от меня, - с достоинством промолвил Казбек.

- Нет. Бабушка рассказывала мне.

- Стало быть, ты знаешь, как надо вести себя? Что говорить? - Казбек выражался довольно бесцеремонно, но лишь оттого, что он вдруг почувствовал особую нежность к этому серьезному молодому человеку, у которого не было ни родителей, ни бабушки, способной дать ему добрый совет.

- Думаю, что знаю, Тхамата. Диса ведь не совсем чужой нам человек, сам знаешь.

- Ну тогда поезжай.

Нахо поехал на берег Терека, где, как ему сказали, Диса собирает ягоды с несколькими родственницами. Увидев приближающегося Нахо, остальные женщины отошли в сторону. Диса была удивлена и немного смущена такой прытью своих подруг, оставивших ее один на один с поклонником: по правилам они должны были находиться рядом и опекать ее, если кто-либо из юношей захочет засвидетельствовать ей свое почтение.

Нахо улыбнулся своей невесте:

- Я, кажется, пользуюсь некоторыми привилегиями! - пошутил он, чувствуя, как нервная дрожь пробирает его с головы до ног при взгляде на эту голубоглазую, темноволосую красавицу.

Он видел, как росла Диса, большая часть ее жизни прошла у него на глазах, но сейчас Нахо казалось, что перед ним стоит прекрасная незнакомка. Он указал на ровную, нагретую солнцем скалу, нависающую над берегом реки - там они могли бы немного посидеть вдвоем. Диса смущенно согласилась.

Она сидела на изрядном расстоянии от него, однако не решалась взглянуть ему в лицо. Она была такой робкой: Нахо совсем забыл о том, насколько Диса еще юна.

- Полагаю, что эту любезность мне оказали не случайно: я могу спокойно поговорить с тобой, Диса, - сказал Нахо натянуто.

Не думаю, что для тебя это такое уж удовольствие, - жеманно и обиженно проговорила девушка. Ее очаровательные белые зубки блеснули меж алых лепестков губ. - Я знаю, что все желают нашего брака, но мне он казался бы еще желанней, если бы не был таким.., - она осеклась, боясь обидеть Нахо.

- Ты хотела сказать таким... «неизбежным»? - Нахо взял ее за руку, сердясь на себя за то, что интимные разговоры даются ему с таким трудом - ведь он годами старался избегать их. - Я достаточно взрослый, Диса. Мне пришлось немало передумать, чтобы решиться ухаживать за такой молоденькой девушкой как ты. Дома мне долгие годы не доводилось слышать щебетание сестер или голос матери. Я не привык к таким вещам. Но я обещаю: если ты согласишься выйти за меня замуж, я сделаю все, чтобы ты была счастлива. Но самый важный вопрос сейчас в том..., нежнейшим прикосновением губ он поцеловал кончики ее пальцев.

- В чем же? - робко спросила Диса.

- Ты действительно хочешь этого брака?

Нахо говорил так искренне и нерешительно, что Диса вдруг сама ощутила сильный прилив уверенности:

- Нахо, если мы поженимся, я стану как раз такой женой, какой ты хотел бы видеть меня. Ты будешь моим Тхамادا.

- Ну что ж, если ты согласна, я не остановлюсь ни перед чем, чтобы быть достойным тебя. Твое счастье, твое благополучие станут моей первой заботой.

Диса потупилась, глядя на свои туфли.

- Я очень рада, если это так, Нахо.

Девушка бросила быстрый взгляд на своих подруг, которые усиленно делали вид, что заняты ягодами, но на самом деле не пропускали ни одного жеста молодых людей, несмотря на то, что находились много ниже по течению реки.

Диса глубоко вздохнула:

- Тогда приходи свататься к моим родителям через несколько дней: не слишком рано, чтобы не выглядеть нетерпеливым, но и не слишком поздно, чтобы я не мучилась сомнениями от твоей нерешительности. Привези мне подарок. И не прикасайся ко мне на глазах других... Только наедине.

Нахо рассмеялся. Как ни юна была Диса, в ее голове явно гнездились планы, и это очень подняло настроение жениха.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

Нахо и Диса поженились через несколько недель после этой встречи. Обошлись без особых церемоний: время поджимало - Тапу Анвару удалось уговорить генерал-губернатора разрешить Нахо сопровождать его в Константинополь.

Тем не менее, все ритуалы были соблюдены надлежащим образом. Как и положено, девушки-подружки вывели невесту из родного дома. На Дисе было прелестное шелковое платье, украшенное по краям искусной вышивкой и ее лучшие драгоценности. На свадебном пиршестве гость-священник Тап Анвар не мог скрыть своей радости, глядя на эту пару и пророча ей прекрасное будущее.

- Я благословляю Нахо прямо с брачного ложа отправиться в чудесное путешествие, которое сулит ему новую жизнь, - заявил он. Да будет путь его удачен, и да привезет он нам хорошие вести из Бейт аль Ислама!

Юная Диса подняла голову и нахмурилась. Почему этот священник так озабочен тем, чтобы молодой муж сразу уехал от нее, да еще торжествует по поводу предстоящей им разлуки? Нахо прочитал ее мысли и крепко сжал руку своей нареченной:

- Не волнуйся. Здесь с дедушкой ты будешь чувствовать себя спокойно, а я вернусь совсем скоро. Кроме того, Диса, я накуплю там для тебя столько красивых вещей, что твое приданное заметно увеличится.

- Серебряную чайную посуду, ткань, шитую золотом, дамасские туфли, да, еще шелка для рукоделия..., - затараторила невеста.

Нахо рассмеялся. Ему всегда нравились ее рассуждения. Кроме того, Диса умела дожидаться подходящего момента, чтобы высказаться. Они оба привыкли к довольно скромной жизни, если не принимать в расчет сегодняшнее торжество, но Нахо считал, что его жена вправе требовать свое, если он оставляет ее сразу после свадьбы.

* * * * *

Через несколько недель генерал-майор Кундуков и Нахо отправились в Константинополь в сопровождении небольшого отряда конных казаков и двоих черкесов-разведчиков, задачей которых было ускорить их путешествие к порту Сухум-Кале, расположенному на побережье Черного моря.

Сначала осетин и кабардинец старались продемонстрировать друг другу собственную значимость, однако горы быстро уравнили и сблизили их. Нахо смог увидеть осетина с его лучшей стороны - тот предстал перед ним сильным и дисциплинированным воином, непреклонным представителем своего народа. Кундуков же нашел, что Нахо - сообразительный и честный юноша, и к тому же, бесстрашный наездник. Он частенько посылал Нахо вперед, чтобы его собственная лошадь могла следовать по тропе за спокойной кабардинской кобылой, неизменно выбиравшей самый удобный и короткий путь.

Дорога до моря была спокойной и заняла менее двух недель. Но погрузившись в Сухум-Кале на русский военный корабль, Нахо впал в уныние. Ему вспомнились те бесплодные усилия, которые они с Асланом предприняли, чтобы разыскать семью шапсугов, и тот кошмар, что предстал перед ними на пляже в Сочи. Порой Нахо казалось, что это видение смерти пригрезилось ему. Как не похоже все пережитое тогда на теперешнее спокойное путешествие, на эту чистенькую каюту, на своевременное прибытие в Галату, где их ждал и прекрасный причал в гавани, и встречающие его отчим и два незнакомых ему единоутробных брата. Поодаль стоял открытый экипаж.

Генерал Кундуков оглядел этих пышущих здоровьем кабардинцев, стоящих поодаль от

остальной толпы на галатском причале. Их сопровождали двое слуг в красных фесках с кисточками, которые держали в руках зонтики от солнца и опахала, чтобы отгонять мух. Один из кабардинцев, седой и внушительный, был явно каким-то сановником; двое молодых мужчин, стоящих рядом и очень похожих друг на друга, несомненно являлись братьями.

- Твои родственники? - спросил Кундуков Нахо.

- Как мило, что они пришли встретить тебя

Нахо улыбнулся: он почувствовал огромную радость, увидев встречающих, которые так выделялись изо всей этой пестрой толпы купцов, мелких торговцев, носильщиков и воришек, заполонивших причал.

- Один из матросов сегодня рано утром передал мне записку через лоцмана. Я должен буду покинуть вас, Тхамада.

- Встретимся через несколько дней, Нахо, и сравним наши наблюдения.

- Прекрасно.

- Надеюсь, ты услышишь хорошие новости...

Последнее замечание Кундукова не было услышано - Нахо уже закинул за плечи сумку с немногими взятыми в дорогу вещами, и спускался вниз по сходням.

Он не помнил Шамирза Омара в лицо, хотя и сохранил в памяти смутный образ человека, который несколько раз навещал его мать перед тем, как она уехала из Кабарды. Внешне Шамирза Омар уже не походил на типичного черкеса - живя в Турции, он располнел. Адыги, в силу своего образа жизни и традиционного питания, почти все были худощавыми мускулистыми людьми. Нахо удивило также и то, что Шамирза и его сыновья были одеты в турецкое платье - кафтаны и халаты с кисточками и шитой золотом оторочкой. Они больше не носили черкесок. Тем не менее, как только отчим заговорил с ним, Нахо почувствовал, что это хороший человек.

- Счастлив видеть тебя! Не надо было откладывать нашу встречу так долго. Если бы ты знал, как молилась твоя мать, чтобы приблизить эту минуту!

Он крепко обнял Нахо, затем познакомил его со своими сыновьями, Исмаилом и Бурханом. Невольно Нахо принялся отыскивать в их внешности семейное сходство, но вскоре понял, что у него очень мало общего с этими, мягко выражаясь, полноватыми людьми с белыми руками и безукоризненными красными чалмами на голове.

Нахо едва ли успел что-либо толком рассмотреть или расслышать в этом новом для него мире: открытый экипаж, куда они сели, стремглав помчался по узким оживленным улочкам портового района. Кожаные сиденья, скользкие от долгого употребления, нагрелись на солнце и издавали терпкий запах. От городского шума голова шла кругом. Нахо сразу оглох от звуков множества незнакомых языков, на которых все здесь, кажется не говорили, а кричали.

Как только они выехали из района Золотого Рога с его базарами, конторами, дворцами и двориками, мимо экипажа потянулись тихие улицы, обсаженные пыльными деревьями. Все вокруг было каким-то белым и сонным от дневной жары. Здесь стояли дома торговцев и банкиров, политиков и дипломатов, защищенные высокими заборами и крепкими ставнями на окнах. Среди них находился и дом Шамирзы Омара. От взглядов немногочисленных прохожих его скрывала высокая стена.

Ворота распахнулись, пропуская коляску. Дом был высокий, трехэтажный, выкрашенный светлой коричневато-желтой краской. За домом расположился квадратный дворик, где бил небольшой фонтанчик и был выстроен портик с колоннам, в тени которого можно было укрыться от жары.

Мужчины вышли из коляски - вокруг них тут же засновали слуги с водой, салфетками, прохладительными напитками и сменной одеждой. Сата-ни, мать Нахо, в это время отдыхала на тахте в своей комнате. Через несколько минут после приезда, Шамирза Омар повел Нахо на женскую половину через темные обставленные в сдержанном стиле, комнаты и отделанные радующей глаз светлой керамикой коридоры своего жилища. Он отдернул муслиновые шторы, чтобы Сатани могла лучше разглядеть приблизившегося к ней Нахо.

-О-о-о, - произнесла она тихим голосом. - У тебя светлые волосы, а Имам был такой темный...

Нахо смотрел в ее голубые глаза, точно такие же, как и у него. Все остальные черты показались ему поблекшими и постаревшими. Чувство разочарования, нахлынувшее на Нахо в этом мрачноватом доме и вызванное гнетущим ощущением замкнутого пространства, захватило его. С легким смущением смотрел он на мать. Всю жизнь он лелеял в душе призрачный, неясный образ богини, воплощенный идеал красоты и добродетели... И что же он видел теперь? Слабую, немолодую женщину...

- Я уже не надеялась увидеть тебя вновь, - ее голос дрогнул. - Я должна была уехать, понимаешь? Я ведь была так молода ...

- Хвала Аллаху, мама, - Нахо упомянул имя Божие, чтобы подчеркнуть свои добрые чувства к матери. - Имам Тап Анвар, Казбек и дядя Анвар - все шлют тебе привет, и смотри..., - он судорожно порылся в сумке и достал серебряную цепочку, завернутую в домотканый платок. - Моя жена Диса посылает тебе вот это в знак уважения и с наилучшими пожеланиями.

- Ты женился! - только теперь Сатани немного оживилась. Шамирза Омар помог ей сесть на подушках. - Из какой же она семьи?

В то время как Нахо рассказывал о родственниках Дисы, Сатани протянула руку и коснулась пальцами руки сына. Она все время кивала головой по ходу рассказа: никто и ничто не было забыто ею в Хапча за эти годы.

- Ты так долго не заводил семью. Я понимаю. Нам выпала трудная доля в этой жизни - и мне, и тебе, Нахо. И каждому было суждено свое: мне - уезжать, тебе - оставаться. Но послушай..., - она подалась вперед. - Омар - хороший человек, и он сделает все, чтобы помочь тебе сейчас. До меня доходят такие страшные слухи... такие страшные... Я хочу лишь одного: перед смертью быть уверенной в том, что ты благополучно ус троился.

- Но у меня и так все хорошо, мама! Тебе нечего волноваться. Наш табун процветает и...

Хрупкое тело Сатани напряглось от усилия. Муж быстро нагнулся к ней, чтобы помочь и на время отвлечь ее от волнующей темы, однако С бедная женщина слишком долго ждала этого дня и теперь не хотела терять ни минуты.

- Послушай свою мать. Будет еще хуже. Дай мне слово, что не лишишь своих детей отца, а жену не сделаешь вдовой, как это случилось когда-то со мной. Пока жив дедушка, пока ты не был женат, я так не волновалась. Но пробьет час Казбека и мой - тоже..., - она коснулась своей груди. - Вот тут, Нахо, я чувствую слабость...

Сатани несколько раз глубоко вздохнула, а» потом вдруг ее прорвало, и она разразилась речью, которую, видимо, твердила про себя все годы жизни на чужбине:

- Покинь же то проклятое место, дорогой сын. Видишь, у меня здесь хорошая семья, и всю жизнь я надеялась, что придет день, когда я смогу помочь тебе, и я воспитала своих мальчиков с мыслью, что однажды я попрошу их сделать это для меня. Аллах больше не требует от правоверных умирать там, на Кавказе. Неверные, гяуры, казаки... Пусть они получают это! Господь дарует тебе новую родину здесь, а то, чего не даст он, ты получишь с помощью моего мужа и сыновей.

- Ну довольно этого, дорогая! - проворчал Шамирза Омар и помог жене поудобней устроиться на подушках. - Прости, Нахо, но я настаиваю на том, чтобы дать ей немного отдохнуть. Нахо расстроено посмотрел на него, но Шамирза Омар сделал рукой утешительный жест.

- У вас будет еще время. Много времени, - прошептал он. - Сегодня она так разволновалась из-за твоего приезда. Подожди день-два - она успокоится, наберется сил.

Нахо почувствовал огромное облегчение. Вначале он был потрясен тем, что его мать показала совсем чужой ему немолодой больной женщиной. Но как только она заговорила, ее нежный голос перенес его в те давно забытые дни, когда она рассказывала ему сказки о нартах и о подвигах их предков таким же ласковым, певучим голосом, а он сидел у нее на руках.

Теперь, когда он вновь обрел мать, ему хотелось, чтобы она жила еще долго-долго.

* * * * *

Генерал Кундуков ожидал в приемной генерала Омара Паши. Турецкий военачальник был закаленным солдатом, с честью прошедшим Крымскую войну, а затем - Персидскую кампанию. Теперь его обязанностью была реорганизация турецкой армии и подъем ее мощи. Хотя Парижский договор и предусматривал нейтралитет на Черном море, а также гарантии безопасности турецкой торговли и портов, Турция все же нуждалась в хорошо подготовленных войсках для защиты с суши. Кундуков не очень высоко ценил среднего турецкого солдата, и считал, что Омар Паша взялся за безнадежное дело.

Наконец, Кундукова пригласили в хорошо обставленный кабинет. Всю середину его занимал огромный круглый стол, изысканно инкрустированный несколькими породами дерева. Повсюду горели тяжелые бронзовые лампы, так как ставни на окнах были закрыты, чтобы жара не проникла в помещение. Генерал Омар Паша величественно восседал за французским письменным столом из красного дерева, роскошно отделанным в стиле Людовика XV. Подобно многим военачальникам, он понимал, какой мощный эффект производит совершенно пустой стол. Он наводил на мысль о силе и, одновременно, о прекрасных организационных способностях своего хозяина. Итак, перед генералом Омаром Пашой простиралось пугающе чистое пространство, обтянутое дорогой марокканской кожей.

Турок беседовал, вернее, разглагольствовал о чем-то с двумя офицерами, стоявшими перед ним. Когда Кундуков вошел, оба офицера оглянулись. По их лицам и манере держаться, он сразу понял, что это черкесы. Те же, в свою очередь, были удивлены, увидев на генерале европейское штатское платье, а не русскую генеральскую форму, или черкеску.

Генерала Омара Пашу, казалось, позабавил такой наряд.

- Добро пожаловать, генерал, - произнес он вальяжно. - Перед Вами двое ваших соотечественников, которые служат в турецкой армии. Знакомьтесь: генерал Хусейн Паша Барзег и генерал Али Паша Сафар.

Они обменялись приветствиями. Кундуков узнал, что Барзег был из убыхов, а Сафар - из бжедугов - западных черкесов, недавно покоренных русскими войсками. Он слышал, что бои в долине Мцымты были длительными и жестокими. - Здесь, в Турции, много верных нам черкесов, - промурлыкал Омар Паша, откидываясь на спинку своего Кресла: так было гораздо удобнее, ибо огромный живот мешал ему дышать. - Мы всегда смотрели на наших кавказских соседей-мусульман как на братьев. Многие из них рады подчиниться султану, не так ли, Хусейн Паша?

Он обращался к одному из генералов - высокому сухопарому человеку со многочисленными шрамами на лице и изуродованной левой рукой. Несомненно, этот черкес не раз участвовал в рукопашных схватках с казаками и солдатами русской армии.

Хусейн Барзег говорил по-турецки с сильным акцентом, хриплым голосом, так что было просто невозможно определить, искренни ли его слова, или он просто отделяется общепринятыми банальностями. Его речь, напоминающая дребезжание, звучала монотонно.

- Разумеется, Ваше превосходительство. Мы все - братья в Исламе, - изрек он.

Его коллега Али Сафар долго и напряженно всматривался в Кундукова. Тот чувствовал, как глаза этого человека буквально сверлят его, и знал почему. Для этого черкеса он, Кундуков, олицетворял самое ужасное предательство: перешел на сторону русских, а, значит, был причастен к истреблению собственного народа. Али Сафар был тоже старым седым воякой, таким же долговязым, как Хусейн Барзег, однако ему, кажется, больше везло в баталиях: на нем не было видимых следов ранений. Кундуков обратил внимание на то, что, как только черкес начал говорить, его пальцы забарабанили по рукояти сабли с видом каким-

то особенно мрачным. Он сдерживался лишь усилием воли, и в его голосе звучала затаенная ненависть.

- Можно ли узнать, сколько продлится Ваш визит к нам? - его глаза сверкнули как отшлифованный гагат. - Не сочтите это за невежливость, - продолжил он, пытаюсь подавить в себе сильную волну раздражения, - я просто хотел бы пригласить Вас встретиться с другими черкесами, живущими здесь, в Константинополе.

Кундуков задумался над этими словами и странными манерами генерала. Али Сафар не внушал ему доверия, и Кундуков очень сомневался, что с его помощью он сможет получить полезные сведения. Они все равно не поймут, что он хочет своему народу только добра...

- Моя миссия уже почти завершена, причем, добавлю, успешно, - проговорил он, набычившись.

- Огромное спасибо Его превосходительству. - Кундуков поблагодарил генерала Омара Пашу уважительным поклоном. - Посмею воспользоваться Вашим гостеприимством еще два дня, чтобы встретиться с некоторыми осетинами здесь, в городе. Вы знаете, что я сам осетин и правоверный мусульманин, хвала Аллаху.

Омару Паше это очень понравилось: коренной житель Кавказа, находящийся на службе у русского царя, да еще правоверный мусульманин! Он чувствовал, что должен в полной мере воспользоваться этой ситуацией. Омар Паша посмотрел на Хусейна Пашу с откровенно довольной улыбкой:

- Буду счастлив, если Вы останетесь здесь так долго, как пожелаете, генерал, а мы простим Вам то, что у себя дома Вы носите русскую форму, не так ли, господа?

Генерал Хусейн Паша Барзег добродушно рассмеялся, генерал Али Паша Сафар попытался сделать то же самое, но закашлялся.

- Простите, Ваше превосходительство, у меня запершило в горле, - он отдал честь и вышел из комнаты. Омар Паша знаком указал Барзегу, что он может идти вместе с гостем. Хусейн Барзег сделал широкий жест рукой:

- Прошу Вас, - и вышел вслед за Кундуковым.

Али Сафар исчез в поисках ординарца и стакана воды. Хусейн Паша поправил перчатки и посмотрел вслед русскому генералу. В этот момент в конце коридора появился второй черкес. Еле слышным шепотом он произнес:

- У нас, кажется, есть информация, ценная для Вас. Если Вы заинтересованы в ней, будьте по этому адресу в десять.

К ним подошел молодой турок с подносом, на котором стояли два стакана воды. Генерал Али Сафар быстро выпил воду, поставил стакан на поднос и положил рядом с ним листок бумаги. Заинтригованный, Кундуков вместе со своим стаканом взял листок и незаметно положил его в карман.

Через несколько часов посыльный прибыл в дом Шамирзы Омара с запиской для Нахо.

- Кундуков хочет, чтобы я вместе с ним встретился с черкесами - армейскими офицерами, - сказал Нахо отчиму. За те несколько недель, что они провели вместе, юноша привязался к старику и о многом откровенно рассказал ему, в том числе, и о своих страхах в связи с массовым переселением, которое планировали русские власти.

Шамирза Омар был опечален, узнав о том, что пришлось пережить Нахо, но не развеял его страхов.

- Послушай, - сказал он однажды, когда они сидели у фонтана, разговаривая о самых разных вещах. - У твоей матери и так достаточно печалей. Твой отец погиб, когда она ждала ребенка - ни одна женщина не сможет забыть такое... И сейчас, когда она так слаба, воспоминания об этом вернулись к ней. Я хочу помочь тебе устроиться здесь. Сделаю все, что в моих силах. Но черкесы, как народ, не должны оставлять своей земли. Они не должны подчиняться насильственному переселению. У меня много родственников и друзей, которые хотят остаться на Кавказе, и это их право.

Теперь Шамирза Омар прочел записку, присланную Кундуковым.

- Будь осторожен, Нахо. Этот человек учился в России. Что бы он ни говорил, он не на

твоей стороне.

Я не могу отказаться пойти туда. Он помог мне благополучно добраться до вас, а я еще не виделся с ним с тех пор, как мы прибыли сюда. Мне кажется, что отказаться будет невежливо. Шамирза Омар покачал головой:

- Но ты ведь не знаешь точно, в чем состоит его миссия?

Нахо задумался. В горах он спал рядом с Кундуковым, слышал от него о причинах его поездки, и верил, что у того добрые намерения. Однако, даже порядочный человек может оказаться причастным к предательству.

Поздно вечером он, следуя указанному адресу, добрался до маленькой турецкой виллы в Галате. Это был дом черкеса Хусейна Барзегга, в котором жила его жена, тоже из племени убыхов, и их деги. Сам Хусейн, сильно занятый службой, редко бывал здесь, так что, это было удобное место, где он мог тайно переговорить с Кундуковым.

Хусейн Барзегг был одет в шелковый турецкий халат и курил толстую сигару. Вошедший в комнату Нахо удивился, видя, что хозяин дома пьет бренди. Тоже еамое делал и Али Сафар. Их представили друг другу. Кундуков был очень рад, что Нахо пришел.

- Рад видеть тебя. Твои родственники здоровы?

- Да, Тхамата, у них все в порядке.

Слуга подошел к ним с подносом, на котором стояли напитки. Нахо взглянул на Кундукова.

- Фруктовый сок, - четко произнес тот. Нахо скромно показал, что хочет того же самого.

Али Сафар предоставил Хусейну Барзеггу право начать разговор. Он выглядел нервничающим, если не испуганным. Кундуков был озадачен. Он взглянул на Нахо, чтобы понять, как тот реагирует на поведение черкесов, но лицо юного кабардинца было непроницаемо

- Хотим быть с Вами откровенны, генерал, - хриплый голос Хусейна Барзегга отнюдь не улучшился от алкоголя, - Али Паша Сафар и я - старшие офицеры Османской армии, и наша преданность ей в военное время безусловна. Но у нас есть более важные обязательства - перед нашим собственным народом.

Али Сафар прервал его. Он говорил быстро, низким голосом:

- Именно эти обязательства заставляют нас сообщить Вам, что-то, чем Вы занимаетесь - не праведное дело.

- Что? - Кундуков не верил своим ушам.

- Это противоречит интересам черкесского народа, - заявил Хусейн Барзегг. - Это на руку Османской империи.

Кундуков был потрясен. Эти люди были старшие армейские офицеры. Говоря с ним столь откровенно, они нарушали все мыслимые порядки.

- Господа, объяснитесь, пожалуйста. Вы пытаетесь сказать, что я вовсе не служу интересам бедных переселенцев, которые хотят обосноваться здесь? - он взглянул на Нахо, надеясь на его поддержку.

- Послушайте их, генерал, - сказал Нахо. Слова шли из глубины его сердца. - То, что они хотят сказать, без сомнения, очень серьезно.

Хусейн Барзегг стал нервно ходить взад-вперед по комнате:

- Поймите нас правильно. Мы уверены в том, что у вас честные намерения. Однако, Вам известно, что такое политика. Наши люди, которые приехали сюда в прошлом году, тысячи людей переносят огромные лишения. Юношей немедленно забирают в армию и отправляют в отдаленные провинции. Что касается женщин...

Али Сафар перебил его:

- Нам стыдно об этом говорить. Турки пользуются их положением и продают черкесских девушек в рабство. Их словно африканок продают в дальние провинции, где у них нет никакой защиты.

Кундуков вдруг почувствовал облегчение.

- А, понятно. Вам не стоит волноваться, господа. Генерал Омар Паша лично обсуждал со мной эти злоупотребления, и именно поэтому я здесь. Я должен заключить официальное соглашение между Российским правительством и Османской империей. Мы хотим, чтобы все прошло как можно более организованно. Чтобы наши люди смогли начать новую жизнь, полноценную жизнь, достойную мусульман...

Сердце Нахо учащенно билось. То, что он здесь услышал, подтверждало его худшие опасения, а обещания Кундукова были не только пустым, но и опасным вздором. Нахо не осмеливался заговорить. Черкесские офицеры смотрели друг на друга. Потом Хусейн Барзег глотнул бренди и поморщился. Было ясно, что Кундуков его тоже отнюдь не убедил.

- Извините, генерал, но мы разбираемся в обстановке, и видим, что Вас умело дезинформируют. Ни туркам, ни русским нет дела до благополучия черкесов. России нужно занять наши земли, Турция же заинтересована усилить свою армию за счет черкесских воинов. Вот что стоит за этим позорным «соглашением».

Али Сафар вторил ему:

- Вы должны верить нам! Теперь, когда Вы знаете обо всем, если Вы действительно хотите служить своему народу - всем горцам: осетинам, черкесам, другим мусульманским племенам – то сделаете все возможное, чтобы затруднить пере селение племен с их исконных земель. Отмените это соглашение!

Али Сафар подошел к окну и выглянул наружу. Тут же он сделал знак, чтобы мужчины прекратили беседу: какие-то турки остановились внизу под окном, увлеченно разговаривая между собой.

Кундуков понизил голос:

- Прошу прощения, господа... братья... Но я не думаю, что вы правы. Поверьте - я поступаю так, как подсказывает моя совесть... Я прибыл сюда, чтобы исполнить свой долг. Судьбы многих тысяч людей зависят от результатов этой поездки. Извините меня.

Хусейн Барзег замолчал. На его лице отразилось презрение. Кундуков заметил это. Его собеседники ни за что не поверят, что он действительно озабочен благополучием своего народа - они видели в нем лишь слугу Российской империи.

Однако он знал, что черкесы никогда не выиграют эту войну. С юных лет он воспитывался и учился в России: закончил кадетский корпус, Павловское училище, его обучили искусству большой мировой политики, искусству понимать любую ситуацию. Он вполне доверял верховному военному командованию в Санкт-Петербурге. Разве Шамиль удостоился уважительного обращения с ним русских после того, как признал власть царя?

Русские - особенно солдаты - вовсе не походили на чудовищ. Они были отважны, дисциплинированы, обладали глубоким чувством долга. Кундукову и многим таким, как он, разрешили сохранить мусульманскую веру. Это еще больше утвердило его симпатии.

Хусейн Барзег сделал последнюю попытку:

- По крайней мере, поговорите с другими людьми в этом городе. Здесь есть много осетин. Может быть, это изменит Ваше мнение. И запомните: все сказанное должно остаться строго между нами. Ни лично Вам, ни нашему народу не поможет скандал, если выяснится, что мы, наделенные высоким доверием люди, поступаем так неблагодарно, по отношению к туркам.

- Разумеется. Можете не волноваться на этот счет. Наш разговор - это разговор между братьями.

- И ты, Нахо, учти это. Понимаешь? - проговорил Хусейн Барзег, проницательно глядя на кабардинца. Нахо сначала обиделся, но потом понял, как опасаются эти люди, не доверяя с ходу даже своим братьям-адыгам. В конце концов, они ведь видят его впервые.

- Пожалуй, я пойду, - коротко проговорил Кундуков, сильно разочарованный исходом разговора и особенно его содержанием.

- Ты идешь, Нахо?

- Меня ждет экипаж отчима. Я сам доберусь, - тактично ответил тот.

Кундуков растерялся. Он намеревался еще поговорить с Нахо, убедить его не особенно

верить всему тому, что понарасказали эти генералы-черкесы. Но сейчас не время, сейчас нужно быстро ретироваться. Этот разговор - оскорбителен для Блистательной Порты и может иметь самые неожиданные последствия для его планов. Беда, если содержание этой беседы станет известно кому не надо. Кундуков и сам был немало потрясен им, хотя и оставался тверд в своих намерениях продолжать ту же политику, что и ранее.

Нахо видел из окна, как Кундуков запахнулся в плащ, чтобы не быть узнанным и направился в сторону отведенного ему жилища.

Али Сафар устало опустился на диван:

- Я не доверяю этому человеку. Он давно уже у них на содержании.

Нахо резко повернулся к нему:

- У кого на содержании? Вы имеете в виду Османские власти?

Хусейн Барзег горько рассмеялся и покачал головой:

- Нет, даже я не могу этого утверждать. Нет. Кундуков для этого слишком честный и верный солдат. Он - просто марионетка в руках русских. Осетины никогда так не были разобщены, как мы. В большинстве своем они христиане, и сотрудничество с русскими их не мучит.

Нахо и не спорил с этим:

- Но Кундуков искренен в своих намерениях. Мы много времени провели вместе и я могу поклясться, что он - истинный мусульманин. Однако, если говорить начистоту...

Генералы переглянулись. Жребий уже брошен. Теперь им уже нечем особенно рисковать. Судя по тому, что Нахо не ушел с генералом и по тому, как он говорил, они утвердились в мысли, что он - самостоятельный человек и вовсе не зависит от Кундукова.

- То, о чем вы рассказали сегодня, подтвердило мои худшие опасения, - признался Нахо. - Я поехал о Кундуковым только для того, чтобы облегчить дорогу сюда и благополучно вернуться обратно. Очень благодарен вам за ваши рассказы. Ваши слова прозвучали не зря.

Али Сафар глубоко вздохнул и еще раз отхлебнул из стакана. Потом он презрительно махнул рукой в ту сторону, куда ушел Кундуков:

- Если хочет, может вывезти оттуда всех осетин. Пусть трудится, пока там не останутся одни черкесы.

Хусейн Барзег хмыкнул:

Ты не хуже меня знаешь, что турки не отличают одних от других. Они думают, что все кавказские горцы - черкесы. Даже чеченцы, да хранит их Аллах!

- Могу сказать вам, что Кундуков там тоже пользуется большим влиянием, - заметил Нахо. - Я видел толпы чеченцев, готовых немедленно выехать. Все это - тоже благодаря авторитету Кундукова.

Али Сафар пригнулся и заговорил хриплым шепотом:

Так-то вот. Мы попали впросак с этим осетином. Теперь нужно думать: не проболтается ли он? Что, если он донесет на нас в министерство? Тогда нам конец. Как думаешь, Барзег?

- Мы знали, на какой риск идем. Ты, Али Сафар, немало рисковал в этой жизни. И потом, мы же решили, что дело того стоит, - он забрал у своего друга пустой стакан. - Теперь мы уже все равно ничего не сможем поделать.

Али Сафар казался подавленным. Он нервно потирал руки:

- Да, ничего не могу придумать...

Нахо встал. Он понимал, что черкесы в отчаянии не только из-за будущего своего народа. Они боялись и за свою собственную судьбу. Однако он не допускал и мысли, что Кундуков может оказаться подлецом. Он, несомненно, заблуждается, но это честный человек. Честный, согласно своим убеждениям.

- Ну что такое говорите! - сказал он, стараясь развеять мрачное настроение генералов, которое, как ему казалось, было лишь следствием разочарования и больших доз спиртного. - Не стоит предпринимать никаких решительных действий. Подумайте, что выиграет Кундуков, предав вас? Зачем ему это нужно?

Хусейн Барзег насмешливо посмотрел на него:

- Ты не знаешь, как поступают в таких случаях турки, Нахо. Особенно, сераскир. Он надзирает за армией и знает, что ей просто необходимы новобранцы для защиты Балкан. Стоит только Кундукову указать на нас пальцем, и мы погибли. И ты тоже, мальчик мой, - он толкнул Нахо в грудь, чтобы придать больше веса своим словам.

Нахо остался неподвижным. Он думал. Хусейн Барзег заметил его озабоченность и улыбнулся. Улыбка его перекошенными мышцами лица напоминала гримасу висельника.

- А может, ты и прав, - устало проговорил он.

- Может быть. Может быть, он и не предаст нас.

Эти произнесенные обреченным тоном слова вовсе не развеяли страхов Нахо.

Али Сафар все еще нервничал, он вовсе не смирился.

- Мне бы твою самоуверенность, - пробормотал он. Затем он поднял глаза на Нахо, и тот увидел в них последние проблески надежды. Что ж, Нахо. Думаю, что при теперешнем положении вещей, нам будет спокойнее, если ты закончишь здесь свои дела и немедленно уедешь из Константинополя. Единственное, что мы можем сделать, это отправить тебя на родину. Мы рассчитываем, что ты сможешь сорвать планы Кундукова относительно Кабарды. Услышав слова Али Сафара, Барзег выпрямился, оживившись.

- Решено. Чем скорее ты вернешься домой, тем меньше вреда нам сможет принести осетин. Наши люди - прямые и честные. Они могут поверить всему, что им скажет этот сладкоречивый предатель.

Нахо знал, что это правда. В глубине Души ему самому хотелось верить в добрые намерения Кундукова. Однако, многое наводило и на другие мысли...

- Я собирался пробыть здесь еще месяц,, - тихо сказал он. Долг вновь вступал в противоречие с его желаниями. Ситуация была серьезной, но ведь ему так хотелось побыть еще с матерью... Еще совсем немного...

- Я должен подумать, - произнес он. - Я подумаю.

Но подняв взгляд на генералов, он увидел, что они подавленно молчат, не в силах спорить с ним. Нахо стало стыдно. Он ставил свои чувства превыше интересов собственного народа, в то время, как эти люди рискуют не только карьерой, но и жизнью. Он понял, что хотя бы ради них должен покинуть Константинополь как можно скорее.

* * * * *

Вопреки своим намерениям, Нахо все же задержался у матери. Он с радостью замечал, что Сатани становится все крепче и оживленнее с каждым днем его присутствия в доме. Казалось, рассказы о Кавказе вернули ей свежесть юности. Это заметила вся семья, в том числе младший сын Бурхан. Они собрались в саду своего дома, выкрашенного охрой. Сад был наполнен ароматом цветущего жасмина. Все ели медовые пирожные и пили сладкий напиток.

- Ты вызвал румянец на ее щеках, - сказал Бурхан. - А мы и забыли, что когда-то она была цветущей, молодой.

- Да, она прекрасно умела готовить и ткать. Она умела все, что положено уметь настоящей черкешенке. Так мне говорила моя бабушка Нурсан.

- А теперь, все, что маме нужно делать - это говорить слугам, что они должны купить на базаре, - подразнил ее Исмаил.

Нахо был предельно дипломатичен.

- Я не имел в виду, что там ей жилось лучше, - серьезно сказал он.

Бурхан взял его за руку:

- Тебе принадлежит особое место в ее сердце, Нахо. Так и должно быть, ведь ты ее первенец. Мы счастливы, что ты с нами, и рады видеть маму такой.

- Бедная Нурсан! - Сатани вспомнила эту загадочную темноволосую красавицу, которая

была так добра к ней. - А что стало с тем третьим братом, который вернулся на Кубань?

- Азамат? Князь отдал ему участок земли, который когда-то принадлежал нашей семье. По-моему, несколько наших дальних родственников все еще живут на Кубани, и, кажется, довольно спокойно.

- Объясни, кто кем кому приходится, - попросил Исмаил, и Нахо еще раз вспомнил все семейное древо Ахмета с Кубани - его троих сыновей - Казбека, Анвара и Азамата; и то, как Казбек стал героем, сражаясь на земле шапсугов; и то, что Анвар, который еще жив, заботится о семейном табуне вместе со своими сыновьями; и то, что, согласно традициям адыгов, Азамат покинул отчий дом, чтобы свить свое собственное гнездо в другом уголке гор, и что он унаследовал семейное состояние.

- Ну что ж, - сказал Исмаил, - это только доказывает правильность старинной поговорки: «Тот, кто никогда не делает ни шагу от родного очага, находит дохлую лягушку и радуется. А тот, кто путешествует в дальних краях, находит мешок золота.»

Нахо и Сатани рассмеялись, вспомнив, что эту поговорку часто произносил Казбек. И все принялись вспоминать кабардинские поговорки, чтобы развеселить мать, чтобы блеск в ее глазах не погас.

Бурхан поддразнил Нахо:

- «Заставь ребенка делать работу, и он заставит тебя делать ее.» Тебе мама так не говорила?

Нахо покачал головой, а Сатани погрозила Бурхану кулаком.

Тут в воротах сада появился Шамирза Омар, и веселье стихло. Исмаил поднялся и удивленно спросил:

- Что ты так рано, отец? Разве ты не был сегодня в суде?

- Был, но там кое-что произошло... - Шамирза посмотрел на жену. - Можно мне поговорить с Нахо пару минут? У меня к нему небольшое дело.

Сатани отпустила сына, но сказала Исмаилу, взяв его за руку:

- Случилось что-то плохое. Я чувствую это. Помоги мне дойти до постели, сынок.

Исмаил перенес ее на кровать.

Шамирза Омар провел Нахо в свой кабинет:

- Здесь нам никто не мешает...

- Вы что-то узнали в суде? Что? - уже несколько дней Нахо с ужасом ждал чего-то подобного.

- Не в суде. Не спрашивай меня, где я об этом узнал... У меня много высокопоставленных друзей. Тебе надо немедленно уехать. Мы должны подготовить твой отъезд на Кавказ.

Нахо стоял рядом с отчимом в альковке.

- Та встреча... О ней узнали! Шамирза Омар приложил палец к губам:

- Говорил я тебе, что это опасно. Твое имя было упомянуто на собрании в министерстве обороны. Они пока не знают, что ты связан с нашей семьей, но когда Барзег и Сафар будут допрошены, это обязательно всплывет...

- Кундуков спасает и их, и меня!

Шамирза Омар покачал головой:

- Он уже уехал из города. Четыре дня назад. Откуда ты знаешь, может быть, это он донес на тебя. Это опасно, поверь мне.

- Тогда я должен предупредить генералов...

Шамирза вздохнул:

- Нет времени, - прошептал он, - Раз есть обвинение, предательство будет доказано. Тайные агенты сераскира теперь станут наблюдать завиллой Барзегга, неважно, что он генерал. Я уже заказал тебе место на судне, которое отходит сегодня. Через час мы должны быть в Галатее.

У Нахо голова шла кругом:

- Но я не могу оставить этих людей без... Шамирза Омар был близок к тому, чтобы

потерять терпение:

- Даже если ты предупредишь их, им некуда идти. У них здесь семьи. Они знали, на что идут.

Нахо вспомнил взгляд Али Сафара. Как он надеялся, что Нахо сможет расстроить планы Кундукова в Кабарде!

- Доверься мне, - сказал Шамирза Омар, беря его за руку. - Подумай, какая опасность угрожает твоей матери...

Нахо склонил голову в знак уважения, и быстро вышел, чтобы попрощаться с Сатани. Он молился Аллаху, чтобы его внезапный отъезд не разбил ее сердца.

* * * * *

Генерал Хусейн Паша Барзег провел несколько спокойных ночей в своем доме в Галате. Восемь дней. Он уже стал успокаиваться: Кундуков, очевидно, оказался порядочным человеком.

Он наслаждался короткой передышкой перед служебной командировкой в Батум. В турецкой армии проходила реорганизация с целью взять под контроль все порты между русской границей и Самсуном. Это было необходимо на случай, если русские решат выступить против османов на суше - на море преимущество и так было за турецким флотом. Все силы, сконцентрированные вокруг Черного моря, все армии под командованием своих генералов начали незаметно сближаться, будто подталкивая друг друга. И русские, и турки только и ждали удобного момента.

Дела Хусейна Барзегга были в порядке. Жена и дети останутся с родственниками на время его отсутствия. Ему осталось лишь дочитать положения о военных реформах, которые ему придется начинать.

Его заинтересовала идея введения системы армейских корпусов, как в Пруссии... Но каковы должны быть составляющие: дивизии или полки?

Размышлять дальше ему уже не пришлось. В гостиную вбежал трясущийся слуга и упал к его ногам:

- Паша... солдаты...

В комнату ворвался капитан турецкой военной полиции в сопровождении двух здоровенных солдат. Он был краток:

- Генерал Хусейн Паша, Вы арестованы. Я получил приказ препроводить Вас в военную тюрьму в Бакеркое, где Вы будете находиться в ожидании трибунала. Прошу следовать за мной.

Хусейн Паша медленно поднялся. Как же глупо было с его стороны надеяться на благополучный исход. Шесть, семь, восемь дней прошло после того разговора. И всего четыре дня после отъезда осетина Кундукова.

- Что значит вся эта ерунда?! - крикнул он громко, стараясь успокоить свои нервы. Инстинктивно генерал потянулся через стол за пистолетом, однако два охранника бесцеремонно схвати ли его за руки и тут же надели наручники.

Капитан прошипел ему в лицо:

- Только так нужно обращаться с предателями, не взирая на ранги. У нас есть очень старые, традиционные методы обращения с предателями... Вам они известны, не так ли, генерал?

Турецкий офицер в своей высокой красной феске и красивой серо-голубой форме приблизился к нему. Хусейн Паша молчал. Не стоило тратить слова на этих старорежимных солдафонов, ненавидящих всех, кому не пришлось родиться турком. Этот капитан относится к той части военных, которые поддерживали и оправдывали существование подразделений янычаров - карательных отрядов, состоящих из неряшливых и дерзких головорезов. Эти войска были созданы много веков назад и существовали по своим законам. Султан довольно

долго делал вид, что не замечает творимых ими кровавых дел, но потом лично повелел распустить эти отряды.

Однако дух янычарства продолжал жить. По иронии судьбы он, генерал Хусейн Паша Барзег, преданный турецкому государству военный реформатор, выходец из племени убых, будет подвергнут пыткам и повешен руками наименее преданных султану, ненадежных и разрушительных сил в армии.

Несомненно, что генерал Али Паша Сафар разделит с ним перекладину. Не будет никакого суда. Его смерть и смерть Али Сафара станут скрывать те же самые турки, которые доверяли им, до тех пор, пока они были нужны и вели за собой других, себе подобных к такой же судьбе.

Когда Хусейна Барзегу выводили из дома под вопли его слуг, он яростно молился за кабардинца Нахо, надеясь, что тот всерьез отнесся к его предупреждению и вовремя уехал, чтобы рассказать правду на родине.

* * * * *

В соответствии с Парижским договором, русским не разрешалось иметь военно-морские базы на Черном море, поэтому очаг военных действий на юге сместился к Одессе, старому порту у устья Днестра, расположенному к западу от Крыма и удобному для оказания помощи славянам-христианам на Балканах, бывших фактически турецкими подданными.

Именно в Одессе генерал Куцубов читал донесения о том, что все больше переселенцев-черкесов стекается в западные районы Османской империи, на Балканы. Генерал никак не мог понять сути политики, проводимой его начальством. В результате Турция получала массу черкесов-воинов, опытных бойцов, которые в один прекрасный день доставят России немало сложностей. Возможно, эта кампания станет для него последней: ему было уже за шестьдесят, он был уже сед и все более разочаровывался в собственной карьере. Ему не нравилась складывающаяся ситуация. Русская армия сейчас пытается сдерживать турецкую агрессию на двух фронтах: на западе на Балканах, и на востоке на побережье Черного моря и в Черкесии. Если не следить за развитием событий, то скоро чуть ли не половину российской Кавказской армии придется использовать лишь для охраны и обороны занятых позиций. С кем же тогда воевать? Ему казалось, что черкесы будут вредить России независимо от своего местонахождения - в самой империи или за ее границами.

Куцубову весьма не нравилась та роль, которую играл в организации этих переселений генерал-майор Кундуков, осетин по национальности, с которым ему доводилось воевать вместе в Персии. Именно поэтому он вызвал его к себе, едва тот прибыл в Одессу и не успел еще отправиться обратно к себе на Кавказ. Куцубов хотел получить как можно более подробную информацию лично от него, а не из донесений.

Кундуков обладал весьма привлекательной внешностью: высокий, светловолосый, широкоплечий, мыслящий, образованный офицер. Ничего страшного нет в том, что он мусульманин, это не его вина. Репутация у него отменная, это настоящий солдат. Встреча обещает быть приятной.

Короткое пребывание в Блистательной Порте пошло Кундукову на пользу: от него веяло свежестью, здоровьем и силой, мундир ладно сидел на нем. Куцубов приветствовал его:

- Добро пожаловать в Одессу! Рад видеть Вас в наших краях, генерал.
- Спасибо, поездка прошла великолепно.

Кундуков доложил основные положения договора с Турцией, предусматривающего миграцию нескольких тысяч кавказцев. Однако этот рассказ вовсе не произвел на Куцубова должного впечатления:

- Я не разделяю Вашего оптимизма, генерал. На мой взгляд, Вам вообще не следовало ездить в Константинополь!

Кундуков едва не всплеснул руками. Просто поразительно: где бы он ни появлялся, все восставали против него - и даже здесь, где он самоотверженно служил русским, помогая в то же время своим землякам-кавказцам! Его вера в себя уже начинала слабеть...

- Но почему же? Я верен политике, проводи мой нашим правительством! Я ускорил отъезд черкесов с Кавказа! Я добился для них некоторых преимуществ. Я горжусь своими достижениями! И вдруг Вы говорите мне..., - светлые глаза Кундукова яростно блеснули. Он столько времени корпел над бумагами, а теперь Куцубов, старший по чину военачальник, вместо того, чтобы с головой уйти в организационную работу и решить, наконец, эти проблемы с гражданским населением, вдруг заявляет, что он, Кундуков, оказывается, совершил ошибку!

Куцубов тоже за словом в карман не лез, да и свою должность получил отнюдь не за молчаливость.

- Вот именно! Я как раз и возражаю против этой самой проводимой нами политики... Что хорошего можно ждать от страны без населения? Что толку от Черкесии без черкесов? России ни к чему новые свободные земли. У нее уже столько земель - и все пустующие!

Кундуков стоял, все больше наклоняясь вперед. Гнев его нарастал с каждой секундой.

- Чепуха! Какая близорукость! У нас полно казаков, бывших крепостных, инородцев которые селятся на этих землях! - возразил он.

- Да, инородцы есть... А Вы видели, что происходит со всеми этими черкесскими садами и террасами после отъезда шапсугов и бжедугов? За пару лет все обращается в ничто. Наши крестьяне не умеют обрабатывать эту землю так, как они. Спаси нас Господи, бывшим крепостным еще надо многому научиться...

Кундуков слушал доводы Куцубова, стараясь не поддаваться им в ущерб своим собственным убеждениям, твердо укоренившимся в его сознании. Всей душой Кундуков стремился к тому, чтобы кавказские мусульмане могли свободно исповедовать свою религию. Он был уверен, что эмиграция - единственный путь к этому, хотя в то же время не мог не понимать, что захват земли означал и насилие над ее жителями. В одном Куцубов был несомненно прав: именно трудолюбие народа создало все, чем так привлекателен Кавказ. Сам Кундуков, в противоположность официальной версии, преподносимой ему в российских военных учебных заведениях, давно убедился: большинство горцев вступило на путь повстанческой войны именно потому, что поняло невозможность ужиться с царским режимом.

- Я всего лишь солдат, выполняющий приказы, - заявил Кундуков сердито. - Мне говорят, что следует делать - я так и поступаю. Вопросов не задаю.

О том, что турки предложили ему немалое вознаграждение за его деятельность, он, однако, умолчал. Эта часть секретного договора носила личный характер.

Куцубов яростно покрутил головой:

- Это так просто понять, и Вы это прекрасно понимаете, будьте со мной откровенны, несмотря на то, что приложили руки к этому проекту. Я знаю Вас много лет и хочу прямо заявить, что такая политика - Ваша политика! - порочна, и была порочной с самого начала. Мы должны были постараться привлечь горские племена на свою сторону и сделать их частью нашего населения, а не отдавать в руки своих врагов. Так-то! А теперь - их дети скоро станут солдатами, против которых нам воевать и воевать!

- Полагаю, что поступил верно, - упрямо повторил Кундуков, однако огонь в его груди уже стал утихать. Он почувствовал, что находится в глупом положении. Ведь и сам он активно взялся за дело уже после того, как увидел длинные очереди голодных бездомных людей на железнодорожной станции Владикавказ. И эти слухи о массовых самоубийствах на пустынных берегах...

- Ну ладно, - повел плечами Куцубов. - Подумайте над тем, что я сказал. Запомните мои слова.

- Хорошо, господин генерал. Я буду помнить их даже во сне. - Кундуков говорил быстро: масса тревожных мыслей роились у него в голове.

Куцубову на минуту показалось, что этот энергичный человек может вообще обойтись без сна.

- У Вас впереди долгая дорога, - примирительно сказал он. - Путь до Владикавказа неблизкий...

- Ничего, доберусь. До свидания, господин генерал. Спасибо за все... Бог весть когда еще увидимся.

- Прощайте, Кундуков. Передавайте от меня привет Владикавказу... или Терк Кала, как вы, горцы, его называете, так ведь?

В голове Кундукова вдруг возникло воспоминание: молодой кабардинец торговец лошадьми Нахо из Хапца стоит в его штабе, затерянном в туманном и грязном Дарьяльском ущелье. Очень неглупый, подающий надежды юноша, прекрасно говоривший по-русски и с достоинством отвечавший на его вопросы, несомненно, представлял собой именно тот тип горца, о которых говорил Куцубов. Он деятелен, с ним легко договориться.

Однако Нахо согласился сопровождать его в Константинополь лишь для того, чтобы навестить родственников. Он, безусловно, вернется сюда. Разумеется, он не хочет уезжать с Кавказа и по своей воле никогда не сделает этого. Да, ему, мусульманину, конечно, трудно жить в России. Но Кундуков знал, что в глубине души Нахо больше всего дорожит своими Хабза. Похоже, ситуация была еще сложнее, чем представлял себе Куцубов, да и ему самому неразумно не обращать внимания на эти «тонкости».

* * * * *

В маленьком, разоренном войной селении, расположенном в высокогорьях Западной Черкесии, состоялся большой сбор уцелевших повстанческих сил. Это место, безусловно, когда-то было идеальным для мирного житья: домишки уютно располагались на утесе, с которого открывалась захватывающая дух панорама тянувшегося внизу светлого побережья и бескрайних просторов Черного моря. Утес купался в чарующих красках рассветов и закатов: красных, золотых, сочно-синих. Невольно думалось, что так красиво бывает только в раю.

Но теперь здесь остатки свободных черкесов, ошеломленные, ожидали, пока вожди решали их судьбу. В середине собравшейся толпы находился Аслан, сын хаджи Даниля. Он сидел, прислонившись спиной к стволу дерева, в полном изнеможении и смотрел, как старейшины входят в деревянный дом для собраний.

Это был печальный последний меджлис западных племен - трогательное и грустное событие, особенно по сравнению с торжеством, на котором он присутствовал в детстве. На том меджлисе председательствовал Мансур-бей, там присутствовали его отец хаджи Даниль, дед Нахо Казбек, англичане.

Мансур-бей давно уже умер, Казбек стар, а его отец... Те, полные надежды дни, более чем двадцатилетней давности, помнит сейчас лишь горстка людей, сражавшихся вместе с отцом Аслана, Он знал их всех, тех, кто старался поддержать великие надежды той поры.

Джеймс Белл много лет назад вернулся в Константинополь, чтобы снова заняться торговлей. Его брат Джордж уехал в Англию и иногда, чувствуя ностальгию по временам своей молодости, делал денежные пожертвования в помощь деятельности Дэвида Эркорта. Джон Лонгворт, долговязый журналист, возвратился в Лондон, где вновь занялся своим ремеслом, больше о нем ничего не было слышно. Сколько было приключений, сколько подвигов - и все это лишь для того, чтобы прийти к теперешнему положению вещей, Аслан от всего сердца радовался, что его отец не дожил до этого.

Альсида-бей, вождь бжедугов, был внесен в комнату на импровизированных носилках. Теперь он уже не мог ездить верхом из-за слабого сердца. Он лежал на носилках старый, изборожденный морщинами, больной, искалеченный в многочисленных сражениях, но глаза

его светились былой отвагой.

Рядом с Альсида-беем, расчищая носилкам путь в толпе, шел его боевой друг и союзник, Ислам Гери, представитель абазахов, некогда сопровождавший в поездке Джона Лонгворта и не раз заставлявший англичанина завидовать своему искусству наездника и хладнокровию.

Здесь были также хаджи Хайдар Хасан и Кустар Оглы Исмаил, которые не так давно побывали в Англии и вернулись оттуда с кораблем, груженым оружием. Многие бжедуги и шапсуги были вооружены ружьями, которые попали на Кавказ с этим кораблем.

Все ждали Шамиз-бея, который сменил Ман-сур-бея на его посту и пользовался теперь огромным влиянием у западных племен.

Аслан прислонился головой к дереву и забылся тревожным сном - он слишком устал.

- Приехали! - толкнул его в бок сосед, и Аслан, проснувшись, увидел, что в дом собраний входят Шамиз-бей и священник в богатом одеянии. Вид последнего, наряженного в роскошный турецкий халат и тюрбан, заставил Аслана содрогнуться от отвращения. Он поднялся на ноги и как можно незаметнее пробрался через толпу ко входу в дом, откуда он мог слышать обсуждение.

- Братья! - Шамиз-бей медленно поднялся, призывая собравшихся к тишине. - Вам всем известно, как идет война. Мне почти нечего добавить к вчерашним сообщениям. Русские окружают нас со всех сторон. Они высадили новые войска на побережье, и с севера также движутся значительные силы. Посланец, которого я посылал к генералу Гейтману, вернулся ни с чем. Русские не хотят вести переговоры о мире. Они говорят, что уже слишком поздно.

По мере того, как он говорил, собравшиеся все более и более мрачнели.

Голова Шамиз-бея склонилась, но он продолжал:

- Нет смысла напоминать вам, что сегодня был тяжелый день, - он указал на людей за порогом дома: изможденные и раненные воины, лежащие в окружении немногих оставшихся в живых членов своих семей. - Наш народ ждет, поведем ли мы его в рабство, или в изгнание. Мы больше ни на день не можем откладывать это решение.

Имам с холеным лицом, сидевший среди старейшин, поднялся со своего места. Он дрожащим голосом затянул молитву. Руки его тряслись, он нервно поглаживал свою белую бороду.

- О Аллах, мы твои преданные рабы. Не лишай нас, грешных, своей милости. Дай нам свое благословение...

Священник оглядел старейшин и воинов. Аслан быстро опустил глаза, чтобы не встретиться с ним взглядом. Однако, он заметил, что большинство остальных склонились перед имамом с искренним смирением. Молитва звучала все громче и отчетливее:

- Аллах начертал наши судьбы у каждого на челе, - произносил имам, - и мы должны покинуть эту землю. Такова наша судьба. Противиться судьбе, начертанной Аллахом - грех. Неверные заставили нас выбрать путь изгоев. Аллах поведет нас через море, в Стамбул, в благословенную землю султана, калифа Мухаммеда, пророка нашего...

Имам продолжал молитву своим резким, но убедительным голосом, а в груди Аслана закипал гнев. Он остался здесь, бросив свою семью, чтобы увидеть, как этот старый святоша, который не страдал ни одного дня своей жизни, учит его, что такое отчаяние, и какое наказание положено за грехи! За кйкие грехи? За то, что он родился шапсугом? Рот его наполнился горечью, а глаза - жгучими слезами.

Имам все говорил и говорил, рисуя картину непроходимых болот на Кубани, которые были определены для жизни тем мятежникам, которые настояли на том, чтобы остаться на родине. Он болтал о «благословенной дороге в истинный земной рай» - в Турцию, разумеется.

Некоторые из собравшихся чувствовали то же, что и Аслан. А он был уже готов закрыть уши руками, совершив богохульство, когда другой воин проталкиваясь, пробрался вперед, и разразился страстной речью. Аслану не раз приходилось видеть его в бою. Это был славный парень, по имени Науруз.

- Мы уже много раз слышали эти речи от нашего имама. Что здесь происходит? - Науруз ожесточенно размахивал руками. - Мужчины здесь собрались или старухи, да гадалышки?

Аслан чувствовал, как нарастает возбуждение в толпе по мере того, как Науруз произносил свою мятежную речь: не сдаваться, биться не на жизнь, а на смерть.

- Науруз прав, - вдруг услышал Аслан свой собственный голос. - Мы никогда не были рабами! Никогда!

Старый шапсуг, стоявший рядом с Асланом узнал его.

- Аслан! Сын хаджи Даниля! - глаза старика засветились, и он закричал:

- Лучше мы умрем на своей земле, чем станем рабами в Турции или на Кубани!

Тут встал сам хаджи Хайдар. Он заговорил голосом, полным скорби:

- Юноша! Ты принимаешь закат за утреннюю зарю. Мы стоим в конце пути, а не в начале. Трое моих сыновей ушли воевать. Ни один из них не вернулся... Ты хочешь воевать? - он в бессилии потряс кулаком, - тогда тебе нужно лишь отправиться в ближайшую долину.

Испуганный ропот пополз по толпе, за порог комнаты, охватывая людей, словно волна огня:

- Русские уже там? Они так близко?!

Аслан схватился за дверной косяк. Он почувствовал слабость. Старик, узнавший его, подхватил юношу и прошептал:

- Держись, сынок.

Хаджи Хайдар повернулся к Шамиз-бею:

- Вы - избранный нами предводитель, - сказал он беспомощно, - Вы должны принять решение. И примите его скорее, просим Вас.

Ислам Гери подумал, что в дни своей молодости не стал бы так торопиться. Он вспомнил большой военный совет. Глупые надежды, напрасно прожитая жизнь - он всю ее провел в сражениях. Он был опечален тем, что споры продолжаются. Между людьми по-прежнему нет согласия.

Ислам встал и высказал эти мысли, обращаясь к опечаленному хаджи Хайдару, который, как и он сам, провел жизнь в бесконечной борьбе.

- Я не боюсь открыто заявить о том, в чем в душе признается себе каждый из нас. Мы все совершили огромную ошибку. Нам не надо было воевать о русской армией. Наши отцы и мы сами - мы все воевали вслепую. Нас обманывали и направляли по ложному пути и султан, и англичане, призывавшие нас вести войну, которую невозможно выиграть.

Шамиз-бей почувствовал, что толпа становится все менее расположенной принять то решение, которого он ждал, и решил вмешаться:

- Разве не ты громче всех призывал к войне? Разве не ты помогал доставить оружие и порох из Турции? Почему же ты говоришь так, будто вчера родился?

Если Шамиз-бей надеялся своими упреками пристыдить Ислама Гери, сломить его волю и заставить признать безнадежность и несостоятельность своих слов, то напрасно. Ислам Гери не собирался поддаваться ему. Он вдруг предложил нечто немислимое - обсудить с русскими условия заключения мира:

- Султан все время внушал нам, что мы можем и должны сражаться с Россией! И теперь я не хочу больше продолжать игру вместе с турками!

Аслан, слушавший его сквозь туман усталости и тревоги, внезапно отчетливо осознал, что Ислам Гери предлагает как раз то, за что некоторые особо пламенные воины так упрекали его друзей - кабардинцев. Великий воин Ислам Гери вовсе не был простаком: он встречался с очень многими людьми, сопровождал англичан, ездил в Турцию, бывал в разных странах. Аллах знает, с какой яростью Аслан ненавидел гяуров. И все же сейчас он усмотрел в предложении Ислама Гери определенный смысл.

В эту критическую минуту Аслан встал на сторону Ислама Гери именно из-за стремления священника переправить его соплеменников через Черное море. Ужасное зрелище, открывшееся ему на пляже в Сочи два года назад, оставило в его сознании огненный отпечаток. Он ведь так ничего больше и не слышал о своих родителях с того дня, как

расстался с ними на дороге, по которой казаки гнали их в Турцию. Их скорбный путь, возможно, окончился так же ужасно.

Науруз, разумеется, начал снова кричать:

- Как смеете вы... как смеет кто-то вообще давать такие трусливые советы? Встанем и отправимся в бой! Встанем - и в бой!

Однако Ислама Гери охватило отчаянное упорство человека, сознающего, что ему предоставлена последняя возможность поделить плоды своих долгих и мучительных размышлений:

- Грузины так поступили... Их больше, чем нас... Они не стали воевать, сохранили язык, сохранили культуру...

Аслану было очень нелегко справляться с океаном мыслей и чувств. Он устал, смертельно устал от борьбы, от споров, от того, что все повторяется вновь и вновь. Ему так хотелось покоя.

Снова поднялся имам. Сердито потрясая бородой, он напомнил собранию, что грузины - христиане, а это совсем другое дело...

Ислам Гери не сдавался:

- Ну и что? - заявил он хладнокровно. - Все присутствующие здесь знают, что не так уж давно наши предки тоже были христианами! В прошлом черкесы не всегда были врагами христиан!

И мы не должны быть врагами...

Эти слова вызвали гул. Науруз вскочил на ноги и наверняка выхватил бы кинжал, если бы Аслан и еще несколько мужчин в этот момент не подскочили, заслонив от него Ислама Гери. Наурузу пришлось сесть на место. Ислам Гери глянул на него с огромным презрением. Его правота была доказана со всей очевидностью. Пока черкесы будут вести себя как Науруз, у них не будет будущего.

Аслан, близко придвинувшись к Наурузу, внимательно слушал речь Ислама Гери. Возможно, это дружба с Казбеком и Нахо так повлияла на него... но то, что говорил Ислам Гери, было сущей правдой. Турки относились к горцам как к варварам. Русские позаботились о Шамиле и его семье после того, как тот сдался... Так же они поступали в отношении многих кабардинцев, осетин, карачаевцев и балкар... Сейчас дагестанцев не выгоняют из домов, несмотря на долгие годы повстанческой борьбы.

Науруз злобно зашептал в ухо Аслану:

- Верно! Но русским нужны наши поля и морской берег! Кому, к черту, интересны эти нагромождения скал в Аварии?

- Я лучше сдамся тем, кто идет с оружием против меня, чем тем, кто продает мне оружие и отказывается сражаться вместе со мной! - Ислам Гери завершал свою речь.

Казалось, что хаджи Хайдар сейчас расплатится. Польские «солдаты удачи» оставили его и его воинов ни с чем, когда кончились деньги. Он закрыл голову руками. Никто из иностранцев не принес им счастья. Никто, даже Дауд-бей. Он так верил в Турцию, однако турки свели на нет все усилия его самого и других, юных и доверчивых. Кустар Оглы Исмаил, сидевший рядом с Хаджи Хайдаром, положил руку ему на плечо и ободряюще сжал его.

- Оставайтесь на своей земле! - Ислам Гери уже охрип. - Заклинаю вас, братья!

Во время этой продолжительной и взволнованной речи Шамиз-бей сидел с очень сердитым видом.

- Но ведь выхода нет, Ислам Гери! - возразил он. - Либо мы переедем в Турцию, либо окажемся на кубанских болотах под русским сапогом. Если мы останемся здесь, то все умрем.

- Ну и пусть будет Кубань! - ответил Ислам Гери. - Справимся. По крайней мере, мы останемся здесь, на любимом Кавказе. Однажды мы сможем вернуться в горы. Не мы, так наши дети!

Мимо Аслана в дверной проем протиснулся какой-то молодой человек. Это был

посыльный с сообщением для Шамиз-бея. Он довольно бесцеремонно ворвался на меджлис.

- Шамиз-бей, капитан турецких кораблей послал меня сюда со следующим посланием: «Мы ждем на рейде уже три дня и три ночи. Если ты не приведешь своих людей завтра, мы снимемся с якоря.»

Шамиз-бей пришел в ярость - не столько из-за бесцеремонности посыльного, сколько из за того, что тот так явно выдал его секреты.

- Вон отсюда! Вон! - закричал он. – Это совет старейшин, здесь тебе не место!

Однако присутствующие хорошо расслышали сообщение, и в комнате стал нарастать сердитый гул голосов: старикам было сейчас не до соблюдения этикета.

- Сейчас же покинуть дом! Покинуть всем, кто не член совета! - рявкнул Шамиз-бей, обращаясь к тем, кто стоял в дверях, стараясь по-больше увидеть и услышать.

Но если он думал, что это заставит кого-либо уйти, не дождавшись конца, то сильно ошибался.

Аслана оттеснили назад те, кто выбирался из дома наружу. Науруз толкнул его, перегнувшись через чью-то голову:

- Слышал? Что я тебе говорил! Тут пахнет заговором! Шамиз-бей уже решил нашу судьбу!

Старый шапсуг, узнавший Аслана, приблизился к нему.

- Где твой отец, юноша? Хаджи Даниль? Каким он был человеком...

Аслан покачал головой. Старик вздохнул:

- Что тут еще обсуждать? Наша земля захвачена - нам остается либо убраться отсюда, либо подчиниться. А наши вожди... Они умеют лишь чесать языками!

Он принялся грузить на ослика какие-то узлы. Аслан смотрел на него, вспомнив вдруг своих дорогих родителей, так надеявшихся спокойно дожить свои дни. Он лежал, уткнувшись лицом в прохладную чистую траву, точно зная, к чему приведет меджлис Шамиз-бей.

Когда некоторое время спустя старейшины вышли из дома собраний, Аслан лежал все на том же месте. Многие из вышедших направлялись прямо к скале, на которой стоял теперь Шамиз-бей и, бурно жестикулируя, растолковывал людям то, что должно произойти дальше. Некоторые слова долетали до Аслана, который был настолько опечален и подавлен, что лишь перевернулся на бок, подперев голову локтем.

Его взору предстала довольно забавная картина. Пожилой человек разглагольствовал вовсю, но легкий морской бриз# сносил слова - и это еще больше подчеркивало их лживость.

- Полночь... прекращение огня... земли предоставлены... Великий султан... корабли... будьте вместе... корабли...

Им разрешалось взять с собой лишь самую малость вещей и продуктов в расчете на краткость предстоящего путешествия. Шамиз-бей пытался убедить людей в том, что переселение пройдет организовано и достойно. Аслан уткнулся лицом прямо в землю и зарыдал.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

Кого меньше всего Нахо ожидал увидеть в своей деревне, так это генерал-майора Мусу Кун-дукова. Но это был именно он.

Стоял конец лета. Была пятница. После полудня в сопровождении остальных членов своей семьи Нахо отправился в мечеть. Во время исполнения обрядов он не мог не заметить, что среди жителей Хапча царит какая-то тревога, мешающая ему. Он слышал, как за его спиной нарастает жужжание голосов, но не оборачивался до тех пор, пока не окончились молитвы. Выходя из мечети вслед за Казбеком и Анваром, он с удивлением увидел большую толпу кабардинцев, собравшихся на зеленом берегу Терека.

Старый Анвар наклонился к его плечу и поднял свою сучковатую палку, указывая на имама Тапа Анвара.

- Не удивительно, что сегодня он не служил. Слишком занят...

- Лопни мои глаза! Похоже, сам губернатор при всех регалиях! - присвистнул Нахо, чем немало развлек стариков.

- Да уж, стоят, как на параде, - проговорил Анвар, окидывая раждебным взглядом казачий эскорт, растянувшийся в линию позади толпы.

Мимо промчался сын Анвара Руслан:

- Вы постоите и послушаете, правда, отец... хаджи?

- Думаю, что нет, - проворчал Казбек. - Этот мерзавец собрал вокруг себя толпу чеченцев и осетин, пришел сюда и думает, что сможет очаровать нас своими бреднями. Нет уж, ни за что не буду слушать его.

Руслан предпочел не спорить. Казбек был уже слишком стар, чтобы пререкаться с ним, особенно на людях. Кроме того, учитывая нрав старика, нельзя было быть уверенным в том, что он воздержится от яростных нападок на Тапа Анвара или русских чиновников, а именно этого Руслан и другие старейшины очень хотели бы избежать.

- Я провожу тебя домой, Дада, - сказал Нахо, как всегда, дипломатично.

Он повел дедушку прочь. Казбек шествовал с гордым видом. Нахо слышал реплики сельчан, знающих Казбека уже много лет: «Он уходит! Ему не интересно.» Публичная оплеуха, нанесенная Казбеком генерал-губернатору, была последним средством сохранить достоинство в арсенале старого воина.

- Я останусь, и ты возвращайся, Нахо, - крикнул Анвар и улыбнулся, будто предвкушая грядущие дебаты. Он сам отыскал удобное местечко на небольшом холме и присел на нем, опираясь на клюку.

Те, кому предстояло выступать, расселись на низких табуретах в центре поляны. Анвар почти не обратил внимания на слова, которыми Тап Анвар начал свою речь, заявив, что губернатор Терского края собирается предложить кабардинцам некий очень важный план. Однако Анвару было не до этого. Глаза его внимательно оглядывали собравшихся, отмечая, кто пришел, а главное, кто не пришел сюда.

Вскоре вернулся Нахо. Он поднял ладонь ко лбу, чтобы солнце не мешало ему отыскивать в толпе дядю. Увидев его, наконец, Нахо протолкался вперед и сел рядом с ним.

- Знаешь, мальчик мой, - прошептал Анвар, - князя Хапча здесь нет, и вообще, пришли очень немногие уорки, от каждой деревни - всего по несколько человек. Казбек правильно сделал, что ушел.

- Что тут удивительного, Тхамата! После всех моих рассказов о заговоре...

- Ш-шш, - черные глаза Анвара оживленно блестели, - Послушаем-ка имама: опять старая песня о «Бейт аль Ислам» и о нашем спасении. О, слава Аллаху, он закончил.

Тап Анвар сошел с возвышения. По толпе пронесся ропот неодобрения: генерал-майор Кундуков вышел на середину, чтобы произнести речь. Нахо вынужден был признать, что у этого человека есть самообладание - он хорошо держался перед несколькими сотнями богатых землевладельцев здесь, в сердце Малой Кабарды. Но какое безумие, какая наглость

- произносить свои речи именно там, где живет человек, имеющий все доказательства того, что он не достоин доверия порядочных людей!

Кундуков прекрасно выглядел - светловолосый, красивый, подтянутый, безупречно одетый, увешанный орденами.

- Братья, - заговорил он на прекрасном кабардинском диалекте, - Я русский генерал. Я честно служу России, как и многие ваши князья. Но я был и останусь мусульманином и истинным горцем. Эта военная форма лишь помогает мне служить вам и другим мусульманам Кавказа.

Тап Анвар, словно в блаженном забытии, поглаживал свою белую бороду, на его губах застыла счастливая улыбка. Анвар, сидящий с краю, громко откашлялся и сплюнул.

Несколько человек обернулись на него. Анвар снова закашлялся, чтобы пауза стала еще более убедительной.

Кундуков властно протянул вперед руку в белой перчатке, и его адъютант вложил в эту руку свернутый в трубочку и перевязанный официальной красной лентой документ. Нахо скрестил руки на груди. Все это было частью спектакля.

- У меня в руках - полный текст соглашения между Россией и Турцией относительно переселения кабардинцев в Турцию без всяких помех и препятствий. Я получил полномочия содействовать переселению стольких мусульманских семей, сколько согласится выехать туда со мной.

Похоже, он делает нам большое одолжение, правда, Нахо? - проворчал Анвар. Он произнес эти слова достаточно громко, чтобы их услышали окружающие. Некоторые из них обернулись - они были разгневаны столь неуважительным высказыванием. Однако, заметив, что оно принадлежит Анвару, прикусили языки.

Тем не менее, один из них закричал:

- Когда мы отправляемся, генерал?

Кундуков улыбнулся этому вопросу и поднял руку, призывая людей к спокойствию, будучи в полной уверенности, что к нему прислушиваются.

Нахо не мог больше слушать. Лицо его начало наливаться гневом. Он оглядывался по сторонам, всматриваясь в лица людей, которых он так хорошо знал - здесь сидели сыновья Мурада, кабардинцы из долины, где родилась его мать, из соседнего Чегема, из Баксана, из Мисостей. Он сделал все, что мог, чтобы донести до них правду, которая открылась ему. Кундуков продолжал свои сладкоголосые речи. Он обещал людям землю, обустроенные поселения, заверял их в благих намерениях султана...

Терпение старого Анвара, очевидно, тоже достигло предела. Пошатываясь, он поднялся на ноги и выкрикнул:

- Скажи-ка нам, Кундук Муса, а с чего это вдруг султан стал таким щедрым? Почему он ни с того ни с сего стал думать о черкесах, хотя за столько лет он и пальцем не пошевелил, чтобы помочь нам в нашей борьбе с твоими хозяевами? Где были турки, когда гяуры и казаки истребляли нас?

В толпе поднялся шум. Кундуков изо всех сил старался спасти положение:

- Я объясню вам, Тхамата. Султан является калифом нашего пророка Мухаммеда, да благословит его Аллах. Вот почему. Единственная истинная вера повелевает ему заботиться о детях своих, предоставляя им убежище...

Другой человек, прибывший из Баксана, оказался неудовлетворен этим ответом и повторил вопрос. Кундуков напрягся, стараясь придумать ответ получше, но тут Тап Анвар пришел к нему на помощь.

- Прекратите злословие! - потребовал священник, - Годами султан призывал правоверных прийти к нему. Годами я уговаривал всех вас отправиться в его страну. Двери «Бейт аль Ислам» были всегда широко открыты. Но ваши князья и уорки ничего не желали слышать. Почему? Потому, что, если бы вы все ушли, у них бы не осталось подданных!

Тап Анвар резко опустился на свое место, вытирая лицо и радуясь, что он наконец смог дать волю накопившемуся возмущению. Кундуков, казалось, был несколько обескуражен этой яростной атакой на знатных кабардинцев, с которыми лично он не хотел бы портить отношения.

Он вытянул руки вперед, как бы извиняясь:

- Послушайте, я всего лишь военный. Мои полномочия ограничены. Я не могу отвечать за все политические соображения иностранного правительства...

Анвар оглянулся на Нахо, который во время его речи смешался с толпой, не желая быть признанным Кундуковым. Старик потянул Нахо за рукав черкески.

- Что с тобой, мой мальчик? Почему ты не выскажешься?

Нахо кипел от негодования:

- Все мое время..., - прошептал он, внимательно прислушиваясь к происходящему. Глаза его горели. Теперь Кундуков обещал, что он сам тоже переселится в Турцию, чтобы вывезти туда переселенцев в сопровождении военного эскорта.

- Я все время буду с вами! Я не собираюсь возвращаться! Я хочу, чтобы Турция стала моим домом! - этот человек поистине обладал даром убеждения, даже если лгал. Его последнее заявление было встречено восторженным шумом. Нахо чувствовал, что собравшиеся начинают поддаваться на уговоры. Сердце в его груди трепетало от нетерпения. Но нет, нужный момент еще не настал. Нужно повременить...

Один из немногих присутствующих уорков, Мамкиг, поднялся, чтобы высказаться. Толпа затихла.

- Может быть, ты убедил многих. Но не меня, - голос у него был властный. - Не знаю, что предписывают осетинские Хабза, но по нашим законам, тот, кто призывает людей покинуть родину - предатель. Мы живем на этой земле с незапамятных времен... Откуда нам известно, что в действительности написано в твоих бумагах? Как знать, может быть, ты придумал совсем другое со своими хозяевами то ли в Петербурге, то ли в Стамбуле? Среди нас есть такие, кто хочет внушить нам, что это всеобщее бедствие...

Шум в толпе нарастал. Нахо прислушивался, пытаясь понять настроение людей. Он прикинул, что примерно половина - за Кундукова, а другая - против. Кабардинцы, обычно такие спокойные и уравновешенные, сейчас размахивали руками и хватали друг друга за одежду.

Тап Анвар, стоя на возвышении, пытался снова заговорить, но его слова тонули в буре выкриков. Наконец, имам просто поднял руки и склонил голову, моля людей утихомириться. Из уважения к нему, все замолчали.

Тут Кундуков заметил Нахо. Он поднялся и указал на юношу:

- Достойный уорк, я понимаю, что Вы боитесь довериться незнакомцу в таком важном деле. Однако здесь, среди вас, находится человек, который может поручиться за меня. Вот он! Нахо!

Толпа расступилась. Нахо стоял неподвижно, не отвечая пока на призыв Кундукова. Тот продолжал:

- Семья Нахо никогда не помышляла о переселении. Нам всем известна смелость и добрая слава его деда, Казбека, мы все с уважением относимся к этому почтенному старику, а прежде так же относились к его отцу, Ахмету. Нахо знает, что я руководствуюсь искренними побуждениями. Спросите его!

Анвар подтолкнул Нахо вперед:

- Давай, парень. Покажи им.

Нахо медленно вышел в центр круга, окончательно решившись раз и навсегда открыть кабардинцам глаза на предательство, совершаемое за их спиной. Едва он взобрался на возвышенность, Кундуков цепко ухватил его за руку. Нахо хотел было освободиться, но куда там...

- Нахо ездил вместе со мной в Константинополь. Вот мы и встретились вновь, Нахо! Скажи им, что я делаю все это ради них, не ради своей выгоды! И у меня нет другого

хозяина, кроме собственной совести! - этот человек окончательно потерял голову, раз так верил в собственную ложь.

Нахо повернулся к собравшимся:

- Из того, что сказал этот человек, многое верно, - медленно начал он. - Я действительно ездил в Константинополь навестить родственников... мать. Вы знаете, что после того как моего отца Имама убили казаки, она вновь вышла замуж и уехала в Турцию, когда я был еще совсем ребенком. Генерал-майор Кундуков помог мне добраться туда, чтобы повидаться с матерью. О целях своего пребывания в Блистательной Порте он вам сегодня уже говорил.

По толпе прошел шумок. Нахо встретился глазами с дядей Анваром, который напряженно смотрел на него, пытаясь, кажется, угадать, как повернется разговор дальше.

- Да, это все так., - Нахо мягко, словно успокаивая слушателей, рассказал, как Кундуков на его глазах много раз встречался с турецкими властями, стараясь обеспечить более удобные условия переселения. Кундуков и Тап Анвар стояли немного позади, сложив руки на груди. Они чувствовали облегчение: похоже, их правота доказана.

- Однако., - вкрадчиво добавил Нахо, заставляя людей затаить дыхание в ожидании. - Однако, я должен рассказать и о том, что произошло в Стамбуле накануне нашего отъезда домой: о встрече с двумя турецкими генералами-черкесами. Я расскажу вам только- то, что видел своими глазами, а вы уж сами решите, что к чему. Такие ведь Хабза у нас на Тереке?

Наступила такая тишина, что, пролети над ними птица, был бы слышен каждый взмах ее крыла.

Нахо припомнил все до мелочей: рассказал, как генералы, рискуя своим положением и самой жизнью, пытались воспрепятствовать планам Кундукова, как сами эти генералы вдруг исчезли вскоре после отъезда Кундукова, как его отчим опасался и за него и как он поэтому уехал в великой спешке.

Толпа вновь начала гудеть, и Нахо заговорил громче:

- Те два генерала черкеса рискнули своими жизнями, хотя отлично знали, что если об их встрече с Кундуковым узнают, с ними поступят, как с предателями. Почему они пошли на это? Да потому, что знали истинные цели Турции в отношении черкесов.

- Какие? Почему? - заволновалась толпа.

- Дело в том, что султану нужны новые солдаты. Каждый молодой здоровый черкес, уехавший в Турцию за последние пять лет, сейчас служит в армии султана! У семей горцев, живущих там, нет денег, не дали им и земли, как тут обещают! Их дочерей продают в рабство! Вот, братья, что я видел и слышал там.

Вокруг стоял уже не просто шум, а ропот, однако Нахо еще не кончил речь. Он достал из черкески письмо - обычный клочок бумаги, не скрепленный никакими официальными печатями.

- Это от Шамирзы Омара, моего отчима. Он пишет, что тех двоих генералов повесили янычары через несколько дней после отъезда Кундук 1ысы. Их убили, чтобы они не мешали творить это зло!

Нахо сошел с возвышения, держа письмо над головой и предлагая всем желающим прочесть его. Тап Анвар стоял молча, словно окаменев. Генерал-майор Кундуков с побелевшими от гнева и испуга губами вскочил на ноги и начал что-то громко кричать кабардинцам. Но они, все как один, отвернулись от него и окружили Нахо, желая увидеть письмо.

Казаки из охраны губернатора заерзали в седлах, солдаты занервничали, крепче сжимая винтовки.

Кабардинцы разделились на группы, некоторые принялись спорить между собой, другие яростно грузили повозки, намереваясь возвращаться с семьями по домам. В центре всей этой панорамы стоял Нахо из Хапца, вокруг которого собралась самая большая толпа. Он снова читал письмо Шамирзы Омара для всех, кто хотел слушать.

Кундуков понял, что здесь ему больше никто уже не поверит. Он вскочил на коня и начал отводить эскорт - боялся, что может начаться заваруха. Проезжая мимо Нахо, он смерил его насмешливым взглядом, потом ткнул рукоятью плети в его сторону:

- Что бы ты ни думал обо мне, но переселение - это всего лишь вопрос времени..., - он был верен себе, этот Кундуков.

Впрочем, эта реплика была адресована лишь одному человеку, остальным он больше ничего не мог сказать.

Анвар дружески хлопнул Нахо по спине:

- Отлично сказал! Молодец! Теперь куда бы он ни поехал - в Кабарде его и слушать не станут!

Однако Нахо запомнились последние слова Кундукова. Они каждый раз приходили ему на ум, когда кто-нибудь радостно сообщал ему о том, что Кундуков снова пытался подбить кабардинцев на переселение, но из этого ничего не получилось. Предприняв две неудачные попытки, он бросил эту затею.

«Это всего лишь вопрос времени.» Нахо вновь вспомнил эту фразу, когда узнал, что десять тысяч чеченцев и осетин все-таки последовали за генерал-майором Кундуковым в Турцию. Немного ему доставило радости и официальное сообщение о том, что российские власти на прощание вручили Кундукову тридцать тысяч рублей «на расходы и в оплату оказываемых услуг».

Позже из писем Шамирзы Омара Нахо узнал - и это тоже крепко запомнилось ему - что Кундукова в Турции встречали как героя, с высшими воинскими почестями. Ему присвоили звание генерала Османской армии.

Нахо все чаще и чаще начинал допускать мысль, что Кундуков все-таки был прав. Для всех черкесов переселение - это «всего лишь вопрос времени». Эта мысль вызывала ужас, но он почти уже не сомневался в ней.

* * * * *

Шамиз-бей во главе толпы шапсугов направлялся вниз к гавани, где стояли корабли. Аслан помогал старику, которого встретил возле дома, где проходил меджлис. Тому было бы трудно в одиночку спускаться по крутой тропе.

- Так где твоя семья, парень? - спросил старик, когда они брели по склону. - Где хаджи Даниль, да хранит его Аллах?

- Уехал до меня, - ответил Аслан с нарочитым равнодушием.

Старик кивнул:

- Понимаю. Моя жена погибла во время одного из налетов генерала Бабича. Мой дом сгорел, а сын ушел воевать - с тех пор я о нем ничего не знаю. Невестка забрала детей и ушла с чужими людьми. Я долго не мог решиться так просто покинуть дом... Я все ждал, что сын вернется.

Аслан уже выслушал сотни таких историй.

- Смотри здесь под ноги, Тхамада, - проговорил он.

- Ханаф. Меня зовут Ханаф, - представился старик.

Черета будущих переселенцев медленно спустилась с утеса и рассыпалась по пляжу. В мелководной гавани стояла на якоре целая флотилия больших плоскодонных кораблей - турецких судов, наподобие греческих «кечерми». Аслан очень мало знал о кораблях и о море вообще, однако тяжелый, неприятный запах, который приносил с этих посудин прохладный морской бриз, совсем не внушал доверия. И лишь в центре передней палубы каждого судна находилась маленькая постройка. Получалось, таким образом, что отъезжающим придется, как Бог даст ютиться на палубе под открытым небом.

Несколько шапсугов упали на колени в песок и, набрав его в пригоршни, поднесли к лицу. Однако Аслану было уже не до горестных размышлений. Он понял, какую огромную опасность таит в себе эта беспорядочная посадка на корабль. Он с тревогой подумал о том, что Шамиз-бей и имам, несмотря на весь их авторитет, пожалуй, не смогут предотвратить катастрофы. Шапсуги были слишком измотаны, устали. Еще немного - и у них сдадут нервы, паника охватит людей. Может быть, капитаны судов...

Но моряки своими действиями лишь внесли дополнительную сумятицу. Увидев огромное сборище отчаявшихся и оборванных людей, скатывающихся на пляж, они принялись выкрикивать какие-то невнятные распоряжения, лишь сбивавшие прибывших с толку.

Наступали сумерки, скоро должен был начаться прилив. Измученные люди вдруг поняли, что первым достанутся лучшие места, и те, у кого оставалось побольше сил, отчаянно бросились вперед. Поднялись громкие крики и стенания. Люди в истерике бежали, спотыкались, падали друг на друга.

- Держись крепче за меня, старик! – крикнул Аслан и взвалил Ханафа себе на спину. Рядом он увидел молодую женщину, которая судорожно прижав младенца к груди одной рукой, другой держала за руку маленького мальчика. Аслан быстро рванул ее на себя: иначе какая-то крупная женщина рухнула бы прямо на молодую мать:

Их маленькая группа направилась вброд к одному из кораблей, а сзади уже подпирала толпа обезумевших людей. Младенец выскользнул из рук матери. Она вскрикнула от ужаса. Аслан резко нагнулся! чтобы схватить ребенка, и в этот момент Хацаф упал у него со спины.

- Я не умею плавать! - прохрипел Ханаф, барахтаясь в воде, а потом вдруг исчез в кипящем вокруг него водовороте рук и ног.

Аслан почувствовал, как отчаяние сжало его горло, когда он окунулся в воду и схватил младенца. В этот момент откуда-то вынырнул Науруз, держа старого Ханафа за воротник, как котенка. Па секунду Аслану показалось, что Науруз собирается утопить старика в море. Подцепив Ханафа на плечо, Науруз помог Аслану выпрямиться.

- Держи! - Аслан выплюнул воду и сунул мальчика в руки матери. Образовав вместе с Наурузом живую ограду вокруг этих незнакомых им людей - старика и молодой женщины с двумя едва живыми детьми, они подталкивали их вперед, к борту судна. Науруз забрался на борт и оттуда нагнулся, чтобы взять у молодой женщины ее детей, но она была так напугана, что не могла расстаться с детьми ни на секунду. Аслану пришлось подсаживать их всех вместе сзади, а Науруз сверху кое-как перетащил их на палубу.

Ханаф грохнулся рядом с ними. Он ударился головой, когда Науруз поднимал его на борт. Кровь струилась из его белого, в голубых прожилках, виска. Однако даже в полуобморочном состоянии, Ханаф сумел собрать в кулак всю свою волю. Яростно желая выжить, он обрел какую-то сверхъестественную стойкость. Он утер лоб, а затем помог молодой женщине передвинуться на безопасное место: если бы они все держались у края палубы, то те, кто забирался следом, могли упасть прямо на них.

Аслан с Наурузом работали с дьявольской энергией. Стоя у борта, они без устали затаскивали наверх детей и пожитки среди которых попадались даже козы и ягнята. Крики людей оглушили их.

Но самое страшное началось тогда, когда матросы на кораблях, посчитав погрузку законченной и извергая потоки отборной брани, принялись поднимать якоря и готовиться к отплытию.

Люди цеплялись за борта кораблей, за якорную цепь, друг за друга. Один за другим несчастные падали в воду, выныривали, тонули, снова выныривали... Вот скрылась под водой одна голова, другая, канула вниз чья-то рука...

От усталости Аслан потерял сознание и рухнул. Когда он пришел в себя, было уже темно. На кораблях стояла мертвая тишина. Прилива еще не ощущалось. Даже животные не издавали ни звука. С чувством облегчения он задремал.

Он очнулся вновь, услышав крик. Та женщина с двумя маленькими детьми обезумела от отчаяния: пока она спала, младший ребенок умер у нее на руках. Старый Ханаф держал ее.

Подошел турецкий матрос и попытался отнять у матери мертвого младенца.

- Что ты делаешь! - прошипел Аслан, вскакивая на ноги. Он подбежал к матросу и оттолкнул его. Тут же поднялся большой шум: Науруз, который всегда оказывался в центре событий, подхватил матроса и наверняка сломал бы ему руку, если б не вмешались подоспевшие мужчины.

- Оставь женщине ее дитя, пусть она еще немного побудет о нем! - взмолился Аслан.

Матрос сплюнул и быстро заговорил по-татарски:

- Все трупы нужно сразу выбрасывать за борт! У нас приказ. Иначе вы все перемерете!

Аслан не понял, о чем говорил матрос, уловил в его словах какую-то страшную угрозу. Вокруг молодой матери собрались пожилые женщины. Черкесы исполнили традиционные погребальные ритуалы и опустили тело мальчика в море.

Во время краткой подготовки к похоронам стали искать священника. И тут только черкесы поняли, что ни Шамиз-бей, ни имам не изволили взойти ни на один из «кечерми». Если они вообще и сели на какой-нибудь корабль, то, наверняка, оказались в лучших условиях чем эти - палуба, или затхлый трюм с запахом гнилой воды, кишаций крысами.

В последующие дни Аслан часто вспоминал маленькое тельце умершего ребенка. Он умер, едва оставив свою землю, под звездным небом, в заботливых руках матери. Эти мысли окутывали Аслана свежлой небесной печалью.

Вскоре турки велели мужчинам образовать команды, чтобы откачивать воду из днища этой гнилой посуды.

Постепенно люди начинали все больше страдать от недостатка пресной воды и болезней. У них было мало еды, свежей воды, им негде было укрыться от палящего солнца. По мере того, как корабли все дальше уходили в открытое море, напасти все сильнее одолевали людей.

Обезумев от лихорадки и жажды, некоторые мужчины пили морскую воду, но это только приближало их конец. Иногда между членами команды и пассажирами завязывались драки: моряки заставляли черкесов бросать трупы за борт. Сами они не касались умерших из страха подцепить заразу.

Однажды утром, проснувшись, Аслан, как обычно, подошел к борту, посмотреть, не видна ли земля. Однако вокруг - лишь удручающие водные просторы, парящие в небе морские птицы и солнце. Впрочем, птиц сегодня было больше, чем обычно... У него мурашки побежали по телу. Появился Науруз:

- Смотри, смотри!

Он показывал куда-то назад. Аслан посчитал корабли - их было всего три, а не четыре, как накануне. Одна из этих посудин смерти затонула ночью, и теперь огромные жадные птицы то и дело пикировали над ее останками, исчезающими в морской пучине.

На их судне осталась лишь половина черкесов, поднявшихся на борт при посадке. Первыми умирали дети. Ханаф был одним из немногих выживших стариков.

Аслан потерял счет дням, однако, по его прикидкам минуло не менее двух недель до того дня, когда наконец показался турецкий берег. Сначала почудилось, что он очень близко, однако и к наступлению темноты они еще не достигли земли.

Он был так взволнован, что уже не мог спать. Старый Ханаф подошел к Аслану - вечером, на прохладе он чувствовал себя гораздо бодрее.

- Аслан, мне надо тебе кое-что оказать, прошептал он.

- В чем дело, Тхамата?

- Мы находимся сейчас совсем не возле Стамбула. Я тут разговаривал с одним шапсугом, он раньше хаживал в море. Так вот, он определил по звездам, что мы шли на юг, а не на запад.

- Меня уже больше ничего не удивляет, - безразлично проговорил Аслан.

Все следующее утро шапсуги занимались сбором своих пожитков. Едва не потерявшие

рассудок от голода, болезней, отчаяния, они бессмысленно перекладывали узлы, вертели в руках оставшуюся утварь и что-то бормотали под нос. Развязывали мешки, перекладывали вещи туда-сюда, завязывали их, а потом, забыв, развязывали вновь. В этом всплеске энергии таилась какая-то одержимость, будто в глубине души эти люди пытались оживить хоть маленькую надежду.

Молодая женщина, потерявшая младенца в самом начале пути, все время держала своего старшего мальчика на руках и иногда с рассеянным видом пыталась кормить его грудью, но мальчик был уже совсем большой, а кроме того, у нее уже совсем не осталось молока.

Корабли вышли на мелководье, замутненное песком. Несколько черкесов утонули. Они прыгнули в воду - так им не терпелось скорее добраться до берега, но не рассчитали глубину.

- Зачем? - Аслан почти хохотал, выбираясь на сушу вброд. Он нес на руках молодую мать и ее ребенка. Теперь они стали совсем легкими, почти невесомыми.

Ханаф брел позади. - Зачем... Что значит «зачем»? - спросил он раздраженным, хриплым голосом.

- Зачем мы все так спешим покинуть наше судно? - спрашивал Аслан. - Вы же сами видите, здесь ничего нет. Кроме других людей, таких же, как мы...

Прибрежная полоса была сплошь покрыта трупами. Поодаль оборванные переселенцы - те, кто приехал сюда раньше и умудрился выжить, кое-как соорудили из выброшенных морем деревяшек ветхие хижины, прикрыв их хлопающими на ветру циновками. Некоторые просто свалили в кучу свои вещи и свернулись на песке в тени тюков. Песок простирался на многие версты. Но это был не пляж. Это было начало пустыни.

Аслан застонал:

- О Кавказ! Мы покинули тебя ради этого? Какое безумие! Какая огромная ложь! Какую подлость способен совершить человек по отношению к своим братьям!

Ханафа, казалось охватило внезапное оживление. Он присоединился к группе мужчин, которые брели по берегу, споря и проклиная судьбу.

- А куда делся Шамиз-бей?! - кричал один из них. - И где имам?! Я не видел их с тех пор, как мы взошли на корабль!

Ханаф расхохотался:

- И не увидишь, друг. Курица, у которой есть деньги, и в аду клюет сладкое зерно.

Аслан вдруг понял, что ему надо делать. Он думал о том, что предпринял бы его отец, хаджи Даниль, если бы ему довелось попасть в такую ситуацию, и сама мысль об этом возбудила в нем жажду действия. Хотя спорящие мужчины были ему незнакомы, он подошел к ним и приказал:

- Прекратите эти разговоры! Сейчас надо не болтать, а действовать! Надо помочь женщинам и детям сойти на берег, разбить лагерь... Раз у нас нет предводителя, мы будем сами себе предводители.

Устыдившись, мужчины снова вошли в воду и принялись помогать более слабым добраться до берега. Никто из местных властей не пришел, чтобы оказать помощь прибывшим. Не было ни продовольствия, ни жилья...

Суда быстро опустели. Подгоняя слабых и больных, матросы сбросили последних из них в море и, подняв якорь, поспешили отплыть. У самого берега Турции вновь погибло множество людей, и даже Науруз оказался бесполезен. Черкесами овладела покорность судьбе.

Тем не менее, они, наконец, оказались на суше. Появилась хоть какая-то надежда найти пресную воду и еду. Женщины начали разводить костры из валяющихся на песке кусков дерева, чтобы вскипятить воды и позаботиться о больных. Науруз и еще несколько сильных мужчин, забыв на время свои воинские навыки, занялись строительством лачуг.

За несколько дней прибрежная полоса покрылась множеством землянок - жалких убежищ, которые мужчины вырыли почти голыми руками для своих женщин и немногих оставшихся в живых малышей. Некоторые из воинов-шапсугов, взяв ружья, бродили поодаль в скудных

зарослях кустарника в поисках какой-нибудь дичи. Люди забили немногих уцелевших овец и коз - их мясом надо было хоть как-то накормить как можно большее число переселенцев. Часть коз была оставлена, чтобы у больных и у детей было немного молока.

Невероятно, но через несколько дней шапсуги почувствовали, что спасены. Это была еще не жизнь, а лишь существование, но люди немного оправались, вновь начали произносить молитвы.

Ханаф первым заговорил о кладбище:

- Это очень важно, - настаивал он, - Мы должны выбрать место где-нибудь в сторонке и вырыть глубокую яму. По-моему, это надо сделать вон там, - он указал на дальний конец прибрежной полосы. Казалось, он выбирает себе участок для дома.

- Хорошо, старик, - грубо пошутил Науруз, - если ты хочешь быть похороненным там, я согласен. Чем раньше, тем лучше, старый ворчун.

Аслан и Науруз много времени проводили вместе. Раньше им случалось воевать бок о бок, но никогда они не были так близки. Аслан был зрелым человеком, родился в семье богатого хаджи, уважаемого старейшины. Науруз же, подобно необработанному алмазу, нуждался в огранке. Он всю жизнь провел в сражениях, и, похоже, не имел никаких привязанностей.

Но даже на нем оказывалось напряжение этих дней. Это проявилось, когда шапсуги стали копать могилы и опускать в них тела умерших. Науруз начал кашлять. Каждый раз, когда он пытался заговорить, у него перехватывало дыхание, и ему приходилось стучать себя кулаком по груди, чтобы высказаться.

- Я убью Шамиз-бея, - говорил он в промежутках между приступами кашля. - Если когда-нибудь встречу, убью его голыми руками...

Время от времени, влекомые общим порывом, мужчины собирались в круг, чтобы обсудить, что делать дальше. Эти собрания неизбежно сводились к выкрикиванию проклятий и возмущению своим теперешним положением.

- Я за то, чтобы мы вернулись, - говорил один (можно было подумать, что у него есть корабль, который ждет в гавани).

- Я предупреждал меджлис, - пылая праведным гневом, восклицал в ответ Науруз, - туркам нельзя доверять!

- Чтобы вернуться, нужны деньги, - высказывался другой. - У кого-нибудь они есть?

- Ха! Кто даст нам корабль! - возражали ему.

- Думаете, турки разрешат нам отплыть отсюда? Ясное дело, султан заключил с нашими вождями сделку! Аллаху известно, зачем ему это было нужно...

- Нет, - говорил кто-нибудь еще, - по-моему, все это дело рук русских генералов. Это они, вместе с Шамиз-беем устроили эту маленькую морскую прогулку...

- Да нет, здесь наверняка замешаны и другие,

- перебивали его. - На этом побережье сотни черкесов других племен.

- Все виноваты в наших несчастьях, все вы играли от этого заговора, кроме нас!

Такие споры продолжались, иной раз, помногу часов, пока люди не уставали от бессмысленных пререканий. Не придя ни к какому решению, они медленно разбрелись в темноте и укладывались спать рядом со своими близкими.

Однажды утром, дней через пять после того, как они закончили сооружение лагеря, Аслан, лежа в своей землянке, решил, что настал момент предложить шапсугам свой план действий.

Он созвал импровизированный совет, в котором приняли участие представители наиболее близких ему семей.

- Я считаю, что нам следует послать двух- трех самых сильных воинов на разведку. Они должны выяснить, где мы находимся - сказал он, - За этой пустыней должна быть какая-то жизнь.

- Хорошая мысль, - согласился с ним один из присутствующих. - Теперь, наконец, имея запас воды, мы можем передвигаться. Кроме того, у нас есть ружья...

- Да, - сказал Науруз, загораясь, - я пойду.

- Нет, - возразил Аслан, - ты не совсем здоров.

Науруз уже собрался возмутиться, но тут один из шапсугов, тот, что соглашался с Асланом, увидел вдаль, на западе, облако пыли.

- К нам гости, - произнес он.

Замечание было излишне. Четыре всадника-турка уже величаво гарцевали меж горцев. Первым ехал толстый человек одетый как паша, остальные были в очень красивых красных фесках - принадлежностях военного мундира.

Как только толстый паша подъехал к группе совещающихся мужчин, остальные шапсуги со всего пляжа потянулись к приехавшим, словно чайки, летящие за кораблем. Турок быстро окружила толпа людей, жаждущих услышать, что скажет паша - они надеялись, что он принес им спасение.

Масляные пухлые губы паши скривились от отвращения, когда он взглянул в эту толпу и учуял исходивший от нее запах. Аслан заметил отвращение на его лице и ответил ему взглядом, полным испепеляющей ненависти.

- Понимает ли кто-нибудь по-турецки? - спросил паша неприятным визгливым голосом.

Толпа невольно раздалась, пропустив вперед несколько старейшин-шапсугов. У этих стариков уже не было сил обустроиваться здесь, на берегу, однако Аслану, Наурузу и другим, принимавшим в последнее время решения, было приятно видеть, что старики вновь вспомнили о своих законных правах представлять свой народ перед чужаками.

- Некоторые из нас понимают, - сказал один из старцев. - Мы сами переведем для остальных.

- Что ж, прекрасно, - ответил турок. - Я - Сулейман Паша, губернатор этого края. Здесь все мусульмане?

Старики удивились этому вопросу:

- Да, губернатор, все. Мы черкесы.

- Если вы все мусульмане, то отчего же не ходите в мечеть и не молитесь там пять раз в день, как положено делать истинным верующим?

Толпа ошарашено промолчала на этот укор. Потом сердитый ропот стал расти среди людей.

Первым высказался, конечно, Науруз:

- Мечеть? Мы даже не знаем, где здесь ближайшая деревня!

- Где земли, которые нам обещали? - выкрикнул кто-то еще.

Вперед вышла какая-то женщина и схватилась рукой за красивые, украшенные кисточками, стремяна Сулейман Паши:

- Мы голодны, господин! Наши дети умирают от голода! А в мечети ведь нет ни еды, ни молока!

Сулейман Паша инстинктивно отпрянул, испуганный этим прикосновением. Затем, испуг сменила досада на то, что этот испуг был замечен. Кроме того, паша был оскорблен тем, что эта крестьянка осмелилась дотронуться до него.

Он указал на нее своим кнутом:

- Мусульмане не допускают такого! Женщины, тем более, не прикрытые чадрой, не должны находиться среди мужчин. Уберите ее!

Один из старейшин осмелился вступить за женщину:

- Господин, в нашей стране женщины не отделяются от мужчин и не закрывают свои лица.

У нас другие обычаи...

Сулейман Паша побагровел от ярости:

- Забудьте привычки неверных! Забудьте ваши «обычаи»! - он презрительно усмехнулся. - Здесь вам не Россия. Женщины должны носить чадру и находиться отдельно от мужчин.

Стоящая рядом с Асланом молодая женщина, которая еще на корабле потеряла ребенка, начала плакать. Из ее груди исторгались низкие, протяжные рыдания.

У Науруза лопнуло терпение. Хотя ему и не полагалось встревать - от имени народа

говорили старейшины, но он не мог больше сдерживаться:

- Мы поняли, что нам не место в вашей стране. Мы хотим, чтобы нам разрешили вернуться домой. Мы будем вам благодарны, если вы предоставите нам суда для плавания, господин губернатор. Многие из нас готовы отплыть немедленно. Сегодня же.

Гул одобрения пронесся по толпе переселенцев, окружившей губернатора. Губы Сулеймана Паши скривились. Невежество этих людей порой даже забавляло его.

- Аллах-у-Акбар! - он воздел руки вверх, - вы говорите чепуху! Никто не в силах изменить договор двух великих держав. Вы должны быть терпеливы. Ваши жертвы будут вознаграждены,

и вы достигнете процветания...

Он схватил поводья и заставил свою лошадь ездить по кругу, расчищая пространство вокруг себя. Черкесам невольно пришлось отпрянуть.

- Слушайте, что я скажу! Во имя султана, калифа Пророка нашего Мухаммеда, да благословит его Аллах, я приказал составить список всех мужчин и юношей, способных нести военную службу. Все, внесенные в этот список, будут немедленно мобилизованы. Те, кто пойдет служить добровольно, получают награду - их семьям будет оказано покровительство государства.

Офицеры, сопровождавшие Сулеймана Пашу, принялись расталкивать толпу черкесов, разделяя ее на группы, человек по двести в каждой.

Люди были потрясены и совершенно растеряны. Они льнули друг к другу, словно животные, в поисках утешения и хоть каких-нибудь объяснений. Когда слова паши были переведены, и весь смысл ужасного предательства открылся, ропот стал громче, но в нем звучала растерянность, а не вызов.

Аслан посмотрел на Науруза холодным и мрачным взглядом:

- Если раньше мы не были уверены, теперь нам все ясно. Вот почему султан послал за нами корабли. Его армии нужны солдаты!

Сулейман Паша наблюдал, как эти люди переговариваются на своем языке. Никто не осмеливался открыто протестовать. Паша был доволен: у этих людей нет выхода. И чем скорее они это поймут, тем лучше для них, и меньше хлопот ему.

- И последнее, - паша набрал в грудь воздуха, готовясь сделать еще одно заявление. - Жители Самсуна жалуются, что здесь было совершено несколько краж. Я предупреждаю вас - всех предупреждаю! Любого, кто будет пойман за кражей кур или еще чего-нибудь, повесят на городской площади!

Теперь черкесские мужчины стояли молча, окрестив руки на груди и опустив головы. Женщины повернулись спиной, многие из них просто пошли прочь от этого места.

- Оставайтесь в этой части побережья, пока ваши мужчины не будут определены на службу, - выкрикивал паша. - Позже мы решим, куда вас переместить!

Никто не ответил на это распоряжение. Губернатор подождал некоторое время, разозленный демонстративным неуважением. Его неприязнь к переселенцам еще более усилилась.

Аслан и Науруз стояли рядом, плечо к плечу. Они оба не имели семей, и было очевидно, что их заберут в армию.

Аслан неожиданно отступил вглубь толпы и схватил одного из мужчин за руку:

- Ханаф! Где Ханаф?!

Его вопрос шепотом передали по толпе.

Тем временем, Аслан постепенно пробрался сквозь ряды соотечественников к молодой женщине с маленьким мальчиком на руках. Теперь она уже не плакала, а просто покачивала ребенка, напевая ему грустную песню.

- Слушай меня, у меня мало времени, - скороговоркой прошептал Аслан. Турецкий патруль двигался через толпу уже совсем рядом, и скоро его должны были заметить.

- Что тебе надо? - изумилась женщина. - Ты хочешь отнять моего мальчика?!

Только теперь Ханаф, наконец, коснулся рукой его локтя.

- Ханаф, слушай, слушай хорошенько, я не могу объяснить ей... Ты должен сказать, что

ты мой отец. А они - твоя дочь и внук. Понял? Если меня заберут на военную службу, о вас станут заботиться. Это единственное, что я могу для вас сделать. Согласен?

Женщина подняла глаза - она, наконец, поняла:

- Я не знаю твоего имени...

- Аслан, сын хаджи Даниля... Ханаф помнит мою семью. Он расскажет тебе обо мне...

В этот момент турецкое кнутовище ткнулось в плечо Аслана, и он быстро обернулся.

- Я готов, - сказал он по-татарски, - только прощаюсь с сестрой.

- Мариан - прошептала она, - да благословит тебя Аллах...

Аслан поцеловал ее малыша и присоединился к другим призывникам, которые беспорядочной толпой потянулись на регистрацию.

* * * * *

Дэвид Эркарт лежал в постели, собираясь продиктовать Харриет письмо, предназначавшееся мятежному князю Дагестана, который собирался выступить в поддержку черкесских повстанцев.

- Ты готова, Харриет? Я почти закончил, обдумываю последний абзац... Хочу, чтобы ты записала письмо поскорее...

- Не беспокойся. Я обо всем позабочусь. Давай сделаем это, и ты отдохнешь.

Дэвид нетерпеливо взмахнул рукой. Время летело.

- Сначала, конечно, дата - тридцатое апреля тысяча восемьсот шестьдесят третьего года... Теперь так:

«Посылаю Вам флаг. Это тот же самый, что я ранее посылал черкесам. Отличие состоит только в том, что звезды на нем прежде символизировали малые племена Западного Кавказа, а теперь они являются символом целых народов. На флаге три звезды: одна - Черкесия, вторая - Дагестан, третья - Грузия.»

Харриет быстро записывала. Глаза ее наполнились слезами. Это письмо, Дэвид сочинял все утро. В нем говорилось, что горцы не должны верить ни единому слову, из того, что пишет о войне «Лондон Тайме» - все это инспирирует ни кто иной, как русский посол. Эркарт считал, что его собственную страну предали так же, как и Черкесию.

В течение последующих долгих месяцев Дэвид Эркарт, почти прикованный к постели, одно за другим получал сообщения о подавлении сопротивления черкесов. Генерал Бабич, «победитель шапсугов» двигался к побережью, гоня на Запад остатки горцев. Многие прибрежные племена - пшку, ахципсу, агибы, джигиды, были почти полностью уничтожены. Молва утверждала, что во время этого похода, множество черкесов, согнанных в Абиго, охваченные безумием, скопились в ущелье. Русские, атаки которых им перед этим удавалось отражать четыре дня, поливали ущелье огнем, пока там не осталось ни одного живого.

Двадцать первого мая тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года на лесной прогалине в Ахципсу великий князь Николай Николаевич, брат Александра Второго, собрал свои войска для торжественного молебна в честь победы над черкесами и послал депешу своему царственному брату, поздравив его с окончанием войны.

В июне тысяча восемьсот шестьдесят четвертого года Дэвид Эркарт выпустил номер «Свободной прессы» с траурной рамкой на обложке - знак поражения Черкесии.

Здоровье его было совсем подорвано. В том же месяце они с Харриет покинули Англию. Они поселились в своем шале в местечке Мелезес в Швейцарии - в самом сердце высочайших гор Европы. Дэвид Эркарт никогда более не ступил на землю Англии.

* * * * *

Брак Нахо оказался счастливым во всех отношениях: его жена Диса родила ему за четыре

года трех здоровых сыновей. Новая жизнь помогла Нахо обрести покой. Она вернула ему веру в будущее и, кроме того, он был рад видеть, как Казбек воспрял духом от того, что теперь род его был продолжен. Старики надеются на это. Трое внуков, и все мальчики! Ничто не могло порадовать сердце черкеса больше. К тому же, Казбек был доволен, что у его правнуков такая мать, как Диса, не обремененная мыслями о неизбежности трагичной судьбы своих детей, как его покойная Нурсан.

Ошибкой было считать, что Казбек меньше чтит память Нурсан из-за ее отказа от материнства. В конце концов, она оказалась права. Страхи ее были вызваны вовсе не отсутствием чувства долга, и не мятежным духом противоречия обычаям. Нурсан всегда была прекрасной хранительницей домашнего очага, искусной рукодельницей, любящей женщиной. Однако, как теперь понимал Казбек, она была наделена даром предвидения, и с самого момента рождения Имама чувствовала, на какую судьбу обрекли его небеса.

Нахо часто наблюдал, как его дед дремлет на террасе по привычке всех стариков. ТенеDb во дворе перед ним играли с собакой трое малышей, ... а не один, как когда-то перед Ахметом. Нахо всегда удивлялся тому, что вид детей оживляет в нем ощущения его собственного детства. Это было нечто большее, чем просто воспоминания. Он смотрел, как его старший сын Хасан заставляет собаку скакать через палочку, и сейчас же чувствовал на языке вкус горячего супа, который бабушка Нурсан, бывало, выносила для него и для Ахмета и который они вместе ели на террасе ясным осенним днем - таким же, как этот. А вот другой его малыш забирается в конюшню и ползает между ног жеребенка, бесстрашный, как и Нахо в его возрасте... Нахо закрывал глаза и видел, как прадед Ахмет поднимает его высоко над головой, так высоко, что у мальчика захватывает дух и кружится голова, и в то же время, его переполняет радость - ведь с ним играет глава их семьи...

За продолжение рода приходилось платить. Теперь, торгуя лошадьми, Нахо должен был постоянно иметь дела с русскими соседями. Нахо и Казбеку пришлось претерпеть много душевных терзаний, чтобы заставить себя вступить в деловые отношения с врагами - офицерами армии, уничтожившей многих их друзей.

От шапсугов не было никаких известий - ни от хаджи Даниля, ни от Аслана, ни от других повстанцев - Ислама Гери, Шамиз-бея... Судя по их молчанию, они, скорее всего, были мертвы. Единственное, что удалось Нахо узнать от русских офицеров, было то, что последние силы мятежников повержены, а их край покорен.

Сейчас Нахо терпеливо ждал, пока новый покупатель из Пятигорска осмотрит жеребцов в конюшне. Он стоял рядом с этим русским офицером, одетым в красивую форму и, как бывало уже не раз, переживал внезапный приступ неприязни к этому человеку. Нахо постарался подавить в себе это чувство, как уже много раз поступал в подобных обстоятельствах.

- Может быть, Вы считаете, что арабские жеребцы малорослы, Ваше превосходительство? - Нахо сделал над собой усилие - надо было вести дела - и заговорил с офицером по-русски, бегло.

- Уверю Вас, что они отважны и сильны. Помимо исключительной красоты и крепости сложения, они обладают всеми достоинствами нашей местной кабардинской породы.

Покупатель, происходивший из семьи графов Строгановых, похлопал себя по бедру кнутовищем:

- Да, они красивы, это несомненно. Но на что они еще годятся, кроме того, чтобы вызывать восхищение?

Его серые глаза, казалось, насквозь пронизывали лошадей, а затем принялись столь же пристально изучать их хозяина. Нет слов, эти кабардинцы, как и их лошади, прекрасно сложены. Графу Строганову захотелось узнать побольше о Нахо. Хозяин конного завода на удивление хорошо владел русским, что в сочетании с безупречными манерами говорило о недюжинном уме.

Нахо продолжал нахваливать товар производства конного хозяйства Ахмета с Кубани, выказывая практичность и уверенность в себе:

- Недавно мы продали десяток наших серых лошадей в Петербург. Насколько я знаю, их используют в упряжке ваших красивых европейских повозок. Владельцам очень нравится манера бега арабских жеребцов - они высоко поднимают ноги. Кроме того, они очень выносливы, и пре красно могут тянуть повозку.

Графа Строганова позабавило то, как хорошо Нахо разбирается во вкусах столичных аристократов:

- Подумать только! - сказал он с оттенком иронии.

Нахо холодно взглянул на него:

- Мы также продали несколько дюжин арабских жеребцов в Моздокскую станицу. Они нравятся кавалерийским офицерам.

Один из конюхов вывел призового коня - одного из лучших кабардинских жеребцов в конюшне Нахо. Граф Строганов всмотрелся в него повнимательнее:

- Вот это лошадь из тех, что мне нравятся. Какой красавец! Каков его возраст?

Против собственной воли Нахо не мог не почувствовать уважения к человеку, любящему лошадей.

- Этой зимой исполнится восемь лет, - ответил он, голос его немного потеплел. - Кабардинские кони, которых я вам показывал раньше, в основном происходят от этого производителя.

- Хорош. Очень хорош, - казалось, что граф Строганов вот-вот не устоит перед искушением.

- Хотите посмотреть еще арабских, Ваше превосходительство?

- Почему бы и нет? - граф был искренне заинтересован, поэтому Нахо решил показать ему всю конюшню. Вскоре они заключили хорошую сделку и, как всегда в таких случаях, Нахо предложил графу закусить прежде, чем он отправится в обратный путь, на ту сторону Терека.

Казбек сидел в гостиной. Он был рад услышать, что сделка заключена. Ему представили графа Строганова, который еще больше воспыал любопытством, услышав, что старик тоже прекрасно говорит по-русски, правильно и с хорошим произношением. За всем этим явно скрывалась какая-то любопытная история, которую ему очень хотелось узнать от хозяев дома. Однако белые одежды старика свидетельствовали о том, что он хаджи, и настаивать было бы неуместно.

- Ваш внук неплохо ведет дела! - сказал Строганов Казбеку. - Он продал мне еще и несколько арабских жеребцов. А ведь, когда я ехал сюда, вовсе не собирался их покупать.

Казбек улыбнулся. Когда он наконец заговорил, Строганов с удивлением услышал, что голос у него глубокий и сильный. И вид крепкий, несмотря на явно солидный возраст. Несомненно, этот человек прожил интересную жизнь...

- Граф, на самом деле Нахо оказал Вам услугу. Ни одна порода лошадей не сравнится с арабской. Арабские кони уже несколько поколений улучшают местную породу, и будут улучшать ее и впредь. Считайте, что Вам повезло.

- Не знаю, как насчет «повезло», - ответил Строганов, вспомнив немалую сумму, с которой он только что расстался, - но я определенно доволен. Я попытаюсь сделать то же, что и вы - скрестить арабских коней с кабардинскими и русскими породами. Посмотрим, что получится.

Нахо наклонился поближе к деду, чтобы тот его лучше слышал:

- Наш гость купил Шамара, того жеребца, которому ты дал имя, и еще несколько кобыл.

- Шамар - это черкесское имя? - спросил граф.

Ему не дано было знать, что Казбек и раньше встречал людей такого типа, как он: хорошо воспитанный русский, лоск которого сам по себе является признаком его касты. Строганов был обаятельным малым, сразу вызывающим в людях доверие. Казбек вспомнил русского - друга их семьи, князя Василия, который давным-давно спас ему жизнь во время эпидемии чумы, истреблявшей народ Кабарды. Этот русский, похоже, был того же склада.

Но Нахо, конечно, ничего не знает о Василии, так что нет смысла упоминать о нем...

Казбек вдруг ощутил свою юность такой близкой, словно все происходило вчера. А вот то, что действительно было вчера, ему вспоминалось трудно.

- Нет, - ответил Казбек после паузы, во время которой остальные терпеливо ждали ответа, почтительно относясь к старческой слабости. - Это арабское имя. Это название арабского племени, от которого я получил этого производителя. Граф Строганов был удивлен:

- Вы бывали в Аравии?

Казбек про себя улыбнувшись: «Бывали в Аравии!»... Ах граф, если бы Вы только знали...

Казалось, Казбек не слышал вопроса. Нахо прервал эту попытку графа к сближению:

- Дедушка, я написал для Его превосходительства родословную, - сказал он быстро, затем повернулся к графу: - Шамар - саглови, потому что он происходит от тех кобыл, которых дед привез из Аравии. В арабской породе потомки всегда считаются по материнской линии.

- Как интересно, - сказал граф (он был несколько разочарован тем, что ему не удалось услышать семейную историю), - все это так ново для меня. Что ж, - неохотно добавил он, - у меня впереди долгая дорога. Значит, лошадей я могу ожидать в следующем месяце?

Нахо быстро поднялся. Он пообещал графу доставить лошадей до конца месяца, пока стоит хорошая погода.

Казбек откинулся назад, наблюдая, как мужчины договариваются и жмут друг другу руки. Он почувствовал внезапный прилив надежды. Может быть, так и должно быть, чтобы кабардинцы и русские жили бок о бок в мире. Но им необходимо уважать друг друга. Сможет ли Нахо доверять графу и ему подобным после всего, что он видел на побережье?

Для самого Казбека это было невозможно. Он пережил слишком много страшного. Он знал много русских, которые были низки и подлы - и князей, и обыкновенных воров. Но значит ли это, что все русские - наглые, агрессивные звери?

Казбек с трудом поднялся на ноги. Встать было необходимо, чтобы дать понять русскому, что если его дела завершены, то он должен удаляться с земли горцев. Казбеку вдруг показалось это^ очень важным - встать и церемонно выпроводить графа.

Но Строганов был слишком силен для Казбека. Он возвышался над ним, словно башня, а когда слегка пожал старику руку, тот покачнувшись и несколько минут потом не мог обрести твердость в ногах.

- Ну что вы, хаджи, Вам не стоило вставать, - сказал граф с теплотой и уважением, - я попрощаюсь с Вами здесь.

Сердцебиение в груди Казбека не ослабевало. Он не рискнул заговорить, а только с достоинством кивнул. Граф попрощался и вышел на солнце. Нахо последовал за русским, оглянувшись на деда, чтобы убедиться, что с ним все в порядке.

- Ты все сделал правильно, Нахо, - сказал Казбек.

Он глубоко вздохнул и снова опустился на подушки. Старик смотрел, как двое мужчин идут к воротам. Был тихий теплый благоуханный - день, и его народ жил в этот день хорошо. У него самого тоже все было хорошо, вот только боль в груди все нарастала, вместе с уверенностью, что ему уже не суждено будет увидеть еще один такой закат - неясное, почти неуловимое угасание света. Он готов, Аллах был милостив к нему. По правде говоря, он устал от воспоминаний. Казбек закрыл глаза и стал молить Аллаха о последней милости...

Вернувшись, Нахо увидел деда, мирно лежащим с лицом, повернутым к солнцу и с угасающей улыбкой на губах. Нахо опустился рядом с этим обожаемым им человеком. Он понял, что дед мертв, и заплакал. Он схватил руку деда и стал целовать ее. Слезы его сочились сквозь пальцы Казбека. Тело еще не остыло, ладонь тяжело лежала в руке Нахо. То была не отрешенная тяжесть мертвой плоти. И мертвого Казбека наполнял особый дух величия, силы, прочности, той мощи, которая чувствовалась даже при простом взгляде на него. И в смерти своей он казался столь величественным, будто был монументом, высеченным из камня.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

1877 год

Нахо предавался заслуженному отдыху после весеннего сева кукурузы. По давно заведенному обычаю, его жена Диса, хрупкая маленькая женщина, принесла ему в полдень еду, и теперь они вдвоем сидели под ивой, наслаждаясь прохладой ее тени.

Нахо догадался, что Диса собирается сообщить ему какие-то важные домашние новости. Это тоже был давно заведенный обычай. Сегодняшний обед был особенно вкусен - поджаренный сыр, свежее испеченный хлеб, и много его любимых медовых коврижек. К тому же, Диса оделась сегодня с особой тщательностью. Ее белое покрывало сияло на солнце, оттеняя свежесть лица. Поверх него была одета красивая шапочка, расшитая серебряными монетами, которые весело позвякивали у нее надо лбом. Без сомнения, она хотела о чем-то его попросить.

- Ну, выкладывай, - с удовольствием сказал Нахо. Они с Дисой, прежде всего, были друзьями. Он даже и не ожидал, что будет так развлекаться, чтобы не сказать, наслаждаться, обществом своей остроумной и бойкой маленькой жены. И радость эта не уменьшилась с годами.

Диса сверкнула на него своими темными глазами:

- Как я рада, что у меня наблюдательный муж, - мило прощепетала она. - Не перестаю удивляться, как это ты все замечаешь!

Нахо пожал плечами:

- Это все мой врожденный ум.

Надеюсь, твои дети унаследуют его, - заметила она, - как и твою природную скромность. Нахо обнял ее за плечи:

- Дай-ка мне еще одну из этих чудесных коврижек, - попросил он. - Так я правильно догадался, что к осени Господь благословит нас еще одним прелестным малышом?

Диса вспыхнула:

- Нет, Нахо, не думаю.

- Жаль..., - Нахо закончил есть в молчании, потом поцеловал ее. - Я не хотел быть слишком настойчивым, - его извинения были искренни, - Аллаху известно, что у нас и так есть, чем занять руки.

Диса вздохнула. После четырех сыновей у нее родилась поздняя девочка. Как бы ей хотелось, чтобы у нее появилась еще одна дочь, которая была бы с ней рядом в старости! Но Аллах, видимо, пока рассудил иначе.

- Так в чем же дело? - Нахо растянулся на траве, расслабив свое широкоплечее тело. В его глазах сверкали солнечные блики.

- Это так трудно, Нахо...

- Что трудно?

По обыкновению, Диса разом выпалила все свои опасения:

- В следующем году Маджид вернется от аталика. Хасану вот-вот придет пора жениться. Через год-другой я начну подыскивать ему невесту...

Нахо сел. Он был удивлен. Его всегда поражало то, как далеко женщины рассчитывают все наперед.

- Что за ерунда! Он же еще совсем мальчик!

Диса дотронулась до его руки:

- Я же не говорю, что, это произойдет скоро. Я беспокоюсь о будущем. Ведь это очень важно. Когда-нибудь мне придется подыскивать невест для всех наших сыновей. А ведь многие семьи уехали. Теперь это будет трудно...

О чем бы ты там ни беспокоилась, наших мальчиков это пока не касается, - поспешил возразить Нахо. Он не хотел сейчас обсуждать этот щекотливый вопрос с женой, хотя он действительно беспокоил всех отцов и старейшин в Хапца. - Что тебя так пугает?

- Твоего племянника Карима видели, когда он ухаживал за казачкой. Ничего серьезного, но Руслан хочет, чтобы ты с ним поговорил. Он просто вне себя. Думаю, может быть, хоть ты, его любимый дядя, сможешь повлиять - ты ведь тоже еще не стар...

- Это такая неприятность для стариков селенья! Все равно, что мой собственный сын..! - Нахо поднялся и принялся расхаживать взад-вперед: он был очень расстроен. - Карим должен понимать! Это такой позор нашей семье!

Диса сидела неподвижно, укутав свое хрупкое тело шалью.

- Ну что ты решил, муж? - тихо спросила она.

Нахо посмотрел на свои натруженные руки. Он любил родную землю и считал, что ничто на свете не может заставить его уехать отсюда. Но он понимал и то, насколько трудно Дисе чувствовать себя здесь счастливой. Ее родители умерли, две ее сестры отправились в Турцию. Да и сами они не молодели с годами, а их старший сын уже стоял на пороге самостоятельной жизни... А по поводу Карима Диса, конечно, была права - женщины всегда хорошо разбираются в этих вопросах. Здесь нужно быть твердым. Недостойное поведение их молодого родственника касается не только его одного.

- Я поговорю с Каримом.

Диса, кажется, осталась довольна:

- Долго не сиди здесь. Анвар ждет, что ты к нему зайдешь.

- Он знает о Кариме? - спросил Нахо, явно опасаясь, что старый Анвар может воспринять новость слишком тяжело.

- Ничего не знает. Никто не хочет волновать старика.

Нахо не мог удержаться от смеха:

- Ты хочешь сказать, что все боятся увидеть его в гневе! В последнее время его нрав, кажется, стал не менее бурным, чем у дедушки Казбека!

Диса улыбнулась:

- Только его обожаемый родич может говорить такие вещи...

Диса уложила корзинку и пошла назад по тропинке к их дому рядом с загонами. Нахо с гордостью посмотрел вслед своей жене, любясь ее стройной фигуркой и быстрой грациозной походкой: он знал, несмотря на внешнюю хрупкость, его жена таила в себе неистощимый источник внутренней силы.

Однако приятные мысли быстро сменились мрачными. Такое часто случалось с Нахо: непросто быть главой большого семейства, ответственность так велика...

Далеко за полдень Нахо зашел к своему двоюродному дедушке Анвару, почтенному старцу с совершенно седыми волосами, отчего его черные, как угли, глаза казались еще более пронзительными. Говорят, что глаза у человека с годами не меняются, как бы стар ни становился он... Анвар был тому лучшее свидетельство. Прикованному к постели старику очень нравилось, что Нахо регулярно навещает его, держит в курсе всех событий и сплетен в Хапца.

- Отправил коней в Пятигорск? - ворчливо спросил старик.

- Да, Тхамата, - ответил Нахо терпеливо. Он привык, что старик обращался с ним, как с подростком, и не обижался. Казбек вел себя так же. - Еще мы получили большой заказ от военных из Кизляра. Только вчера.

Прекрасно, прекрасно, - Анвар нетерпеливо перебирал четки в руках. Он не был склонен к созерцательности как Казбек и, казалось, был еще жив только потому, что не обращал внимания на свой возраст и вел себя так, будто все у него было еще впереди. - Знаешь, - он подался вперед и худым пальцем ткнул Нахо в грудь, - они все здесь считают меня за дурака!

- Уверен, что это не так, Тхамата. Мы очень ценим твое внимание, а мне очень нужны твои советы.., - Нахо говорил правду.

Иногда все просто забывали, сколько Анвару лет - не меньше девяноста, как ни считай - старик был проворен, как лисица. У него был энергичный голос, из всех сыновей Ахмета с Кубани лишь он обладал таким поразительным жизнелюбием. Табун всегда был его главной

страстью, сильнее которой была лишь забота о благополучии семьи. Сейчас его спокойствие свидетельствовало о том, что что-то не так.

- А теперь послушай, что я тебе скажу. Казбек всегда не любил, когда священники учат нас жить, и я тоже не люблю. Каждый сам волен выбирать себе религию. Мой Руслан стал уже совсем одержимым на старости лет, Нахо. Это тревожит меня...

Нахо не мог удержаться от улыбки. Разве не забавно, что древний Анвар говорит о своем сыне, которому уже за шестьдесят, будто о подростке, вступившем в «трудный» возраст! Конечно, приятно было пошутить на эту тему, хотя действительность казалась Нахо более удручающей, чем Анвару.

Имам Хапца Тап Анвар по-прежнему не упускал любой возможности поговорить с семьей уор-ков покинуть свои селенья. Нахо неизменно противился этому, ибо подобно Казбеку, считал, что долг каждого кабардинца - защищать землю предков. Однако Руслан, сын Анвара, был ярким мусульманином и его семья всегда жила в строжайшем подчинении религиозным канонам. Будучи сельским старейшиной, Руслан, пожалуй, мог решиться подать другим добрый пример.

- Руслан всегда был таким серьезным... Думаю, он противится моему непокорному нраву, - размышлял вслух Анвар, как всегда критикуя своего набожного сына. - Но, знаешь, его благочестие действует мне на нервы, Нахо. Анвар досадливо махнул рукой.

- Не нужно осуждать поведение других, - пробормотал Нахо, изо всех сил стараясь скрыть смешинку.

- Чепуха! Видел бы ты чеченских священников времен моей юности... Это были грозные с виду, отважные люди, не чета этим желчным, скудоумным сплетникам... Сегодня им всем так нравится властвовать: разжирели, сидя за спинами воинов, занимаясь сплетнями, да судами-пересудами! Скромности ни капли. Не люблю я таких... Но Тапа Анвара и Руслана водой не разольешь...

- Тс-с-с, Тхамада, ты уж слишком далеко зашел, - проговорил Нахо испуганно.

Анвар лег на спину, окрестив руки на груди:

- Я никого и ничего не боюсь, Нахо. Я просто хочу дожить свои дни спокойно, так, как привык.

Нахо рассмеялся:

- Тхамада, но ты вовсе не похож на тихоню, хвала Аллаху! Ты сам как буря, успокаивать надо!

- Ладно, ступай себе, - буркнул Анвар, делая вид, что хочет вытолкать Нахо вон. - И еще.., -он согнул палец крючком и подцепил Нахо за петлю на одежде, чтобы легче было дотянуться к уху:

И полегче там, с этим парнем. Карим не делает ничего худого... Нелегко быть младшим в семье, особенно в такой. А мой сынок может душу парню вымотать из-за этого. Всегда видит только худшее. Ничего страшного, что парень похаживает к этой гяурочке!

- Ты меня удивляешь! - воскликнул Нахо. - Ты же ненавидишь гяуров, как и все мы!

Анвар пожал плечами:

- Да, это так... Они хорошие бойцы, эти казаки, и, конечно, я ненавижу их, у меня для этого достаточно причин! Однако они живут с нами в мире уже много лет. Я сомневаюсь, что Карим носит в душе столько же ненависти, сколько я или ты.

- Должен носить, - сурово отозвался Нахо.

Но несколько позже, когда он вновь задумался над словами Анвара: может быть, в чем-то старик прав? Неподалеку от дома Анвара Нахо заметил и сам предмет их спора - Карима, ожидающего его с некоторым трепетом.

- Дядя, ты мог бы проехаться со мной немного? Мне нужно тебе кое-что показать...

Нахо согласился, проявляя сдержанность, как и обещал Анвару.

- Приятный вечерок, дружок. Давай прокатимся. Как твоя кобылка?

- Отлично. Такая красotka! Я тебя запросто

обставлю!

Карим рванул вперед, как стрела из лука, на своей крепкой кабардинской кобыле. Нахо сам подобрал ему эту лошадку: Карим усердно работал с табуном и прибрел навыки умелого наездника.

- Уфф! - сказал Нахо через пару верст. - Крепко! Я же целый день в поле отработал. Состязаться тебе надо с не со мной, а с моим сыном, когда он вернется!

Карим развернулся и рысью пустился назад, пока не поравнялся с Нахо.

- Жду этого с нетерпением, - не без удовольствия ответил Карим. Он был приятным парнем: в нем таилось какое-то внутреннее обаяние, свойственное всем мужчинам их рода - худощавый, горячий, отважный.

- Смотри, дядя, видишь, что казаки тут делают?

Всадники подъехали к откосу на берегу Терека, где напротив того самого брода, которым когда-то воспользовались Анвар и его друзья, намереваясь напасть на русский обоз с боеприпасами. На северном берегу реки, глубоко утонув в жидкой глине, лежали груды деревянных столбиков, тут же были сложены длинные балки, явно предназначенные для каких-то строительных работ

- Что это такое? - озабоченно спросил Нахо, хотя все сам прекрасно видел, просто ему требовалось время, чтобы опомниться.

- Это заготовки для будущего моста, дядя. Удобно будет, правда? Путь до рынка станет, самое малое, на час меньше.

- Хм. Похоже на то. Карим покраснел:

- Это неправда, знаешь... Несправедливо, что меня обвиняют...

- В том, что встречаешься с казачкой?

Карим кивнул:

- У них совсем другие нравы. Им можно раз говаривать и... с другими мужчинами, кроме родственников. Не так, как нашим женщинам. Я увидел ее тогда, когда мы вели лошадей мимо их загона, к станице. Я спросил дорогу - мне хоте лось всего лишь поупражняться в русском.

Я понимаю, - Нахо не знал, почему родственники попросили именно его поговорить с Каримом. Он сам никогда себя так не вел, в юности ему было не до глупостей. Времена были нешуточные: воспоминания тех дней до сих пор иногда посещали его душу ледящими кошмарами.

Между тем Карим собрался с духом для главных признаний.

- На обратном пути... да... она предложила нам напиток. Конечно, мне не надо было уступать и выдержать характер, но...

- Ты же был близко от дома.

Внезапно Карим поднял голову: темные озера его глаз светились такой честностью и неискушенностью, такой доверчивостью, какая бывает только в юности.

- Разве я поступил плохо? Это же просто крестьянская девушка. Они ведь тоже работают в поте лица. День был жаркий...

Нет, Карим. Я не говорю, что ты поступил плохо. Но ходить к ней на свидания - это уже никуда не годится. Мы должны быть сами по себе и поступать так, чтобы они чувствовали, как много нас разъединяет. Тебе бы следовало иметь побольше гордости. Кроме того... Нахо сделал паузу.

- Да, дядя?

- Настоящий кабардинец не чувствует жажды в дороге.

Это замечание уязвило Карима сильнее, чем упреки за романтические наклонности. Ему так хотелось выглядеть лихим парнем. Он склонил голову и смотрел все печальнее и обиженнее.

- Спасибо, что показал мост, - сказал, наконец, Нахо. Это важно. Надеюсь, никому не разболтал?

- Нет, дядя.

- Молодец. А теперь поехали домой, Карим. Не будем больше про этот случай говорить, но я, конечно, заступлюсь за тебя перед стариками, скажу, что мы во всем разобрались. Так ведь?

- Да, дядя, - ответил Карим, зная, что этот ответ понравится Нахо. Но в глубине души он продолжал обожать эту девушку-казачку и даже осмеливался мечтать о свадьбе. Он хлестнул коня и поскакал прочь со всей доступной ему прытью.

* * * * *

Нахо чувствовал, что новость о строительстве моста вскоре взбудоражит поселок. Так оно и вышло. Несколько дней спустя ему пришлось принимать у себя имама Тапа Анвара и выслушивать все, что тот думает по этому поводу.

- Эти безбожники имансис... Мы не должны были позволять им начинать строительство. Они ведь и издалека немало отравляют нам жизнь, загрязняют нашу землю.

Нахо не мог не подумать о том, что с тех пор, как Тап Анвар приехал в Хапча, возникало слишком много разговоров о загрязнении и прочих бедах. Вместо того, чтобы жить обычными радостями, люди постоянно думали об этих предупреждениях и запретах. Нахо никогда не любил Тапа Анвара, особенно неприятно было видеть его фигуру, все более заплывающую жиром - свидетельство неумеренного обжорства. Кабардинцы же всегда отличались умеренным образом жизни, стройностью и силой.

- Но, хаджи, благодаря мосту наши люди смогут легко пересекать реку. Особенно важно это, когда Терек разливается. Мы сможем быстрее доставлять наши товары на рынок. Это же хорошо!

Тап Анвар откусил какого-то лакомства и запил чаем:

- Наши дети начнут ходить за реку. Потом гяуры заманят их в свои школы. В христианские школы!

Нахо не думал об этом. Два его младших сына все еще жили у аталиков среди джлахстней. Страшно представить, что было бы, если б он не смог послать их туда в соответствии с обычаями...

- Я допускаю, что это может произойти. Не думаю, что это так уж плохо, хаджи. Рано или поздно нашим детям придется учить русский язык. Ты же знаешь, как много пользы принесло нашей семье традиционное знание русского...

Глаза Тапа Анвара сузились:

- Никогда не мог понять, почему так получилось, что в семье Ахмета с Кубани так хорошо знают язык гяуров.

- Однажды среди чеченцев появился русский пленный... лекарь, хороший человек. Звали его Василий. Он здорово подружился с моим прадедушкой. С этого и началось... Он обучил Казбека, когда тот был еще мальчиком, а Казбек уж позаботился, чтобы мы все выучились еще в самом юном возрасте...

Тап Анвар казался недовольным:

- Вот так это и начинается. С первой маленькой червоточки. Понимаешь, мы - мусульмане. Мусульмане должны учить Коран. Наши дети должны учить арабский, а не русский. Нам не нужно иных книг, кроме Корана. Нахо пытался спорить:

- Но ведь сказал Пророк: «Первое, что создал Господь, был Разум.»

Тап Анвар был хорошо подготовлен к таким выпадам:

- «Тот, кто знает себя, знает и Бога». Смотри вглубь. Вся эта жажда нововведений и знаний - не что иное, как жажда наслаждений, только умственных. Я хочу сказать, что все это начинается с контактов с гяурами. Более чем когда-либо я убежден, что всем нам следует перебираться в Стамбул, пока еще не слишком поздно.

Общаясь с людьми, предпочитающими самообразование, Тап Анвар старался показать, как ошибочны их взгляды с высот мусульманского мировоззрения. Нахо пытался отстаивать свое мнение в наиболее вежливой форме:

- Я помню, как мой дед даже выгнал тебя из дома, когда ты призывал к этому, - уколол он имама. - Ты помнишь, хаджи?

Но Тап Анвар был непотопляем: он, естественно, ожидал, что Нахо продолжит сопротивление.

- О да, старый Казбек - да упокоит Господь его душу - в этом смысле держался за старое. Но посмотри, как много семей я уговорил отправиться в путь. И все еще надеюсь, что однажды и ты решишься на это, Нахо. Твои единоутробные братья в Стамбуле богаты и влиятельны. О тебе там очень хорошо позаботятся. Уверяю тебя - там ты спасешь свою веру! - Тап Анвар простер руки, словно пытаясь дотянуться до рая.

Но не так просто было пошатнуть в Нахо его кабардинскую уравновешенность. Никогда в их роду не было религиозных фанатиков. Пример Казбека - лучшее тому подтверждение. Казбек, сам хаджи, благополучно вернулся из святых мест и мирно прожил многие годы среди своего народа, не страдая ни узостью мысли, ни лицемерием.

- Если я и перееду, хаджи, то не из-за веры. Чтобы быть мусульманином, не обязательно жить в Турции, - спокойно ответил Нахо. - Ведь русские не велят нам менять веру, не так ли?

Кислая мина на лице имама, казалось, вновь сменилась выражением азарта. Наконец-то он нашупал слабое место у Нахо. Как и все в его семье, Нахо гордился независимостью мысли, своей верой в возможность жить так, как жили раньше.

- Конечно нет. Пока, по крайней мере... - Тап Анвар покачал головой, но решил, что ему уже пора идти. Теперь он знает, как добиться своего.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

1877 год

Генерал Муса Кундук внимательно рассматривал карту, где были обозначены предполагаемые места концентрации его черкесских и турецких подразделений. Высокогорья Анатолии были слишком суровы для того, чтобы разворачивать там военные действия: хмурые серые небеса то и дело грозили снежными буранами, в холода солдаты могли обморозиться, а перебои с продовольствием способны ослабить даже самых сильных воинов. Голод может разбить войско, если этого не сделают болезни - неприятель здесь как раз менее всего опасен.

Война с Россией продвигалась неважно. Четырнадцатого октября главнокомандующий Ахмет Мухтар созвал совещание военачальников, которые убедительно рекомендовали ему начать переговоры о капитуляции. Тем не менее, Ахмет Мухтар упрямо отвергал эти предложения.

Ахмет Мухтар полагал, что черкесские войска генерала Кундука вполне способны выстоять. Высылаемые им патрули не доносили о каких-либо продвижениях русских частей, старающихся закрепиться на захваченных недавно территориях. Успех Турции в этой войне, по сути, зависел от того, сможет ли ее армия, получив передышку, перегруппироваться, закрепившись пока на рубеже крепости Каре - наиболее вероятной цели следующего наступления русских. Эту крепость необходимо было удерживать как можно дольше, пока остаток турецкого арьергарда укрывается в Соганлийских горах.

Вышло так, что Мухтар Паша попал в безнадежное положение на Алакских высотах. Лишь благодаря тому, что Муса Кундук, быстро сориентировавшись, двинул свою кавалерию на юг, было спасено шесть батальонов и полторы тысячи всадников. Вместе с тем, значительная группировка турецкой армии под началом старшего паши Хачи Ресита была вынуждена сдать в Дчифт-тепе, где попала в окружение. В плен сдались все семь пашей, двадцать шесть батальонов, двести пятьдесят два офицера, один кавалерийский эскадрон и восемь тысяч пехотинцев.

И вот теперь генерал Кундук, бывший генерал русской армии Кундуков, сидя в Кагизмане, на юге, ожидал дальнейших распоряжений.

Он мрачно всматривался в карту, которая показывала лишь успехи русской армии. Оставшиеся у Турции войска пытались закрепиться на ключевых позициях, удержать эти горные перевалы, по которым русские под командованием армянина, генерала Тер-Гукасова, несомненно, в ближайшее время двинутся на запад. И тогда, вероятно, вскоре падет крепость Каре, потом Эрзрум, а потом... Бог весть, может быть, следующим будет Батум. Все, что предприняли турки ради усиления своей мощи: обновление, перевооружение, переподготовка войск - все пошло прахом.

Кундук считал, что Ахмет Мухтар совершенно правильно начал наступление против русских в Анатолии. Действительно, нужно закрепить за собой стратегические преимущества здесь, в Закавказье, надежно сковав действия российской армии в то время, как всеобщее внимание было приковано к западной части Черного моря, к продвижению русских на Балканах.

Однако на данный момент турецкая армия не обладала достаточной мощностью для сдерживания российской Кавказской армии. Уж Кундукову ли этого не знать! Русские учили его военному искусству, он служил в русской армии, стал губернатором Терского края и сделал все возможное для этой армии.

Подчиненные ему старшие офицеры прибыли для получения последних распоряжений. Кундук поднялся, придав лицу решительное выражение:

- Итак, господа, я полагаю, утром следует начать активные боевые действия. Когда мы захватим эту гору, у Тер-Гукасова будет много хлопот. Продвигаясь к этим позициям, нельзя

ослаблять натиск, - объясняя расположение войск, он делал на карте четкие пометки карандашом.

Один из турецких офицеров решил кое-что уточнить:

- Ваше превосходительство, конечно, мы постараемся. Но сможем ли мы удержать эту позицию? Русские батареи стоят прямо напротив и наверняка задержат наше наступление. Может быть, следует обдумать обходной маршрут?

Кундук выглядел надменным и непреклонным:

- Видите эту дорогу? Эзек-Эльхас. Мы должны захватить ее до полудня, если хотим преодолеть заградительный огонь тех батарей, что Вы упомянули. Мы сможем это сделать, господа?

Этот вопрос не требовал ответа. Это был приказ. Кундук скрыл от своих войск известие о сдаче в Дчифт-тепе. В последних секретных донесениях сообщалось, что Мухтар Паша направился обратно к Карсу в сопровождении десяти тысяч пехотинцев, чтобы усилить оборону крепости, и по пути мог подвергнуться новой атаке русских в Соганлийских горах. Он был готов к этому. Кундук должен был помочь этой контратаке, связав силы Исмаил Хакки, одного из наиболее способных офицеров Тер-Гукасова, который уже двигался для соединения с основными силами генерала.

- Таким образом, - проговорил Кундук, завершая совещание, - у вас в запасе есть еще не сколько часов. Надеюсь, вы воспользуетесь ими, чтобы отдохнуть. До встречи на рассвете. Доброй ночи.

Когда офицеры выходили, Кундук окликнул младшего адъютанта:

- Аслан-бей... Вас зовут Аслан-бей, верно?

Задержитесь, пожалуйста. Хочу с Вами поговорить.

- Да, господин генерал. Слушаю вас.

Кундук благосклонно посмотрел на черкесского офицера, хорошо зарекомендовавшего себя в недавних боях с неприятелем. Он был высок, представительен, худощав, с лицом, тронутым оспой, и глубоким шрамом на виске - пуля скользнула по голове. В поведении этого человека чувствовалось внутреннее достоинство, черты отличались благородством. Несомненно, за всем этим кроется нечто необычное.

- Прошу Вас, посидите со мной. Выпьем, а уж потом отправимся на покой. Вы ведь, кажется, черкес, не так ли? Ваши соплеменники храбро дрались на Алакских высотах.

- Да, Ваше превосходительство, я - шапсуг.

Кундук улыбнулся и заговорил с ним на родном языке:

- Я так и думал. Давно не говорил по-черкесски! Я - осетин. Полагаю, Вы знаете об этом. Османы нас всех называют черкесами.

Аслан настороженно помалкивал, гадая, зачем генералу понадобилось это панибратство. Он давно уже не видел такой обходительности со стороны старших офицеров, поэтому вполне мог ожидать нового вероломства.

Кундук принялся раскованно болтать:

- Взять, к примеру, Ваше подразделение. Там наберется лишь горстка настоящих черкесов вроде Вас, остальные - осетины, чеченцы или балкарцы. И еще это называется черкесская кавалерия!

Аслан не мог понять, зачем этот высокопоставленный военачальник изволит говорить об очевидном.

- И, кроме того, когда вести о наших поражениях достигнут Чечни, - сухо отозвался Аслан, - там прекратятся последние попытки сопротивления.

Лицо Кундукова вспыхнуло.

- Что, все кавалеристы так считают? Что, дела у нас так плохи?

- Нет, я не это имел в виду, Ваше превосходительство. - Аслан покачал головой. - Я хотел лишь подчеркнуть, что у нас здесь разные люди, смесь многих народностей и родов. Легко спутать. Это случалось раньше, это будет случаться и впредь...

- Раньше? - Кундуку стало интересно, на сколько опытен этот бывалый вояка,

который знает больше, чем следовало бы.

- Два года назад я воевал под Эрзрумом. Мои люди захватили караван, состоящий из грузин, обращенных в рабство. Потом кто-то приехал из британского посольства и составил отчет об этом событии. Я читал его. Там всех этих невольников автор назвал черкесами, хотя сам же общался с ними через грузинского переводчика.

- Всех горцев светлой масти называют одним чохом черкесами или «черкесцами», - сказал Кундук. - Благодаря этому за невольников можно получить более высокую цену..., - он не мог скрыть своей неприязни.

- Я знаю, Ваше превосходительство. – Аслан твердо посмотрел в глаза генерала.

Неважно, кем были невольники - турками, армянами, русскими, казаками... Они все уверяли, что у них жены - черкешенки, ведь адыгские женщины - самые красивые. Аслан вспомнил об одной из них, чья красота, увы, увяла, не достигнув полного расцвета. Мариан и ее ребенок. Он продолжал посылать им деньги, а вот Ханаф давно уже умер.

- Это все, Ваше превосходительство? - устало спросил Аслан.

Однако Кундук никак не мог успокоиться. Что-то тревожило его сегодня.

- Откуда Вы родом? - настаивал он.

Аслан решил, что этому человеку очень одиноко, а, вернее всего, он просто боится завтрашнего сражения, ведь любому ясно, что их ждет поражение. Черт побери, в такую ночь у него были все основания раскаться в худых делах. Каждому есть в чем раскаться.

- Я уже сказал Вам, что я шапсуг. Мой отец хаджи Даниль, сражался вместе со «львом Кавказа» Казбеком. Это было еще во время кампаний тридцатых годов.

- Казбек! С Терека! Я хорошо знаю этот район Кабарды. Хорошо знал эту семью, точнее внука Казбека, молодого красивого коневода Нахо...

Нервы Аслана сдали. При одном упоминании о друге его глаза наполнились слезами. Кундук же увлекся воспоминаниями о своей жизни в горах и, к счастью, не заметил реакции Аслана.

- Я был губернатором Терского края с 1859 года, после сдачи Шамиля. Чудесное место! Кабардинцы очень не хотели уезжать оттуда. Семья Казбека особенно сильно противилась этому, а они имели огромное влияние на людей. Хапца! Вот местечко! Этот молодой Нахо тогда свел на нет все мои усилия.

Аслан потер рукой утомленное лицо. Боль воспоминаний была слишком велика, у него не было никакого желания обсуждать прошлое.

- Полагаю, что так, Ваше превосходительство.

- В конце концов, я решил связать свою судьбу с Турцией, - доверительно сообщил Кундук. - Когда я выехал, со мной были в основном чеченцы и осетины. Кабардинцев было немного...

Аслан должен был спросить. Этот человек руководил перемещением тысяч семей горцев в пору своей службы у русских. Было хорошо известно, что в знак протеста против ужасного обращения с переселенцами, он сам последовал в Турцию во главе тех, кого уговорил на эмиграцию. Это был знаменитый бывший генерал-майор Кундуков. Знал ли он, что произошло на самом деле? Говорили, что его семья хорошо устроилась в Турции. В отличие от других...

- Вы вините тех, кто остался, генерал? Что касается меня, я жалею, что моя семья не осталась. После того, что я знаю теперь...

Кундук пристально посмотрел на этого черкеса, человека в расцвете сил. В другие времена у него была бы семья, и хозяйство, и будущее. Сейчас у него был вид воина, готового сражаться до конца, ибо отвага - все, что у него осталось. Это была его единственная возможность служить Кавказу.

Кундук сделал большой глоток, чтобы успокоиться. Затем медленно заговорил. Было слишком поздно для лжи - говорить следовало только правду.

- Многие черкесы жалеют о том, что переселились в Турцию. Я никому не говорил об

этом, но я и сам жалею о том, что сделал. В то время я был уверен, что действую в интересах моего народа. Но меня ввели в заблуждение мои командиры в России, а турки просто обманули меня.

Он поднял глаза на Аслана. Тот по-прежнему стоял неподвижно, как скала. Лишь слабое подергивание века выдавало его нервное напряжение. Кундук был вынужден говорить о своей вине с этим человеком, который вполне может умереть, стоя вот так, неподвижно, рядом с ним.

- Турция поработила наших молодых мужчин и послала их воевать на Балканы, как пушечное мясо, - он снова посмотрел на Аслана, - Вы служили на Балканах, Аслан-бей?

- Да, Ваше превосходительство. Некоторое время. Я... Мне надо было поддерживать двоих людей...

Кундук расстроился:

- Позор! Позор! Наивно было думать, что турки станут соблюдать наши с ними соглашения. Пол миллиона молодых черкесов оказались в тисках между двумя воюющими армиями. Это черная страница в истории Османской империи, - он продолжал ворчать, сжимая кулаки, словно старался этим усилием успокоить себя.

У Аслана больше не осталось сил, чтобы выразить свой гнев. Он думал только о своих погибших родителях, о трупах, безобразно распластавшихся на пустынном берегу моря... Он думал о младенцах, сброшенных в Черное море с гниющих кораблей-гробов... Он думал о годах военной службы, которые превратили его в незнающую жалости боевую машину, о том, что он намеренно застрял здесь, в Анатолии, чтобы только быть ближе к своему любимому Кавказу.

- Что ж, Ваше превосходительство, - сказал он наконец, - если мы сейчас будем хорошо служить Турции, тех из нас, кто останется в живых, будут больше ценить. Турки останутся перед нами в долгу. Это что-нибудь значит?

Кундуков встал, чтобы пожать Аслану руку:

- Надеюсь, что это так, Аслан-бей. Удачи Вам назавтра. И передайте наилучшие пожелания Вашей черкесской кавалерии.

- Благодарю Вас, Ваше Превосходительство

Мы сделаем все, что можем, - Аслан шагнул в ясную морозную анатолийскую ночь.

* * * * *

Нахо занял свое место в мечети среди молящихся сельчан Хапца. Была пятница, люди собрались на положенную молитву. Нахо гордился тем, что его старший сын Хасан стоит коленапреклоненный тут же, рядом с ним. Он был красив, с такими умными голубыми глазами и вдумчивым лицом, как у прапрадедушки Ахмета с Кубани. Теперь у Нахо было пятеро детей, четверо из них - здоровые юные сыновья. Господь был благосклонен к нему. Юноша наблюдал, как Тап Анвар поднялся, собираясь взойти на возвышение, чтобы читать пятничную проповедь.

- Отец, он надолго затянул? - шепотом спросил сын.

Нахо посмотрел на него, и этот взгляд очень удивил Хасана. Он ожидал, что отец - как это было принято у них в семье - относится к священникам с некоторой иронией. Однако сегодня Нахо был необычно серьезен.

Тап Анвар принялся что-то монотонно бубнить, но Хасан едва слушал - он был еще слишком юн и многого не понимал. Нахо заметил, как поникла голова сына, и в душе у него все перевернулось. Разве он может понять, что грядет? Это был решающий момент.

- Братья мои в Исламе! - голос Тапа Анвара звучал как-то особенно напористо. - Я рад, что вас здесь так много сегодня. Не каждую пятницу

мне удастся собрать столько в этом божьем храме. Однако эта пятница - особенная, и я рад, что все вы пришли. Я не буду говорить долгих и непонятных речей. Все вы слышали, как я говорил о «Бейт аль Ислам». Так можно назвать и мечеть, эту мечеть, где мы сейчас находимся: дом Ислама. Или же это может означать мусульманскую «умма», что по-арабски звучит как «мусульманская нация»...

Тап Анвар помолчал, убедившись, что все внимательно слушают его.

- Свое призвание в жизни я вижу в том, чтобы собрать свою паству в этот «дом Ислама», и делаю все для этого. Великое прибежище Ислама - Турция, и ее султан - последний и единственный калиф нашего Господа Пророка Мухаммеда, да будет славен Аллах...

Все эти годы мы находились под властью неверных - русских, но не ощущали их вредоносного влияния благодаря нашему могучему Тереку. Он отделял нас от них и служил некоторой защитой, укрытием для нас. Теперь, братья, этого больше не будет. Они требуют, чтобы мы посылали наших детей в их школы. Скоро они придут к нам и станут забирать наших девушек себе в жены. Нашим юношам понравятся их девушки. Наш народ смешается с ними и скоро исчезнет...

Нахо толкнул локтем юного Хасана, который забылся в мечтах. Но после проповеди Хасан заметил, что все мужчины вели себя очень тихо, в особенности его отец, который на обратном пути к их дому на Тереке не произнес ни слова. Холодало. Хасан был рад, что на нем надета теплая бурка и белая меховая папаха. Он никогда еще не видел свою деревню такой красивой, как сейчас: она была покрыта сверкающим на солнце снегом, а небо сияло глубокой синевой.

- Я вчера ездил верхом с Каримом, - гордо заявил Хасан, стараясь поднять настроение отца.

- Доскакал аж до того ущелья! Мы здорово поохотились, отец, - он был необычайно доволен, что его старший родич не пренебрегал им.

Нахо резко обернулся.

- Карим хороший наездник, - сказал он резко,

- но ты не должен проводить слишком много времени с ним. Он... Он старше тебя, и не хочет, чтобы мальчишка все время крутился у него под ногами.

Глубоко задетый этой отповедью, Хасан больше не стал говорить с отцом. Они вернулись домой в молчании, и Хасан был рад, когда ему позволили пойти в свою комнату - он озяб и был обижен.

Нахо смотрел мальчику вслед, и ему хотелось избить самого себя за то, что был так резок с ним. Но на него давил гнет забот, навалившихся со всех сторон. Карим может плохо повлиять на его сына. Все знают, что он продолжает водить дружбу с этой казачкой и ее семьей.

Тап Анвар был прав в одном. Мост - это только начало. Русские власти уже затребовали список всех детей деревни - говорили, что они собираются ввести обязательное обучение. Можно подумать, что кабардинцы столетиями не справлялись с образованием своих детей сами.

Постоянный покупатель граф Строганов ждал Нахо на террасе дома. За последние годы его увлечение арабскими лошадьми превратилось в страсть. Однако ему пока было далеко до конного завода Ахмета с Кубани, где торговля велась широко.

Нахо был рад видеть его. Между двумя мужчинами существовал холодноватый, но честный союз - открытость и взаимное доверие, которые, при других обстоятельствах, могли бы перерасти в дружбу.

- Это был Ваш сын, Нахо? Красивый парень, - дружелюбно заметил граф Строганов. Он тоже оделся потеплее - в пальто, подбитое каракулем,

и меховую шапку: вне зависимости от погоды он всегда выглядел «комильфо».

- Да.. Прошу Вас в дом, выпейте чаю. Какие новости из Пятигорска, граф?

Граф кашлянул в платок. Нахо слишком хорошо знал его - он понял, что гость тщательно подбирает слова.

- Большие успехи нашей армии в Закавказье, - сказал он, искоса глядя на Нахо, Турки потеряли Каре...

Нахо молча глотал свой чай. Теперь картина была полной. Картина, которую он надеялся никогда не увидеть.

- Отныне границы России на юге будут еще надежнее, - сказал он.

- Да, но кампания еще не закончена.

- Нет, я бы сказал, она только начинается, - с горечью добавил Нахо, - Это была наша последняя надежда. Думаю, теперь, нас, мусульман, все-таки вынудят покинуть наши дома и отправиться к нашим «турецким братьям». Разве Вы не так поступили бы на нашем месте, граф?

- Именно поэтому я здесь, Нахо. Могу ли чем-либо Вам помочь?

Внезапно Нахо увидел еще одну деталь картины.

- Вы хотите предложить цену за моих лошадей? - спросил он бесстрастным тоном. - Вы и землю хотите купить?

Строганов не покраснел:

- Дорогой мой Нахо! Мы много лет прекрасно вели дела вместе. Я бесконечно уважаю Ваше искусство. Я предложу Вам гораздо лучшую цену, чем кто-либо другой... Дайте мне высказаться. Вы были...

Нахо поднял руку.

- Не нужно заверений в дружбе, граф. Я все понимаю. Если я не уеду немедленно, я могу потерять время, и моих лошадей, вполне вероятно, продадут с аукциона. Я бы хотел, чтобы кобылы-производительницы остались вместе.., -он не добавил, что доверяет графу продолжение своей работы. Лучше уж так, чем продать все казаку-барышнику, у которого нет ни уважения к нему, ни способности оценить то, чего он достиг.

- Что ж, в таком случае... Нет, землю я не куплю. Думаю, что казаки дадут за нее лучшую цену. Да я и не могу позволить себе потратить так много.

- Земля не будет продана. Она не моя, я не имею права ее продавать. Дайте мне время на раздумье, - Нахо встал и протянул Строганову руку.

- Спасибо, граф, за Ваше предложение.

- Это и мне выгодно, Нахо, - Строганову было неловко. Его новый конный завод в Тереке был на подъеме, и Нахо отлично знал об этом.

Нахо немного смягчился:

- За моими лошадьми будет хороший уход. Это просто удача.

Он проводил графа до экипажа: теперь в Хапча можно было проехать по грунтовой дороге, которая делила деревню пополам и вела к мосту через Терек. Нахо смотрел, как повозка, трясаясь по замерзшим бороздам грязного проселка, сворачивает к реке. Затем он принялся чинить конскую упряжь на конюшне - ему необходимо было занять себя - чем-нибудь, пока огромная тяжесть случившегося не навалилась на него, не заняла все его мысли.

Он думал о переселении. Настало время признать свое поражение.

На порог конюшни легла тень. Вошли двое жителей деревни. Они тяжело дышали, от них шел пар. Это были его небогатые соседи, добрые, преданные, трудолюбивые люди.

- Нахо, можно с тобой поговорить? - сказал один из них. - Это правда, что имам убедил тебя переселиться?

- Всем известно, что он склонен преувеличивать, - сказал второй сосед, - вот мы и решили спросить об этом у тебя самого, если ты, конечно, не обидишься.

- Мы видели, как от тебя вышел русский.., -добавил первый.

Несмотря на мрачное расположение духа, Нахо не смог сдержать улыбку. В Хапча ничего не могло пройти незамеченным. Неужели он навсегда утратит эти близкие отношения с односельчанами? Это было немыслимо. Нахо прекратил работу:

- Братья мои, я решил ехать в Стамбул вовсе не из-за речей Тапа Анвара.

Соседи вздохнули с облегчением:

- Значит, ты не считаешь, что нам всем надо ехать?

- Мой отъезд не должен повлиять на ваше решение, вот что я хочу сказать. У меня родные в Турции. Я еду туда, чтобы соединиться с ними. Каждый должен решить так, как подсказывает ему его сердце.

- Тап Анвар говорит, что он устроит нам переезд, подготовит все нужные бумаги и все такое..., - сказал один из соседей.

Нахо вновь принялся за работу. Он не решился сказать этим людям о своих опасениях. Как заговорить об ожидающих их опасностях - ведь у них, возможно, не будет другого выбора, они вынуждены будут переселиться. Он не может отнять у них надежду.

- Если Тап Анвар поедет с нами, тогда, скорее всего, с нами будут хорошо обращаться, - сказал Нахо. - Но давайте не торопиться с решением, братья. Давайте подождем и посмотрим.

Всю зиму Тап Анвар продолжал свое наступление на Нахо. Он приносил письма Сатани и ее мужа Шамирзы Омара, в которых они умоляли его поговорить с Нахо.

- Нахо, она стареет. Она переживает о том, что будет с тобой. Она хочет увидеть тебя еще раз, помочь тебе устроиться в новой жизни... Сейчас там все не так, как десять лет назад. Сейчас черкесов уважают за все, что они сделали для Турции...

Нахо чувствовал этот мощный нажим. В нем шла внутренняя борьба: иногда его наполняла надежда, но затем снова охватывала скорбь. Старая кабардинская пословица говорит: «Если позволишь чужаку стать твоим хозяином - умрешь от раскаяния».

- Понимаешь, - говорил Тап Анвар в другой раз - он то и дело заходил к Нахо, - у тебя есть выбор. Твои страхи совершенно напрасны. Послушай, что пишут твои родственники: Шамирза Омар ходатайствовал за жителей Хапца в Мудире - департаменте по делам переселенцев. Они говорят, что, возможно, ты захочешь присоединиться к другим кабардинским семьям, которые поселились в южных провинциях Билад Аль Шам. Они образовали там процветающую общину, она называется Амман. Конечно, это толтаво предложение..., - Тап Анвар уставился на Нахо, прижимая письмо к груди.

- Подумай об этом, Нахо. Им, кажется, нужны работники на строительстве крупной железной дороги. Дорога Хеджас, она свяжет Медину и Мекку! Какой замысел! Прекрасное занятие для наших молодых мужчин.

- Им нужна будет земля, а не железные дороги, - возразил Нахо.

- Да, конечно, Османские власти дадут им землю в оплату за их труд. Это отличный замысел, Нахо, и твои соседи будут благодарны тебе, если ты устроишь это для них.

Нахо все время ощущал, как петля затягивается на его горле. Ночами, когда он засыпал рядом с Дисой, образ слабой, но такой прекрасной старой женщины, сидящей в саду своего дома в Стамбуле, становился столь ярким, сновидение так настойчиво преследовало его, что он просыпался в слезах. Он часто думал о матери, о том, как она боялась за него, как она вдруг повеселела и залилась девичьим смехом... Ему безумно хотелось снова увидеть ее. Его последняя встреча с ней была такой короткой, сумбурной, незавершенной. В глазах у него стояли слезы. Потом он украдкой пробиравшись в комнату, где спали его мальчики, безмятежно разметаившись в легком, и сладостном детском сне. Нахо подолгу стоял над Хасаном, стараясь заглушить в себе чувство горечи, предчувствие беды.

Месяц спустя вернулся граф Строганов и настоял на совершении сделки. Русские власти закончили перепись населения деревень - и вот вышел указ: все кабардинские семьи должны отправлять своих детей в возрасте от семи до двенадцати лет в местные школы, где их будут учить русскому языку и основным доктринам христианской веры.

Жизнь в поселке превратилась почти в полный хаос. Мужчины собирались друг у друга, горячо обсуждая все за и против этих новых постановлений и то, что же теперь им делать.

Руслан позвал к себе Нахо. Было ясно, что имам крепко обработал Руслана, чтобы тот изо всех сил уговаривал своего родственника следовать делу мусульманской веры.

- Давай посидим немного, Нахо. Должен сказать тебе, что я решил вместе с семьей ехать с Тапом Анваром в Стамбул.

- Руслан! Ну как ты мог! Анвар придет в ярость и ни за что не поедет с тобой!

Руслан спокойно отнесся к этому взрыву негодования, объясняя его лишь неумной вспыльчивостью.

- Понимаешь, Нахо, мой отец живет в вымышленном мире, в мире своей молодости, когда все было совсем иначе. Послушай меня. Ты должен подать пример остальным сельчанам. Они смотрят на тебя. Я не хочу, чтобы ты слепо подчинялся желанию старших. Я хочу, чтобы ты все понял сам, осознал причины...

- Тхамада, - твердо проговорил Нахо. - Мне нелегко решать этот вопрос второпях. Я видел такие вещи...

Руслан вдруг сбросил с себя маску особой значительности, доверительно взял Нахо за руку. Этот человек сильно походил на своего деда, которого Руслан глубоко уважал, за звание хаджи, стараясь не вспоминать о кровопролитиях и жестокостях. Возможно, поэтому в их отношениях с Нахо всегда была некоторая сдержанность.

- Послушай, Нахо. Не раскалывай семью. Мы же родственники. Наши сыновья должны расти вместе, как и мы, - он не потрудился помянуть о том, что большинство его собственных сыновей отказались уезжать вместе с ним.

Это был сильный довод. Нахо покачал головой, но скорее с печалью, чем с неодобрением. Он ушел домой. Может быть, Аллах не хочет того, чтобы его род продолжился здесь?

Теперь Нахо еще чаще стал просыпаться по ночам, мучительно борясь с самим собой. Земля - это все для человека... Так учил его дед. Но что толку от земли, если народ утрачивает свою культуру? И что, в конце концов, значило остаться в живых, если исчезала история? Человек без прошлого - уже не человек.

Об этом же говорил и старый Анвар в тот день, когда уводили лошадей к новому хозяину:

- Мой отец, Ахмет с Кубани, основал этот табун. В свое время он прошел весь этот путь с запада, через горы, и осел здесь, среди братьев- кабардинцев. Его приняли тут. Поезжай, Нахо. Поезжай туда, где тебя примут. Это я говорю тебе, парень: это конец нашей жизни здесь. Смотри.

Анвар вытянул дрожащую руку, указывая на еще одну русскую повозку, полную чиновников и священников, которая катила мимо поселка: чиновники спешили продолжить перепись или сочинить новый указ во имя процветания и прогресса.

Пули и пушки уступили место перьям и бумаге. Жителям оставалось либо раствориться среди пришельцев, отказываясь от своей веры, от своих Хабза, либо покинуть свои земли и жилища. Или это только казалось Нахо?

Старый Анвар умер зимой. Последний, кто связывал их с прошлым, отправился на вечный покой. По крайней мере, его похоронили рядом с братом Казбеком и родителями, Ахметом и Цемой, в той самой долине у Терека, где они так усердно трудились всю жизнь. Потомки уже не могли рассчитывать на это.

Однажды погожим весенним днем Нахо и четверо его сыновей с помощью Дисы, обремененной еще крошкой-дочуркой, уложили в повозки свой скарб, готовясь присоединиться к длинной череде таких же повозок переселенцев, собирающихся отправиться в «Бейт аль Ислам». Три десятка семей во главе с Тапом Анваром приготовились к этому пути. Среди них был и Руслан, сын Анвара. Почти все его Дети, включая Карима, лучшего наездника в семье, решили остаться. Карим слишком сильно любил эту долину, несомненно, что однажды он женится и даст начало новой семейной ветви среди джлахстней. Он и еще несколько молодых парней, принявших такое же решение, останутся здесь и навсегда сохранят на Кавказе народ адыгов и их Хабза.

Однако табун Ахмета с Кубани не сохранился. По крайней мере здесь, на Тереке. За повозками Нахо стояли, вытянувшись в длинную цепочку привязанные один за другим, шесть прекрасных белых арабийцев. Нахо надеялся переправить их в Турцию и возродить там свой табун. Ветер колыхал хвосты коней.

Юный Хасан и три его брата устроились на задке повозки, присматривали за лошадьми. Время от времени они окликали их или развлекали друг друга шутками и всякими историями. Так они словно старались заглушить плач женщин в повозках и вопли малышей, которые, видя расстроенные лица своих матерей, тоже ударялись в рев.

Нахо сидел впереди рядом с Дисой. Его маленькая изящная жена выглядела такой собранной, напряженной. Все ее имущество грудой лежало тут же, за спиной. Диса качала на руках маленькую дочь. Глянула на мужа, улыбнулась натянуто.

- Чем нас больше, тем лучше, - сказал Нахо, крепко сжимая ей руку.

Тап Анвар подал сигнал - и длинная череда повозок двинулась к западу, оставляя позади родную долину у Терека.

На этот раз имамы и гяуры успешно поработали вместе.

ЭПИЛОГ

Мудрый и богатый князь построил в лесу большой высокий дом. Чтобы он стоял прочно, князь возвел его на двадцати шести столбах из крепчайшего дуба. Некоторое время спустя один из столбов устал нести свою ношу и рассудил так: «Тут ведь еще двадцать пять столбов, что держат дом... И, если я покину это место никому не будет вреда». Так он и поступил. Но что бы вы думали! Многие из прочих двадцати пяти столбов решили сделать то же самое. Дом рухнул: оставшиеся мощные опоры раскатились, не в силах более выдерживать такой груз.

Литературно-художественное издание
Мухадин Иззет Кяндур
КАВКАЗ

Историческая трилогия
Заведующий редакцией В. Н. Котляров
Технический редактор Л. И. Прокопенко
Л. Р. № 010238 от 27.04.92

Подписано к печати 12.10.94. Формат 84x108 Бумага типографическая №-2. Гарнитура
школьная модернизированная. Печать офсетная.

Усл. п. л. 17,64. Уч.-изд.л. 15,75.

Тираж 10 000 эк. Заказ № 2840.

Издательский центр «Эль-Фа»

Полиграфкомбината им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

360000, г. Нальчик, пр. Ленина, 33



Мухадин Иззет Кандур родился в Аммане, в Иордании. Родители его кабардинцы. Подростком он отправился в Соединенные Штаты, где окончил историческое отделение Ирлхэмского колледжа.

Затем он изучал экономику и международные отношения в Клермонтском университете (Калифорния), и по окончании ему были присвоены степени магистра наук, по международным отношениям и доктора философии. Работал Мухадин Кандур в сфере бизнеса в транснациональных компаниях Нью-Йорка и Лондона. В начале семидесятых он четыре года был в Голливуде сценаристом и продюсером-режиссером.

М.И.Кандур - автор нескольких крупных научных исследовательских и двух опубликованных романов: «The Skyjack Affair» и «Rupture». Последние двадцать лет Кандур совмещает бизнес и творчество, занимаясь консультативной деятельностью в Лондоне и работая над телевизионными документальными программами.

В настоящее время проживает в Аммане.